Генерал Доватор (Книга 1, Глубокий рейд)

Павел Ильич Федоров

SHOUT
SHARE
IT

- Федоров Павел Ильич

Федоров Павел Ильич
Генерал Доватор (Книга 1, Глубокий рейд)

Павел Ильич ФЕДОРОВ

ГЕНЕРАЛ ДОВАТОР

Роман посвящен героическим действиям советских кавалеристов в

оборонительных и наступательных боях против немецко-фашистских

захватчиков под Москвой в 1941 году. В центре повествования - образ

легендарного командира кавалерийской группы, а затем кавкорпуса

генерала Л. М. Доватора.

Роман составляет первый том выпускаемого Военным издательством

двухтомника избранных произведений П. Федорова. Во второй том войдут

романы "Синий Шихан" и "Витим Золотой".

Книга первая

ГЛУБОКИЙ РЕЙД

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Часть первая Часть вторая
Пролог Глава 1
Глава 2
Глава 1 Глава 3
Глава 2 Глава 4
Глава 3 Глава 5
Глава 4 Глава 6
Глава 5 Глава 7
Глава 6 Глава 8
Глава 7 Глава 9
Глава 8 Глава 10
Глава 9 Глава 11
Глава 10 Глава 12
Глава 11 Глава 13
Глава 12 Глава 14
Глава 13 Глава 15
Глава 14 Глава 16
Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23

...Будет, будет бандурист с седою по
грудь бородою, а может, еще полный зрелого
мужества, но белоголовый старец, вещий
духом, и скажет он про них свое густое,
могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету
о них слава, и все, что ни народится потом,
заговорит о них...
Н. В. Гоголь. "Тарас Бульба"

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ПРОЛОГ

Отца своего Алексей Гордиенков не помнил. От матери он слышал, что отец в двадцатом году служил у Котовского, но домой с фронта не вернулся.

После гражданской войны мать с Алешкой стала жить на Северном Кавказе, в небольшом районном городке, и поступила работать на фабрику.

Все шло хорошо до тех пор, пока двадцатишестилетняя мать не вышла вторично замуж.

Этот поступок матери вызвал на первых порах в Алешкиной душе законное удовлетворение и даже гордость. "У каждого порядочного мальчишки должен быть отец, и вот теперь он будет и у меня", - подумал Алешка.

Однажды мать приехала домой на ломовом извозчике, а с ней - высокий черноусый мужчина с пушистым воротником на пальто.

- Ну как? - спросил черноусый.

- Ничего, - неопределенно ответил Алешка.

- Это, Алешка, будет твой папа. Люби его, он хороший, - сказала мать.

Алешка ничего не ответил.

- Дикарь он у тебя, - заметил матери черноусый, взваливая на телегу кровать.

На такое определение своих качеств Алешка и глазом не моргнул: бывали случаи, называли его и похуже!..

С переездом на новое местожительство Алешкина жизнь коренным образом изменилась.

Алешка был лишен привычной свободы и всех своих и без того немногих детских благ, а самое главное - материнской ласки. Он возненавидел свой новый дом, отчима. Стал пропадать

неизвестно где, по нескольку дней не являлся домой ночевать.

Пробовали его запирать в комнате. Он, как дикий волчонок, забивался в угол, молчал и только угрюмо косился на дверь.

Как только ему удавалось вырваться из дому, он отправлялся шляться по огородам, жил на бахчах у караульщиков, у рыбаков, помогал хозяйкам носить с базара корзинки с провизией, за что получал пятак, а то и гривенник, но никогда не воровал. По вечерам ездил с другими ребятишками в ночное пасти лошадей. И тогда ему казалось, что нет в мире большего наслаждения, чем после горячей скачки сидеть ночью на опушке темного леса, возле пылающего костра, вышвыривать палочкой из потрескивающей золы печеную картошку.

Днем, закинув в кусты надоевшие удочки, он раздевался и нырял с моста в воду. Накупавшись всласть, вылезал на берег и, зарывшись в накаленный солнцем песок, часами лежал не шелохнувшись. Был он смугл, как семенной волоцкий огурец, и его светлые кудри добела выгорели на солнце.

Однажды бойцы кавалерийской части привели на реку купать лошадей. Это зрелище показалось Алешке великолепным. Кавалерийские кони совсем не были похожи на заморенных кляч, которых он гонял в ночное.

Кони были рослые, с гордо поднятыми головами, некоторые с белыми звездочками на лбу и красивыми, "в чулках", ногами.

- Дяденька, дай одноё покупаю, - попросил Алешка, робко подойдя к одному из бойцов.

Красноармеец покосился в его сторону, усмехнулся:

- Какой я тебе дяденька? Ишь, племяш нашелся... Упадешь еще да и утонешь...

- Кто? Это я утопну? Да я вон как плаваю, глянь, а ну, глянь! Алешка, сверкнув пятками, с разбегу бултыхнулся в воду. Вынырнул он далеко от берега, перевернулся на спину, потом лег на бок и, выбрасывая шоколадного цвета руки, поплыл к середине реки.

Выйдя на берег, снова попросил:

- Дай сесть-то, поглыбже заеду... Жалко?

- Ну, ладно, иди. Посажу... За гриву держись! Эх, брат, ты и холку-то не достанешь! - Красноармеец сильными руками подхватил скользкое Алешкино тельце, и тот, как клещ, вцепившись в мокрую гриву, быстро вскарабкался на спину коня.

Алешка, часто ударяя по бокам коня пятками, натянул поводья. Конь покорно пошел вперед, все глубже и глубже погружаясь в воду.

- Поворачивай! - командовал красноармеец с берега.

Алешка с замирающим от удовольствия сердцем дергал за

повод. Конь вздымался на дыбы, бил копытами по воде - и во все стороны разлетались сверкающие янтарные брызги.

- Завтра опять приедешь? - держа в поводу мокрого коня, спросил Алешка.

- Теперь каждый день будем приезжать, пока в лагеря не уедем. Красноармеец аккуратно навернул белую портянку, сунул ногу в сапог и, натягивая голенище, спросил: - Понравилось?

- Эх, кабы лошадку мне!..

- Скажи отцу, чтобы купил.

- Нету у меня отца... - Алешка насупился и опустил голову.

- Помер, что ли, отец-то? - спросил красноармеец.

- Может, и помер, - ответил Алешка.

- Так, значит, безотцовщина. А мать?.. С кем ты живешь?

- Один живу.

- А как насчет еды? - застегивая ремень, допрашивал красноармеец.

- На базаре аль еще где...

- Воруешь?

- Я не вор! - У Алешки дрогнули ресницы. Он поднял голову и строго взглянул красноармейцу в глаза. - Я работаю! Кухаркам корзины таскаю, рыбу ловлю! Водой на базаре торгую - на копейку кружка. Пусть другие воруют, а мне не надо...

- Ну, ладно, не обижайся! Приходи завтра лошадей купать.

Красноармейцу понравился смуглый задорный парнишка. Он вынул из кармана двугривенный и протянул Алешке.

- Я и за так буду. Не надо...

- Бери, бери! Я тебе не за это...

Взять деньги Алешка отказался.

На другой день, закусив холодной картошкой, Алешка развалился на песке и стал поджидать красноармейских лошадей.

На берегу, весело переговариваясь и звонко шлепая вальками, женщины полоскали белье. Рядом, в мелкой воде, копошились ребятишки, выискивая красивые камешки. Две голые девочки рубашкой выбораживали рыбешку.

По мосту, грохоча подковами и колесами на железном ходу, проходили запряженные в брички толстоногие битюги, проезжали крестьянские подводы, которые тянули вислобрюхие лошадки. Алешка провожал их теперь презрительным взглядом. Перед глазами стоял вчерашний сказочно красивый, высокий, сухоголовый, с белыми губами конь - точь-в-точь такой, как в сказках, которые Алешка слышал в ночном. "Вот бы на таком домой приехать! Что сказали бы?.."

Пригревало солнце, катилась блестевшая в его лучах река, у берега плескались ребятишки. Алешка достал из-за пояса курай,

сделанный из простой полевой дудки, и тихонько заиграл. Полились жалостные, тоскливые звуки. Женщины разогнули спины, перестали полоскать белье; повернув головы, прислушались.

Играть на этом нехитром инструменте Алешку научил его приятель сынишка дрогаля Биктяша, Хафизка, с которым он часто ездил в ночное. Хафизка, как и многие башкиры, изумительно играл на курае. По вечерам, когда ребята сидели у костра, Хафизка доставал курай и, засунув его за щеку, смешно скосоротив лицо, начинал играть. В тишине ночи лились томящие сердце звуки степной мелодии, неизвестно когда и кем сложенной...

Увлекшись игрой, Алешка и не заметил, как подъехали красноармейцы.

- Да ты, оказывается, музыкант!

Алешка обернулся. Верхом на белогубом коне сидел знакомый кавалерист. Спрыгнув с коня и бросив Алешке поводья, он сказал:

- Толково выводишь!..

Смуглое Алешкино лицо, усыпанное, точно маком, веснушками, расплылось в улыбке. Мальчик сунул дудку под ошкур истрепанных штанишек, сначала подтянул их, а потом быстро сбросил. Он уже забыл похвалу красноармейца перед ним был белогубый конь с глубоко посаженными глазами.

- Хочешь до казармы проехать? - спросил красноармеец, когда выкупали лошадей.

Если бы он спросил: "Хочешь на тот свет поехать?", мальчик согласился бы и глазом не моргнул.

Алешка ехал верхом по улицам города, и ему казалось, что все прохожие смотрят на него с восхищением, дивясь его гордой и уверенной посадке.

У ворот конюшни, когда все слезли с коней, Алешка увидел командира, затянутого в желтые ремни, с шашкой и револьвером на боку.

- Этот самый? - кивнув в сторону Алешки, спросил командир.

Красноармеец хитро улыбнулся и ответил:

- Да, тот самый...

Алешка мгновенно понял, что попал в ловушку. Значит, его тут поджидают, - наверное, сейчас появится мать или черноусый... Бежать, ни минуты не медля! Но, оглянувшись, увидел, что бежать некуда. Конюшня обнесена высоким забором, а в воротах стоит часовой с ружьем в руках. Командир подошел к Алешке, взял его за плечи. Алешка хотел вывернуться, но рука командира была сильная и тяжелая. Серые глаза его, спрятанные под

густыми бровями, смотрели весело и смело. Алешка дрогнул под пристальным взглядом этих глаз.

- Ну, черномазый, как тебя зовут? - спросил командир.

- Лешкой...

- Чего испугался? Хрипишь, как молодой петух... "Лешкой"! - Командир так похоже и смешно передразнил его, что стоявшие рядом красноармейцы дружно засмеялись. - Держи голову выше! Не бойся!

- Я не боюсь! - ответил Алешка.

- Вот и отлично! А что смеются - не обращай внимания. Кавалеристы народ смешливый. Значит, зовут тебя Лешкой? А меня Левкой. Выходит, мы с тобой почти что тезки. Это у тебя что такое?

Командир показал на курай. В его голосе была ласка, подкупающая сердечная искренность, которую дети безошибочно угадывают. Командир, присев на корточки, с любопытством рассматривал Алешкин "инструмент". Потрогал пальцем ровно обрезанный кончик дудки и тихо, с серьезностью в голосе спросил:

- Играешь?

- Ага, - ответил Алешка.

- А веселую умеешь, чтобы трепака можно было ударить?

- Он, товарищ командир, на этой дудке ловко выкомаривает, проговорил красноармеец, купавший с Алешкой лошадей.

Ободренный похвалой своего друга и откровенно веселой улыбкой командира, Алешка торопливо продул дудку и сунул ее за щеку.

Мальчик заиграл негромко, но отчетливо и азартно "Ах вы, сени, мои сени...".

Расправив широкие плечи, командир уперся правой рукой в пояс, левой перехватил шашку, протяжно и звонко крикнул: "Шире круг, хлопцы!" - гордо встряхнул головой и, притопывая ногой в такт музыке, в напряженном ожидании вслушивался в звуки курая.

Образовался круг. Командир, пятясь, прошелся на каблуках - точно прокатился на колечках серебряных шпор. Ударил в ладоши, притопнул ногой и, остановившись, крикнул:

- А ну, выходи!

Первым вышел в круг конник, купавший с Алешкой лошадь. Вывернув подошвы, он ухарски раздробил замысловатую чечетку, а потом, выкидывая пружинистые ноги, прошел вприсядку два круга. Стоявший рядом с командиром чернобровый парень нетерпеливо притопывал ногой. На его широком молодом лице вспыхивала озорная улыбка.

Командир толкнул его в бок локтем. Сдвинув брови, задорно зашептал:

- Ящуков, Ящуков! Поддержи!

- Пошел, Ящуков!

- Давай! Давай, Ящуков! - кричали со всех сторон.

Ящуков только того и ждал. Он прямо с места пошел маленькими шажками, постукивая подошвами, помахивая платочком. Выплыл на середину круга, шаловливо улыбаясь, поджал ногу, двумя пальцами левой руки кокетливо приподнял воображаемую юбку, потом, игриво встряхнув грудью, под взрыв хохота мелкой трусцой прошелся по кругу. Не сбиваясь с такта, изобразил увлеченного игрой гармониста, клевавшего носом подгулявшего старичка...

Плясали долго, с увлечением.

- Добре, вот добре! - приговаривал, улыбаясь, командир. Но вот он хлопнул в ладоши. - Хватит, хлопцы, музыканта измучили!..

Алешка перестал играть. Плясуны с раскрасневшимися лицами отошли в сторонку.

- Ты настоящий музыкант! Молодчина! - Командир, поглаживая загорелой рукой спутанные Алешкины волосы, взглянул на красноармейцев.

- Может, примем его в конницу, а? Отца у него нет.

Видно, красноармеец успел рассказать об Алешкином житье-бытье.

- Принять! Принять! - дружным хором ответили конники.

- Зачислить его в музыкантскую команду! - предложил кто-то.

- Вот и я так думаю, - согласился командир.

Алешка ошеломленно моргал глазами.

- Ты коней, значит, очень любишь? - наклонившись к Алешке, спросил командир.

Алешка растерянно и грустно улыбнулся.

- В кавалерию пойдешь служить? Музыкантом будешь?

- Пойду, - чуть слышно прошептал Алешка и, с тревогой взглянув на командира, спросил: - А вы не нарошно, дядя?

- Вот тебе и раз! Как это "нарошно"? Дадим тебе коня, белого как снег! Трубу настоящую! Пойдем к комиссару и все уладим! А меня зовут не "дядя". Я - Лев Михайлович, фамилия моя - Доватор. Понял?

Спустя год, на первомайском параде, верхом на красивом коне каурой масти, Алеша ехал под знаменем кавалерийского полка. На ярко блестевшей в лучах солнца фанфаре пламенел малиновый вымпел. На голове у мальчика была красная фуражка с белым околышем.

В равномерной поступи конницы, в ритме торжественного марша Алеша плыл, как на крыльях, в недосягаемую высь. Вместе с ним в прозрачной синеве майского неба плыла, летела могучая песня...

...И с первых дней Отечественной войны летела песня за боевым стягом дивизии...

ГЛАВА 1

В раскрытые окна штаба кавгруппы скользнули солнечные лучи. На выбеленных стенах колхозной конторы, где помещался штаб, заиграл зайчик. Вот он задержался на алеющей макушке кубанки сидевшего за столом подполковника, потом скользнул по зеленым пятнам боевой карты, перепрыгнул на лицо. Подполковник Холостяков прищурился и сморщил широкий, с поперечным рубцом нос.

От опушки леса, через белесое поле перезревшего овса, ветер доносил песню!

Собирались казаченьки, собирались на заре...

Подполковник встал, поправил скрипнувшие на плечах полевые ремни, подошел к окну.

По улице двигался эскадрон, сутки находившийся в сторожевой заставе. Кони вскидывали головами, позванивали кольцами уздечек и перекатывали челюстями надоевшие трензеля. Предчувствуя отдых, они требовали повода.

Лица кавалеристов казались Холостякову напряженными и мужественно суровыми. Он долго смотрел на запыленные лошадиные крупы, на клинки, привьюченные у передних лук и поблескивающие медными головками эфесов.

Послышалась протяжная команда: "Повод!" - и эскадрон перешел на малую рысь.

Спустя немного времени мимо окон штаба на статной бурой масти ахалтекинке проехал майор. Заметив подполковника, он поднес руку к кубанке, ловким движением корпуса, присущим только истому кавалеристу, повернул лошадь к воротам и так же ловко на ходу выпрыгнул из седла. Оставив повод на передней луке седла, он любовно похлопал кобылицу по крутому, словно выточенному крупу, почесал ей левую паховину, ослабил подпругу, легонько толкнул ее плечом и, улыбнувшись, что-то шепнул ей в ухо. Красавица кобылица, искоса взглянув на хозяина, жевнула трензеля, мотнула головой и, круто повернувшись, покачиваясь на сухих тонких ногах, пружинистым шагом пошла навстречу подъехавшему коноводу. Майор гордо закинул назад голову и, попыхивая папироской и блаженно улыбаясь, смотрел ей вслед. Лошадь эту майор недавно выменял в стрелковой части.

- Ну, заходи, заходи, хватит нежничать, - глядя в окно, хмурясь, проговорил подполковник.

Майор Осипов, придерживая рукой серебряную кавказскую шашку, по-кавалерийски косолапя, вошел в избу. Подполковник Холостяков громко распекал кого-то по телефону, требовал к себе оперативного дежурного. Майор, не дожидаясь приглашения, сел на серый матерчатый диван.

Позванивая шпорами, вошел капитан, оперативный дежурный. Осипов его знал. Вошедший был высокого роста, держался он по-строевому, прямо, что больше всего нравилось майору Осипову. Сознавая собственную неуклюжесть и сутуловатость, он особенно любил людей с хорошей выправкой, что, по его мнению, характеризовало "душу" военного человека. "Почему такой строевик торчит на адъютантской службе? Вот зацепить бы его в полк! У меня нашлась бы должность..."

Приняв командование полком, Осипов мечтал подобрать самый лучший командный состав.

- Оперативный дежурный капитан Наумов по вашему приказанию прибыл, отрапортовал вошедший.

- Разведка все еще не вернулась? - спросил подполковник Холостяков.

- Пока нет. Справляюсь каждые полчаса. Как вернется, доложу немедленно. - Голос у капитана был мягкий, приятный.

Подполковник, подперев рукой начинавшую седеть голову, смотрел в окно.

- Неужели опять напоролись? - произнес он.

- Что тут удивительного! - резко заметил Осипов. Сдвинув кубанку на самую макушку, он продолжал: - Лезут без разбору!..

- Плохо ведем разведку, это верно, - согласился подполковник Холостяков. - Товарищ капитан, вызовите командира разведэскадрона лейтенанта Гордиенкова.

- Как бы мне к генералу попасть? - спросил Осипов, когда капитан ушел.

- Нет генерала, - сухо ответил подполковник. - Отозван в распоряжение штаба фронта. - С этими словами он взял карандаш и со скучающим видом начал что-то вычерчивать на карте.

- Вот оно что-о! - удивленно протянул Осипов. Быстро спросил: - Кто же теперь командовать будет?

- Пока я командую, - нехотя ответил Холостяков.

- Разрешите поздравить с новым назначением?

- Нет. Это временно. Уже назначен новый командир, полковник какой-то. Да и не могу я взять на себя такой ответственности. Я же не кавалерист...

Гремя шашкой и шпорами, в открытую дверь вошел молодой

загорелый лейтенант с орденом Красной Звезды на груди. Увидев подполковника, он остановился у порога, пристукнул каблуками хромовых сапог и смело спросил:

- Разрешите?

Холостяков молча кивнул головой.

- Командир разведэскадрона лейтенант Гордиенков! - Тряхнув кудрявым чубом, прижимая шашку рукой, Гордиенков застыл в ожидании приказаний. Он невольно подкупал своей внешностью: выправкой, жаркой молодостью, смелым и решительным взглядом черных глаз.

- До сего времени разведка еще не вернулась. - Подполковник Холостяков развернул карту и иронически добавил: - Где-то путешествует... По приказу штаба армии мы должны иметь разведданные сегодня. Немедленно организуйте еще одну группу. Старшего пришлите ко мне. Я сам поставлю задачу.

- Есть! Разрешите выполнять? - спросил Гордиенков.

- Подождите. Не торопитесь. - Холостяков, нагнувшись над столом, искал какую-то бумагу.

"Эк ведь не терпится, - с восхищением смотря на лейтенанта, думал Осипов. - Мне бы такого..."

- Сегодня прибывают на пополнение лошади, - проглядывая бумагу, проговорил подполковник Холостяков. - Приходите в штаб, самых лучших выберем в разведку. Остальных отправим в дивизии.

- Есть! - Гордиенков, повернувшись, поспешно вышел, точно поддразнивая майора четкостью шага, звоном шпор и хрустом новеньких полевых ремней.

Майор Осипов встал. К приказу о выборе лошадей он не мог отнестись равнодушно. Бывшего пехотинца подполковника Холостякова он вообще недолюбливал. А теперь ему казалось, что, пользуясь властью командира группы, подполковник решил ему досадить. И на Осипова, как говорится, "накатило".

- Почему же, товарищ подполковник, вы себе лучших коней оставляете? мрачно спросил майор.

- Значит, нужно...

- А там еще дивизия будет отбирать.

- Если нужно, конечно будет, - отвечал Холостяков.

- Ага! Значит, полкам клячи достанутся, одры? Ну, уж... - Майор не вытерпел и вставил крепкое словцо.

Холостяков уже привык к этой дурной привычке майора, но тут его взорвало.

- Черт знает что!.. Какое-то лошадиное помешательство! Увидят хорошего коня - завидуют, уводят друг у друга. А потом приходят в штаб, кляузничают: тот полк там-то прихватил

лошадок, а другой еще где-то. Вот и разбирайся! Чудные люди кавалеристы! На них и обижаться невозможно, но...

- Вы не знаете душу конника! - перебил Осипов. - Душа кавалериста!.. Это ж душа артиста! Да что там артисты!.. В картине "Александр Невский" вместо артиста на коне снимался полковник Доватор! Я сам...

- Позволь! - удивленно перебил Холостяков. - Ты говоришь, Доватор? Да ведь полковник Доватор назначен командовать кавгруппой! - Подполковник открыл полевую сумку и подал Осипову бумажку. - Лев Михайлович... Он или нет? - спросил Холостяков.

- Он, конечно! - пробегая бумагу глазами, воскликнул Осипов. - Вот уж действительно неожиданность! - Осипов от радости вскочил и тут же снова сел.

Холостяков, не разделяя радости майора, сухо спросил:

- Молодой?

- Не старый. Сорока еще нет.

На столе хрипло запел полевой телефон. Холостяков снял трубку.

- Передайте, что в этом направлении действуют две разведгруппы. Как получим данные, немедленно вышлем...

Подполковник повесил трубку и наклонил голову к карте. Неожиданно щелкнул по столу и сказал:

- Штаб армии требует тщательно проверить район Коленидово - Ордынка. Там, судя по карте, лес и непроходимые болота. Зачем это нужно? Не понимаю...

- Я слышал, что мы предназначены для действия по тылам противника. Может, поэтому? - спросил Осипов.

- Да ну, чепуха! - досадливо отмахнулся Холостяков. - Двадцать шестое июля забыли? Едва в окружение не попали. Хорошо, что вырвались... Я смотрю, все вы заражены кавалерийской удалью, романтикой партизанской... Думаете, немцы, как наполеоновские солдаты, в медвежьих шапках пришли.

- В касках со свастикой. Знаем... Не в этом дело! - сердито стукнув о пол шашкой, возразил Осипов. - Промашку-то надо все-таки признать... А штабным командирам нужно научиться получше руководить боем...

- Скверная манера все неудачи валить на штабы! - выкрикнул подполковник. - В атаку на танки с клинком в руках не пойдешь!

- Танки можно жечь.

- Ну конечно! А самолеты можно за хвост ловить - так выходит по-вашему, по-кавалерийски?

- А по-вашему, получается, что мы вроде как и не знали, что в

этой войне будут участвовать танки и авиация...

- Только уж не кавалерия! - резко оборвал Холостяков.

Осипов, сжав губы, свистнул два раза - дерзко, по-мальчишески, как обычно подзывал свою кобылицу Легенду.

Холостяков нервно дернул плечом. Застегнув полевую сумку, проговорил:

- Свистеть, я думаю, можно и на улице...

- Извините, привычка!.. Речь идет о практическом использовании конницы в этой войне.

- Предположим...

- Предположим, что мы пять лет в академии надрывая печенки изучали азы военной стратегии и пришли к убеждению, что конница выполняла и еще будет выполнять свое назначение, только надо ее умело и толково использовать. Поэтому я отворачиваюсь от этой вашей теории, как от лживой догмы. Мы плетками махать не собираемся. А пойдем немцу в тыл. Пусть погоняются за нами. На магистралях можно создать такое положение - взвоют немцы! Конница должна и обязана дезорганизовать вражеские тылы, и так, чтобы немцы на железных дорогах, на большаках ночью носа не смели показать! Чтобы кавалеристам да не нашлась работа? Слушать не хочу! Расчетливый хозяин найдет место каждому гвоздю!.. - закончил майор Осипов, всерьез начиная сердиться.

- Ну, ну!.. Горячий вы человек, - примирительно сказал подполковник Холостяков.

Осипов молча закурил. Что верно, то верно: человек он был горячий.

Спор Осипова с Холостяковым был прерван приходом младшего лейтенанта. Коренастый, розовощекий, в черной каракулевой кубанке, он отрапортовал:

- Младший лейтенант Ремизов явился за получением задачи!

- Карта у вас есть? - спросил подполковник.

- Так точно! - Ремизов торопливо расстегнул сумку. Порывшись в бумагах, растерянно пробормотал: - Кажется, в хате оставил, на столе... Разрешите, я мигом сбегаю?

- Как это можно боевую карту где-то оставить? - хмурясь, спросил Холостяков.

Ремизов молчал, раздражающе шмыгая носом.

Осипову он не понравился. На новых синих брюках младшего лейтенанта блестели сальные пятна, сапоги грязные, шпоры тронуты ржавчиной. "Лодырь", - подумал майор. Покосившись на Ремизова, с усмешкой заметил:

- Постелил на стол вместо скатерти, ну и забыл, что это боевая карта.

Ремизов скривил углы опущенных губ, но ничего не ответил.

- Поселок Ордынка знаете где находится? - не обращая внимания на реплику Осипова, спросил Холостяков.

- Знаю, - ответил Ремизов. - Там лесозавод сгоревший...

- Правильно. - Подполковник развернул карту. - Смотрите сюда. Между деревней Коленидово и лесозаводом есть брод. Переправьтесь на ту сторону и разведайте эти два пункта. У меня есть сведения, что деревня Коленидово занята противником. В Ордынке никого нет, но это надо уточнить.

- Вчера на переправе наших двух разведчиков убили - засада... нерешительно заявил Ремизов.

- Мне это известно, - перебил Холостяков. - Ночью осторожно переправьтесь на лодке, предварительно понаблюдайте. Ясно?

Ремизов подтвердил. Застегивая на ходу полевую сумку, он проворно вышел из штаба.

Подполковнику хотелось спровадить и Осипова, но тот почему-то не уходил.

- Если есть деловой разговор, я вас слушаю, товарищ майор, подчеркнуто вежливо произнес Холостяков.

- Пятые сутки овса не получаем, да и ухналей нет. В чем дело? Мне командир дивизии приказал...

- Фуража нет потому, что армейское интенданство пока больше не дает. Существует норма. А ухнали... Ну, это самое, как их там... - Холостяков досадливо сморщил нос и покрутил пальцем около уха, - ремни... шенкеля... На складе надо узнать.

- Ухнали - это не ремни, а ковочные гвозди, - строго заметил Осипов. - В полках почти все кони раскованы...

- Ну, а я что могу сделать? - Холостяков развел руками. Интендантство, склад...

- Коням наплевать на склад - овса давай, корми! - Осипов сердито стащил с головы кубанку и повесил на эфес клинка.

Возвратились оперативный дежурный капитан Наумов и лейтенант Гордиенков. Капитан передал Холостякову, что его вызывает к прямому проводу штаб армии.

- Сейчас иду. Так вот, товарищ майор, передайте комдиву, что с фуражом положение тяжелое. - Обернувшись у порога, добавил: - Приедет новый командир группы, он, видимо, примет меры!

- Да уж если Доватор приедет, он меры примет! - проворчал Осипов.

- Вы сказали, товарищ майор, Доватор? - живо спросил Гордиенков. И, не дожидаясь ответа, возбужденно продолжал: - Я знаю полковника Доватора, Льва Михайловича!

- Вот он и назначен к нам, - сказал Осипов. - Так, говоришь,

Льва Михайловича знаешь?

- Как же! Воспитывался в той части, где он командиром был. С восьми лет! - Гордиенков смотрел на Осипова блестящими от радости глазами. - Я Льва Михайловича считаю своим вторым отцом, хотя первого и не знаю... Алексей замолчал и задумался, глядя в окно на деревенскую улицу.

За окном, в палисаднике, на узенькой грядке густо росли золотые шары, колючие розы роняли бледные лепестки.

Стоял август 1941 года, солнечный, знойный. В дымчатом мареве тонули лесные горизонты. В такую погоду в утреннем зное быстро созревают плоды. На золотистых остриженных жнивьях высятся хлебные скирды. Сонно шевелятся поздние сизые овсы. Их безжалостно топтали и беспризорные телята, и конные разведчики, спутавшие ориентиры, а хозяйственные казачки-кавалеристы, влюбленные в своих коней, подкашивали на подкормку.

Если бы не далекий орудийный гром, знойный август совсем был бы похож на мирный трудовой месяц - время свежего пахучего хлеба и обилия плодов...

- Пришли кони на пополнение, идем распределять, - проговорил подполковник Холостяков, вернувшись с узла связи. Обращаясь к Наумову, сказал: - Оставьте здесь караул.

Все ушли. Наумов привел в комнату казака и приказал в штаб без его ведома никого не пускать. Сам тоже пошел взглянуть на прибывших коней.

ГЛАВА 2

Караульный Захар Торба был рослый, плечистый парень со скуластым обветренным лицом в круглой, как сито, косматой кубанке. Защитная гимнастерка, подпоясанная кавказским наборным ремешком, хорошо облегала его крупную, немного сутулую фигуру. Держа под мышкой автомат, он присел на диван, достал расписной, зеленого цвета с голубыми разводами, кисет и, скрутив цигарку, крикнул:

- Павлюк! Иди покурим.

В хату вошел второй казак. Сняв пилотку, он пригладил рукой огненно-рыжие волосы, присел против автоматчика на корточки и попросил бумаги.

- Хуже нет службы посыльного! - подравнивая краешки оторванного клочка газеты, с досадой проговорил рыжий.

- Это еще ничего - боев нет, - заметил автоматчик. У него был низкий и приятный грудной голос, а выговор - смесь украинского с русским, присущий кубанским линейным казакам.

- Да что ничего? Сегодня, наверно, раз двадцать бегал - то в лес к разведчикам, то к батарейцам, то в госпиталь... К концу

войны так натренируюсь, что рекордсменов перегоню... Нет, Захар, дневалить на конюшне во сто раз лучше.

- Знаешь, товарищ Павлюк, всего краще командиром быть, - сказал, подумав, Захар. - Зараз тоби приказывают - и ты выполняешь по уставу...

На дворе кто-то позвал посыльного.

- А ведь меня опять!.. Я приду, Захар! - выбегая из комнаты, крикнул Павлюк.

Оставшись один, Захар стал вспоминать родную станицу, прощание с матерью и братом, участником первой мировой войны...

- Значит, едешь? Когда? - спросила мать.

- Зараз, мамо, уже подседлали.

- Ну, прощай! Бог тебя храни, - перекрестила и поцеловала в губы. Жены немае - у Анютки був?

- А шо таке, мамо?

- Вин спрашивае... Покрутився та и кинув?

Морщинистое лицо старухи дрогнуло, по щекам покатились слезы.

- Бог тоби судья...

Брат Кирилл был сумрачен, задумчив и строг. В самую последнюю минуту прощания сказал:

- Может, хлопцев моих встретишь, кланяйся. Коня береги - породистый, на рубку смело пойдет!

Не повезло в семейной жизни тридцатилетнему Захару. Не случаен был горький упрек матери... Попрощавшись с нею, выехал он из дому и, сердито хлестнув коня, поскакал не к станции, а в другую сторону. Через два квартала остановился у домика Дмитрия Борщева. Сразу увидел - ехал напрасно: у ворот его облаяла маленькая черная собачонка, а на дверях висел замок. Захар еще злее стегнул горбоносого кабардинца и повернул к станции. Когда выезжал из станицы, из-за крайней хаты вышла высокая статная девушка в белом кавказском платке. У Захара задрожали руки. Он придержал коня. Анюта, не поднимая глаз, взялась рукой за стремя и пошла рядом. Молчание было долгим, мучительным.

- Значит, и проститься не зашел?.. Так и нужно дуре: не лезь под бурку, коли не пришло время! - проговорила девушка с злобным отчаянием. Потом вскинула голову, глянула на казака черными очами, спросила: - Что же молчишь, Захар? Ты хороший человек или нет?

Многое хотел сказать Захар, да не позволила торбовская гордость. С упрямством сказал не то, что думал.

- Если бы зараз говорил тебе: ожидай меня - був бы я

рассукин сын! Я жениться не обещал, а как получилось, сама знаешь!.. - Захар оборвал речь, помолчал, потом глухо вымолвил: - Выходи замуж. Ведь краще тебя в станице ни одной дивчины нет! Желаю... - Еще что-то хотел сказать, но девушка, глядя на него широко открытыми глазами, медленно и решительно проговорила:

- Желаю, щоб тоби ворон глаза выклевал! - и отдернула руку от стремени.

- Добре! - только и сумел выговорить ошеломленный казак. Пришпорил коня и, склонившись к луке, не оглядываясь, поскакал широким наметом к станции...

Об этом прощании Захару и думать не хотелось. Стыдно было и больно... Он только теперь понял, как жестоко обидел девушку. Думал одно, а сказал другое. Анюткино прощальное напутствие как огнем припекало сердце, не давало покоя.

После двухнедельных боев и пятидневного отдыха Захар не только не освободился от тревожных мыслей, а, наоборот, не переставая, думал о самых простых, будничных вещах, прелести которых он в мирной жизни и не замечал. С каким наслаждением побывал бы он теперь в нещадно прокуренной колхозной конторе, послушал бы фантастические речи председателя колхоза Якова Киреева об электрическом плуге, который в один час запахивает целый гектар, или о сверхмощном электрическом комбайне, который одновременно не только жнет и молотит, но, если нужно, и мелет муку...

Вчера Захар получил из дому посылку. В ней были традиционные носки, сало, почтовая бумага, новый башлык. Собираясь утром в караул, он сунул носки в противогаз, а сейчас, вспомнив о них, решил их надеть - не потому, что это было нужно, а просто тянуло подержать их в руках, почувствовать мягкость отличной шерсти, сработанной заботливыми материнскими руками. Отстегнув пряжку противогаза, Захар достал сверток, но, к его удивлению, в свертке оказались не носки, а перчатки. Он стал примерять их. В перчатке на правую руку нащупал свернутую трубочкой бумажку. Письмо! С радостным волнением, особенно понятным фронтовику, Захар стал читать.

"Многоуважаемый Захар Тимофеевич!

Пишет вам эти самые строчки Анна Борщева, которую вы дуже хорошо знаете, потому что она известная вам дура, сама над собой сгалилась, а вы в этом деле тоже ей подсобили дуже, а потом кинули, как самую что ни на есть вредную. Краще было бы шашкой зарезать, чем так зроблять. Колысь я бы знала, что у вас такое колючее сердце или его нема зовсим, то не зробила бы так.

Не подумайте чего такого, что я хочу знова, мне не дуже треба, а пишу вам, як фронтовому казаку, который бьет наших врагов, а ще як первому в колгоспе бригадиру. Зараз у нас краще вас бригадиров нет, и вас с Филиппом Шаповаленко и Мишку Сидоренкова часто вспоминают на собрании... Посылаю вам в подарок перчатки, я их сама связала и плакала, як дура, и не то щоб по вас, а над своей несщасной жизней. А перчатки послала потому, что фронтовикам все посылают. Я зараз бригадиром у той самой бригаде, где вы командовали. Працуемо не то щоб як с вами, но получается - знамя красное не упускаем. Ждем от вас письмеца и кланяемся усей бригадой. Пропишите, як на войне, мы дуже интересуемся.

А за те слова, что сказала на прощанье, вышло нечайно, вы уж меня извините, я тогда была дуже расстроенная.

А н н а Б о р щ е в а".

Захар смял в кулаке письмо и, опустив голову, крепко стиснул зубы. Когда в избу вошел Павлюк, Захар неподвижно сидел, повернувшись лицом к окошку.

Над дымящимся овсяным полем висело солнце, падали косые полосы грибного дождя.

"Может, у нас теперь тоже дождь идет..." И вспомнилось Захару, как однажды бежала с поля его бригада под проливным дождем. Девчата, шлепая друг друга ладонями по мокрым, прилипшим к телу кофтенкам, неслись по станице наперегонки. Анютка бежала немного впереди Захара, быстро семеня сильными, забрызганными грязью ногами. Поворачивая голову, она улыбалась Захару сверкающими в черных ресницах глазами...

Павлюк сел на диван, сладко зевнул, сказал:

- Дождь идет... Говорят, к нам новый командир приезжает...

Торба молча встал и подошел к столу.

- По званию - полковник, лейтенант Гордиенков рассказывал. Очень, говорит, свойский командир. Пятнадцать лет служит в армии.

Захар молча снял автомат, положил на диван. Сел за стол, вынул из кармана сложенную вдвое ученическую тетрадь, вырвал один листок и, нацелившись карандашом, призадумался.

- Письмо собрался писать? Жене или матке? - спросил Павлюк.

- Иди ты, милый, знаешь, куда? - огрызнулся Торба. - Ты мне не мешай, а то прогоню!..

"Дорогая Анна Митриевна, - писал Захар Торба, - получил я ваше письмецо, которое вы так хитро положили в перчатки, и поимел таку думку, що взять нужно самый огромадный дрючок, а сучья не обрубать, и бить меня так, щоб люди дивились. Был я

вроде шелудивого бычка, который всю жизнь не может слинять, а все ходит с клочьями шерсти. Один раз слинял, когда служил в Красной Армии. А як приехал до дому, снова трошки оброс. Зараз я, Анюта, слинял так чисто, як тот жеребенок по весне. Был я как кривое полено, которое не уложишь ни в один рядок, а вот на войне выпрямляюсь. И стыдно мне, что учинил я вам такое лиходейство. Зараз прочитал я ваше письмо, и сумно мне стало и горько за то, який я был дурень..." - Захар сильно нажал на карандаш и сломал его.

В сенцах заскрипели половицы. Кто-то, позвякивая шпорами, шел в штаб.

Торба поднял голову. Перед ним стоял незнакомый командир в бурке с широчайшими плечами.

- Сюда нельзя, - проговорил Захар вставая.

- Почему нельзя? - спросил вошедший.

- Приказано в штаб посторонних не пускать, - ответил Торба.

Командир насмешливо взглянул на Захара и подошел к дивану, у которого стоял с карабином в руках Павлюк.

- Товарищ командир, зараз я на посту и шутковаты не люблю...

Не обращая внимания на слова Торбы, командир взял лежавшую на столе бумажку, прочитал ее, покачал головой, усмехнулся, спрятал бумажку под бурку, - должно быть, положил в карман. Это вывело Торбу из себя, и он решил поступить по всем уставным правилам. Но тут произошло нечто такое, что заставило Захара понять свою непоправимую ошибку: командир в бурке взял лежавший на диване автомат.

- Павлюк! - хрипло прошептал Торба.

Но тот нерешительно переложил карабин из одной руки в другую и, моргая, растерянно посматривал то на командира, то на Торбу.

- Положите автомат, товарищ командир, - проговорил Захар и решительно шагнул вперед. Казалось, еще секунда - и он бросится на командира.

Командир вызывающе прищурил глаза и властно крикнул:

- Но-но! - и отвел затвор автомата.

Торба побледнел и замер на месте.

- Ну и казаки! Эх!.. А ты что ж стоишь? Помогай товарищу! - спокойно проговорил командир, повернувшись к Павлюку. - И это называется на посту, да еще в штабе!

Взглянув на Торбу колючими глазами, иронически добавил:

- Шутковаты не люблю... Э-эх!

Торба молчал.

- Вот что, товарищ, извини, фамилии не знаю... - обращаясь к

Павлюку, сказал командир.

Тот, не отвечая, глуповато моргал.

- Павлюк! - хриплым голосом ответил за него Торба.

- Павлюк? Добре! - И, снова взглянув на Торбу, со скрытой насмешкой сказал: - А я, станичник, не тебя спрашиваю. Вам, товарищ Павлюк, придется разыскать командира группы и позвать сюда - только быстро, аллюр два креста!

Захар понял, что этот человек привык распоряжаться.

Сдвинув на глаза пилотку, Павлюк поспешно вышел.

Торба стоял по команде "Смирно", с видом непреклонного протеста, искоса посматривая на автомат. Вдруг его осенила догадка. С отчаянием взмахнув кулаком, он выпалил:

- Вы - новый командир! Зараз догадался, товарищ полковник!

- Ну что ж, лучше поздно, чем никогда! Я смотрю: сидит за столом, как казачий атаман, и грамоту сочиняет. Автомат бросил... Ну что ж, на первый раз, ради нашего знакомства, подарить пару внеочередных нарядов? Коней любишь?

- Какой же кавалерист, ежели он коня не любит! - хмуро ответил Захар.

- Вот и отлично! Придется на конюшне подневалить. Кто коней любит, это одно удовольствие! Доложишь своему командиру. Смотри, казак, не обижайся, что мало дал. Обидишься - влеплю на всю катушку. Возьми автомат, да помни, что из моих рук получил. - Доватор передал Торбе автомат.

Принимая оружие, Торба не заметил, как смахнул рукавом со стола свое недописанное письмо.

- Какого подразделения? - спросил Доватор и, нагнувшись, поднял письмо.

- Разведэскадрон, - ответил Захар.

- Так! - Доватор бегло взглянул на письмо и протянул Захару. - Письмо послать надо. Зачем бросаешь?

В голосе его уже не было прежней властности. Захар уловил в словах командира нотку сочувствия.

- Жене, что ли, писал?

Глаза Доватора зорко следили за выражением лица Торбы.

- Нет у меня жены!

- Сколько же тебе лет?

- Девятьсот одиннадцатого, - ответил Захар, стараясь не смотреть на полковника.

- Солидно. И все холостяк?

- Нет, один раз женился... - Захару неприятны были эти вопросы командира кавгруппы, но в то же время он невольно начинал проникаться к нему уважением. Полковник не кричал, не читал длинных уставных нотаций, сразу вошел, как настоящий

хозяин. Заметив непорядок, откровенно рассердился и показал, что так нести караульную службу нельзя... И наказал...

- Умерла, что ли? Или развелся? - И, не дожидаясь ответа, Доватор продолжал: - Бывает!.. Анна Митриевна не жена? Ну, конечно, кто же Митриевной будет величать жену, верно? - Доватор весело рассмеялся. - Ты меня прости, я только две верхние строчки прочитал.

- Там, товарищ полковник, секретов нема! - Захар сунул руку в карман, вынул письмо и доверчиво развернул лист. - Можно прочитать...

- Незачем!

- А затем, что это письмо виновато... Автомат из рук выпустил. В душе зашкрябало, вот и письмо почав писать... Ежели бы не оно, вы б сюда так не зайшлы. Зараз дочитайте до конца. Я вас очень прошу, товарищ полковник!..

Доватор пристально посмотрел на Торбу и понял, что казака томит душевная тревога. Взял недописанное письмо, прочитал, спросил:

- Какое же ты учинил лиходейство? Расскажи, а то непонятно...

Доватор сел на диван, снял фуражку и приготовился слушать.

ГЛАВА 3

История Захара Торбы была такова.

Женили его двадцати лет, перед самым уходом в Красную Армию. Настояла на этом мать. По ее старозаветному расчету следовало после ухода сына иметь в хозяйстве лишние рабочие руки.

После двух лет службы потянуло Захара домой, да так, как может потянуть только молодая жена. Ехал служивый домой, обновленный в армии духовно и физически. Ждал встречи с женой, родными и друзьями. Не терпелось рассказать, как ловили диверсантов, контрабандистов, показать, как он может делать "солнце" на турнике, рубить лозу руками, поднять на загорбке коня...

Стосковался Захар по голубоглазой хохотушке Фросе. Сколько передумал он о ней, стоя в секрете на берегу Амура, сколько за два года писем послал, и в каждом из них было новое нежнейшее прозвище: "Диана", "Волшебница", "Ласточка".

Теперь ему стыдно вспомнить об этих письмах. А писал он так:

"Ласточка моя! Думка все о тебе, и режет она мне сердце, как кавалерийская сабля. И колет, как острая пика, но я вкладываю себе в рот трензеля и крепче натягиваю повод. Зараз учусь бить всех международных врагов, на случай, ежели сунутся. Закончу

службу, отпущу повода и во весь намет полечу до тебя, мое коханье, до тебя..."

Но Фросю не очаровывали эти кавалерийские сравнения. Приказчик потребительского кооператива оказался более практичным парнем. Фрося не дождалась казака...

Услужливая людская молва донесла до ушей Захара нехорошие слухи.

По старому казацкому закону следовало отрубить Фроське голову. Но жизнь выжгла их, эти законы, как выжигают в поле дикий прошлогодний чертополох.

- Знаешь, жинка дорогая, зараз надо тебе к приказчику переехать... И будет краще! - сказал Захар Фросе. - А то во мне хоть глубоко, но черт сидит, мабудь и не великий, самый малый, но в недобрый час выскочить может...

Фрося переехала к приказчику. Захару казалось - захватила она с собой что-то самое ценное, что он бережно хранил в глубине своего сердца. Остался казак один, с поцарапанным нутром, и никак не мог понять: чем он хуже долговязого приказчика, которого можно вожжой пополам перешибить?

Весной, с началом полевых работ, Захар был назначен бригадиром, рьяно взялся за колхозные дела и уже меньше ощущал в себе томительную пустоту. Однако при всяком намеке на женитьбу он протестующе настораживался, как конь, которому хотят всунуть в рот железные трензеля. Так продолжалось не один год...

Однажды на сенокосе, во время шабаша, Захар отдыхал под копной. Неожиданно подошла и села рядом с ним Анютка Борщева.

- С бригадиром хоть маленько рядышком посидеть! Все, глядишь, лишний трудденек запишет. Правда, Захарушка? - Она плутовски посмотрела на него и громко рассмеялась.

Торба давно приметил, что Анютка часто косит на него глаза, улыбается ему. Он знал, что эта кубанская красавица отказала десятку лучших женихов, выбирая какого-то "особенного". Любила она по-вольному балагурить с мужчинами, раззадоривала их смелой шуткой, но вела себя гордо и недоступно, а на молодых парней не обращала внимания.

- Блажишь ты, Анютка, замуж тебе пора.

- А отчего, Захар Тимофеевич, тебе жена изменила? - не скрывая насмешки, спросила Анютка.

Захар побагровел. Наклонившись, он дыхнул в ухо девушки такое словцо, от которого Анютка зарделась, словно она не под копной сидела, а у печки блины пекла. Не желая считать себя побежденной, она полезла напролом.

- Говорят, будто Фроська с приказчиком Яшкой твои письма вместе читали, а потом Яшка ей диктовал, а она тебе ответ писала. Верно или нет?

Скошенный луг огласился взрывом хохота.

- А ты поди и спроси у них! - ответил посрамленный бригадир.

С этого дня Захар перестал замечать Анютку, словно ее и не было в бригаде. На работу он назначал ее через других.

Анютка, чувствуя свою вину, пробовала заговорить с ним снова, но Захар глянул ей в глаза смело, гневно и с таким презрением, точно перед ним была не красавица Анютка, на которую он, бывало, пристально поглядывал, а самый что ни на есть его смертельный враг. Ненавидел он ее теперь искренне и люто.

Что недоступно, то всего милей. Вот и чувство девушки к Захару разрослось до таких размеров, что она по своему страстному и решительному характеру готова была пойти на любой, даже безрассудный шаг...

После окончания летних работ, на торжественном колхозном празднике, чествовали бригаду Захара Торбы. Бригаде было вручено переходящее Красное знамя, а бригадира премировали буркой чудесной работы.

Опьяненный радостным чувством победы и душистым вином, Захар вместе с другими казаками пел песни. Потом выскочил из-за стола и с удивительной легкостью пошел отделывать такую "наурскую", что даже старички и старушки, блаженно улыбаясь, начали пришлепывать ладонями.

После пляски Захар накинул на плечи новую бурку и незаметно для других ускользнул с праздника. Ему хотелось побыть одному.

Торба направился к реке, но не успел миновать длинный омет заскирдованного сена, как услышал за собой шаги. Повернувшись, лицом к лицу столкнулся с Анюткой.

В сумраке ранней осени темная река плескала тихими холодными волнами. На небе мерцали тусклые звезды.

- Ты что, бригадир, ведьму шукать пошел? - негромко проговорила Анютка.

Смущенный неожиданным появлением девушки, Захар молчал.

- Скажи что-нибудь!

- Вот найду ведьму, тогда скажу, - пробормотал Захар.

- Я ведьма... Холодно же мне - вот ведь какой невнимательный! - И с этими словами Анютка, распахнув широкие полы, юркнула под бурку Захара.

Захар коснулся дрожащей рукой упругой, затянутой в шелк талии девушки. На ней было зеленое с белыми разводами платье, очень нарядное...

Под утро, когда пропели вторые петухи, по узкому переулку, в густой темноте, шли Захар с Анюткой. Где-то на улице послышался девичий визг, прозвенел веселый смех и замер в приглушенном, воркующем шепоте.

- Ты меня любишь или нет? - прижимаясь к Захару, горячо шептала Анютка.

- Не знаю, - помолчав, отвечал Захар. В сердце его не было прежней ненависти к Анютке, но и любви не было тоже.

- А может, ты на мне женишься?

Захар ждал от Анютки слез, раскаяния, но их не было. Ему начинало казаться, что во всем, что случилось, скрывается преднамеренный расчет, заранее подготовленный, обдуманный, и в душе Захара рождалось чувство, похожее на возмущение. "Все женихов выбирала, а тут сама повисла, как петля на шее..."

- Ты, Захарушка, приходи завтра. У нас все уехали на свадьбу. Мы пойдем распишемся и никому-никому не будем пока говорить...

- А зачем это? - хмуро спросил Захар.

- Да ну, какой ты... Свадьба, гулянка, "горько" орут, и все пьяные, противно до тошноты! А у нас своя будет свадьба - тайная... - Анютка нежно гладила его сильную, твердую шею, жесткие, колючие волосы. Все ее существо было наполнено сейчас величайшим счастьем любви.

А Захар, у которого прошел первый порыв дурманящего хмеля, не понимал ее переживаний, а если и понимал, так по-своему, грубо и эгоистично.

На другой день Анютка прождала Захара до самого вечера, но он не шел...

Вечер был дождливый, сумрачный, самый тоскливый осенний вечер, когда в поле по черным пашням и опустевшим дорогам гуляет влажный пронзительный ветер.

Анютка ждала, как только может ждать впервые и по-настоящему влюбленная девушка. Мысли ее были затуманены, с болезненным стоном в сердце звала она счастливую, еще не отравленную горестями любовь...

Колхозный сторож пробил на рельсе одиннадцать часов. Анютка вздрогнула. Ей стало жутко. Она содрогнулась от мысли, что должна погибнуть. "Да ты уже погибла", - шептала она пересохшими губами. Трясущимися руками, обрывая пуговицы, стала она стаскивать с себя новое платье, которое было еще наряднее вчерашнего, швырнула платье на постель и села,

облокотившись о стол, подперев ладонями мокрые от слез щеки.

Так она долго сидела, полураздетая, истомленная ожиданием. Сидела, вспоминая светлые, как летнее облачко, девичьи мечты...

В сенцах загремела щеколда, открылась дверь, в комнату вошел Торба, бессмысленно улыбаясь. Он был пьян. Анютка вскочила, сдернула со стола скатерть и накрылась ею.

- Отвернись... я раздетая...

- Ничего, ничего, - говорил Захар. Его потянуло подойти к ней, обнять ее.

- Ты почему днем не был? - не спуская с него глаз, спросила Анютка.

- Днем? Зараз краще... В загс, расписаться... тайно... от же глупая! - Захар, покачиваясь, хохотал пьяным, дурашливым смехом.

Анютка окаменела. Когда Захар шагнул к ней, она скомкала скатерть и концом ее хлестнула Захара по лицу.

- Уйди!

Ошеломленный Захар, закрывая лицо руками, пятился к двери.

В каком-то диком исступлении Анютка хлестала его по рукам, по голове. Опомнившись, Захар вырвал скатерть из рук Анютки и швырнул в угол. Анютка схватила лежавший около самовара топор. Задыхающимся голосом проговорила:

- Уйди, говорю!

Всю постыдность своих поступков Захар понял только на другой день. После долгих и мучительных размышлений он пошел к Борщевым. Надо было объясниться с Анюткой, немедленно зарегистрировать брак - тайно или гласно, все равно! - лишь бы избавиться от стыда.

- Нету. Заболела, - ответила Захару тетка Фекла, мать Анютки, и тут же сердито спросила: - А зачем понадобилась?

Захар смутился:

- Да вот больную проведать. Мимо шел...

- А ты або лекарь, або акушер який, што хворыми дивками дуже зацикавився? - перебила его тетка Фекла. Глянула в окно, потом на Захара и крикнула: - От же скаженный! А вы ж побачьте, люди добрые, що вин робить починае! Я тоби зараз устрою, чертяка!..

Фекла кинулась к печке и схватила огромное суковатое полено. Секунду Торба стоял неподвижно, а потом ударил сапогом в дверь и пулей вылетел на улицу. Следом за ним выбежала Фекла.

Только у ворот Захар понял, к кому относились ругань Феклы

и ее угрозы: громадный, пестрой масти племенной бык поднимал на рога новенький, с завившимися листьями плетень...

- А ты, казак, если в другой раз так ударишь дверь чоботом - самого починять заставлю! - проговорила Фекла, когда отогнала быка. - Нюрка в Краснодар до лекаря поихала.

Возвращаясь от Борщевых, Захар шел, стараясь не попадаться людям на глаза. Он понимал, что случилось что-то непоправимое, ему хотелось увидеть Анютку, сказать ей... И если она не улыбнется прежней своей озорной улыбкой, пусть ударит обухом по голове. Все равно!..

Вскоре правление колхоза откомандировало Захара на агрономические курсы.

Среди курсантов он был самым мрачным и рассеянным слушателем. Он часто писал Анюте. Та, получив его письмо, прочитывала, аккуратно вкладывала в новый конверт, наклеивала марку и отсылала обратно, не приписав ни единой строчки.

Так продолжалось почти год. Анютка появлялась в станице не чаще раза в месяц, на один-два дня. Она жила и работала в Краснодаре.

Однажды в город вместе с Анюткой поехала Фекла и пробыла там целую неделю.

- Ну как, видела? - спросил Феклу муж.

- Побачила, - поджав губы, отвечала Фекла.

- Комплекция-то у него чья? - Дмитрий Николаевич Борщев, работавший счетоводом в колхозе, любил мудреные словечки.

- Третий месяц пошел, не поймешь, в кого уродился. Чернявый да большеглазый. Справный хлопец...

- Значит, внук. Хм, да, поихать надо! Як зовут-то? - покрякивая, выспрашивал Дмитрий Николаевич.

- Ванькой.

- Ванька? Хай будет Ванькой. Но як же по батькови?..

- Це я не можу знать, поидишь - попытай, может, скажет...

А Захар и не подозревал даже, что у него в Краснодаре растет Ванька.

Захар приехал домой незадолго до начала войны. В первый же день встретился с Анюткой. Она шла со станции. Узнав его, опустила голову, стараясь скрыть волнение. Захар пошел ей навстречу, но она свернула в чужой двор.

- Нюра! - окликнул Захар.

Но Анюта не оглянулась даже.

Накануне отъезда Захара на фронт она написала коротенькую записку и послала ему. Но Захара не оказалось дома: он уже находился в полку и только утром заехал проститься с родными.

Анюта прождала его весь вечер и утро, измученная

тревожным раздумьем и безотчетной тоской. Не вытерпев, вышла на окраину станицы. Здесь состоялась их последняя встреча...

Так вот и выложил Захар перед полковником всю свою историю, - может быть, и не так, как она описана здесь, однако рассказал все подробно, даже не забыл про топор и про быка, только умолчал о скатерти. Неудобно было признаваться казачине, что дивчина отхлестала его тряпкой. Не сказал и о сыне, о существовании которого Захару не было известно.

Лев Михайлович слушал внимательно, иногда задавал вопросы, иногда молча хмурился. Когда Торба кончил свою исповедь, полковник закурил и спросил:

- А сам ты чувствуешь, что виноват во всем?

- Сначала одна была думка, потом другая, а зараз третья. Як побыл на войне, самый малый пустяк кажется наикращим!

- Анюта не пустяк, а человек!.. А письмо такое ты зря написал, надо как-то по-другому... - Подумал, потом решительно добавил: - Нет, пожалуй, пошли так, как есть! Сучкастое твое письмо, но зато откровенное. Так лучше будет. Только вот "Анна Митриевна" - это нехорошо... Напиши просто: "Здравствуй, Анюта!" Колхозникам напиши - им дорога каждая весточка с фронта. Народ нас воевать послал, законно интересуется. Ну, добре, мы еще потолкуем...

Во дворе кто-то громко крикнул на коня: "Стоять, ишь ты!" В сенцах послышались шаги, открылась дверь. Вошел чернобровый казачок в щегольской кавалерийской венгерке, со свертками под мышкой.

- Покушать, товарищ полковник, - проговорил он, шурша газетой.

Доватор скользнул взглядом по сверткам и, посмотрев на часы, с досадой поморщился.

- Вы, товарищ полковник, со вчерашнего дня ничего не кушали, обиженно проговорил коновод. Он хотел еще что-то сказать, до Доватор нетерпеливо остановил его:

- Ничего! Надо тренировать вот эту кухню, понял? Война-то только начинается! - Он шутливо похлопал коновода по животу. - А ты коней накормил? Нет? Значит, и самим есть пока не положено. Да, кстати, кажется мне, что Сокол жалуется на левую переднюю ногу, надо посмотреть.

- Кони получат в свое время. А вам надо сейчас покушать, - упрямо настаивал коновод.

- Я смотрю, Сергей, ты во сто раз хуже моей жены! Ей всегда казалось, что я мало ем. Начнет уговаривать: "Вот этого поешь да то попробуй". Так напробуешься, что лень одолевает, поспать хочется. Верно?

Доватор, улыбаясь, смотрел на Торбу.

- Точно так, товарищ полковник! Жирный кот на мышей не охотится, весело сказал Захар.

ГЛАВА 4

С приездом Доватора в кавгруппу началась горячая подготовка конницы к рейду по глубоким тылам противника.

Это было сложным делом. В боях дивизии понесли потери. Их необходимо было восполнить.

На подготовку к рейду был дан жесткий срок. За этот срок прежде всего надо было научить людей особой тактике действия в тылу врага, повадки которого были еще мало изучены.

В первые дни войны бывали кое-где случаи, когда слово "окружение" становилось источником путаницы, неразберихи, а порой и паники, которую поднимали трусы и разгильдяи.

На долю Льва Михайловича Доватора выпала почетная задача: развеять боязнь окружения и доказать на практике, что бить врага можно всюду, были бы на то воля и умение.

Но на первых порах Доватору пришлось столкнуться и с такими людьми, которые, еще не успев как следует повоевать, возомнили себя опытными стратегами. Они готовы были спешить конницу и превратить ее в пехоту.

Прочитав боевой приказ о подготовке к рейду, подполковник Холостяков сказал Доватору:

- Я не обсуждаю приказ, а высказываю свое мнение... Несколько дней назад мы едва вырвались из окружения, а сейчас сами полезем в пекло!.. Обо мне можно подумать, что я трус. Постарайтесь понять, товарищ полковник, что для военного человека умереть вовсе не трудно... - Голос Холостякова звучал надорванно, с волнующей хрипотцой. - Сейчас как раз нужно жить, чтобы разбить фашистскую армию. Значит, нужно беречь человеческие жизни. Скажу вам откровенно, при такой обстановке я бы не пошел с конницей по тылам противника, а щадил бы людей...

Доватор слушает его молча. Медленно подняв от стола голову, внимательно своими ясными, острыми глазами оглядывает этого человека с ног до головы. Поощрительно и сдержанно говорит:

- Продолжайте, пожалуйста...

- Сейчас на всех фронтах сложное положение. Вы это, надеюсь, отлично знаете. Нам потребуется много живой силы, много резервов и технических средств. Стратегическая обстановка пока складывается не в нашу пользу.

- Это слишком туманно выражено, товарищ подполковник. Говорите ясней.

Еще в штабе фронта Доватор слышал много разговоров о немецкой стратегии и тактике, о быстроте маневренных передвижений. Сам выспрашивал подробности у знакомых командиров, побывавших в бою. Это были полезные, деловые суждения, без уныния и подавленности. Но тут Холостяков с назойливой бесцеремонностью внушал другое.

- Слишком туманно, - повторил Доватор.

- Постараюсь говорить ясней, - продолжал Холостяков. - Будем смотреть правде в глаза: Ельня окружена противником, Смоленск пал, фронт приближается к Москве, самые важные магистрали в руках немцев, а мы намерены распылять силы. Надо их концентрировать и готовиться к обороне. Командиры штаба армии не протерли еще глаза. Не видят и не чувствуют обстановки!

- Понимаю! - соглашается Доватор. - Однако мне кажется, штаб армии и вы желаете как раз противоположного. Не писали вы об этой вашей точке зрения наштарму?

- Не писал, а говорил, - ответил Холостяков. - Этим партизанским рейдом сейчас болеют все командиры и политработники. Ну и кавалеристы, конечно. Совершить марш по тылам врага с клинками наголо очень соблазнительно, но...

Холостяков поймал холодный взгляд и скрытую усмешку Доватора, и ему стало как-то не по себе. Странную скованность он испытывал в присутствии этого молодого полковника. Вопросы его были деловые, обдуманные, а реплики меткие, хлесткие, как удар хлыста, которым заставляют коня идти в галоп. Стараясь подавить неприятное чувство, Холостяков стал говорить громче, не подозревая, какую злую шутку задумал сыграть с ним стройный, с веселыми глазами полковник.

- Но я скажу, что идти самим в окружение при современной войне - это, знаете...

- Да, пойдем в тыл, в окружение, - отвечал Доватор, присматриваясь к Холостякову.

- Мы с вами встретились двадцать минут назад, - продолжал тот, - не знаем друг друга, но я беру на-себя смелость заявить вам, что операция эта гибельная: напрасно погубим конницу.

- Да я, пожалуй, согласен с вами! - неожиданно заявил Доватор.

- Что?.. Вы согласны? А мне, признаться, показалось, что мы не понимаем друг друга... Я привык говорить, что думаю, и очень рад, что мы пришли к единому убеждению.

- Надо сформулировать выводы и послать штабу армии, - задумчиво проговорил Доватор. - Я, пожалуй, продиктую вам... запишите. Напишем коротко и пошлем по радио шифровкой:

"Предполагаемая операция кавалерийских дивизий по тылам противника не может быть осуществлена ввиду совершенности стратегии и тактики немецкого командования. Такое мероприятие повлечет за собой окружение и уничтожение конницы. Подробности особым рапортом. Подпись: "За полковника Доватора подполковник Холостяков".

- Но, понимаете ли, это... - начал в замешательстве Холостяков.

- Позвольте! Вы только сейчас говорили. Я ничего не прибавил!

- Да, но писать так нельзя... - смущенно ответил Холостяков.

- Если можно говорить, почему нельзя написать? - Доватор уже не скрывал иронии. - Нет уж, извольте подписать!

- Этого я не могу...

- Не можете? - насмешливо спросил Доватор. - Трудно?..

Порыв ветра надул оконные занавески, как паруса; жалобно скрипнули распахнутые оконные створки.

В штаб вошли Осипов, Наумов и лейтенант Гордиенков. Увидев их, Доватор оживился, повеселел.

- Мы ждали вас через несколько дней, - проговорил Осипов.

- Надо уметь появляться тогда, когда тебя не ждут, - улыбаясь и пожимая Осипову руку, отвечал Доватор. - Я уж и в дивизии побывал, и к тебе в полк наведался, обедал там, коня перековал, а хозяин и ночевать домой не приехал!.. Ах ты, старый косолапый дружище!..

- Обидно, Лев Михайлович, ей-богу, обидно. Значит, пропала целая ночь, а поговорить есть о чем! - с искренним сожалением сказал Осипов.

Алексей Гордиенков крепко обнял Доватора.

Капитан Наумов, внимательно наблюдавший шумную встречу, улыбался, точно радуясь свиданию старых друзей и непринужденному тону полковника. Доватор вопросительно посмотрел на него. Наумов шагнул вперед и отчетливо проговорил:

- Оперативный дежурный капитан Наумов!

- А как вы сюда попали? - пожимая ему руку, спросил Доватор.

Наумов смутился.

- Вы были адъютантом у генерала в штабе фронта?

- Так точно, - ответил Наумов. - С генералом характером не сошлись...

- Люблю откровенность... Да, разные бывают характеры, разные люди... Я три дня назад в резерве спрашиваю одного капитана: "За что получил орден Красного Знамени?" - "За усы!" -

"Как за усы? У тебя и усов нет!" - "Зато, говорит, у адъютанта атамана Шкуро такие были - насилу шашкой сбрил". Пришлось этого капитана назначить начальником штаба дивизии. Ответил хорошо... Товарищ подполковник, вы немного подождите, - сказал Доватор, заметив, что Холостяков хочет уйти. - Мне необходимо посмотреть материалы разведки.

Холостяков выдвинул ящик, положил на стол папку и молча отошел в сторону.

Доватор открыл папку. Долго просматривал лежавшие в ней бумаги. Здесь было несколько разведсводок штаба дивизии и целая пачка донесений отдельных разведгрупп. Большинство из них было составлено неряшливо. Попадались противоречивые сведения. Лев Михайлович достал из полевой сумки карту, сверил с ней какую-то бумажку.

- Тут, я вижу, сам аллах не разберется. - Постучал по папке карандашом, спросил: - Кто командир разведэскадрона?

- Я, товарищ полковник! - выступая вперед, ответил Гордиенков.

- В этом районе есть немцы? - задал вопрос Доватор, показывая координаты.

- Точно неизвестно, - ответил Гордиенков. - Туда направлены две группы.

- Когда они должны вернуться?

- Группа номер один должна была вернуться вчера, но почему-то не вернулась...

- А разыскивать послали?

- Сегодня пошла вторая группа, - сказал Холостяков.

- Почему вчера не послали разыскивать? - упрямо допытывался Доватор.

Неловкое молчание.

Лев Михайлович обвел присутствующих взглядом. В его глазах пламенели искорки гнева.

- Вас интересуют живые люди или нет? А может, они уже мертвые? Интересуйтесь судьбой и мертвых людей! Вас спросят. Может быть, некоторые из них ранены, ждут вашей помощи! А мы в это время спорим об "искусной стратегии германского командования"! Извините!..

Он порывисто скинул бурку и бросил ее на диван. Стройный, широкоплечий, с сердито сдвинутыми бровями, он резким движением одернул полы коверкотовой гимнастерки.

- Извините! - повторил он сурово. - Так воевать нельзя!

Все молчали, испытывая неловкость. Каждый чувствовал долю своей вины, а Холостяков в особенности, и каждый думал: "Как же это могло получиться?"

- Гордиенков! Немедленно серию разъездов на розыски. А сам - бери людей и привези мне... - Доватор взглянул на карту, быстро прикинул расстояние, - привези через двенадцать часов точные данные, что делается в поселке Ордынка и в хуторе Коленидово. Если что будет особо важное, немедленно присылай донесение. Понял?

- Так точно! - Алексей, повторив приказание, спросил: - Разрешите выполнять?

Доватор кивнул головой. Вслед за Гордиенковым вышел и капитан Наумов.

В комнате было тихо. Издалека доносился глухой гул артиллерийской стрельбы, слышались дрожащие звуки сигнальной кавалерийской трубы и тревожное конское ржанье.

- Отчего кони ржут? - неожиданно спросил Доватор.

- Овса просят, - проговорил Осипов. - Пятые сутки овса не получаем. Норму перебрали...

Доватор, сдвинув брови, посмотрел на подполковника Холостякова.

В эту самую минуту в штаб вошел коновод Доватора - Сергей. Выражение лица у него было такое, точно он пять минут назад убил человека и теперь пришел к прокурору каяться.

- Товарищ полковник, с Соколом неладно!

- Что такое? - встревоженно спросил Доватор.

- Захромал... не ступает. Кузнец, наверно, заковал. Вот в ихнем полку вчера перетягивали. - Сергей кивнул на Осипова.

- Не может быть! - возразил Осипов. - У меня отличные кузнецы.

- Чего там не может быть! - Доватор гневно глянул на Осипова, словно не кузнец заковал коня, а сам майор. - Это не кузнец, а палач! Где ты только отыскал его! - Круто повернувшись к коноводу, резко спросил: - А ты где был, когда ковали? Чего смотрел? Ты должен следить, как забивают каждый гвоздь! Чему я тебя учил? - И Лев Михайлович вместе с коноводом пошел осматривать захромавшего коня.

Следом за ним вышел и Осипов, огорченный тем, что коня заковали именно в его полку.

Во дворе, около деревянного сарая, стоял коновод, держа под уздцы накрытого белой попоной рослого, темно-гнедой масти коня. Конь гордо и свободно вскинул небольшую сухую голову. Огромные, глубоко посаженные глаза его смотрели весело и испытующе; казалось, он был менее всего озабочен беспокойством хозяина. По нежной шелковистой коже Сокола, по его мускулистой груди, выпуклым связкам, резко очерченным ноздрям, удлиненным бабкам Осипов опытным взглядом

завзятого лошадника оценил породу и должен был признать, что его красавица Легенда при всех ее качествах не имела тех статей, которые имел Сокол. Он был крупней, мускулистей и поразительно длинен в корпусе, что таило в себе огромную силу, выносливость и резвость. Конь стоял на трех ногах, поднимая левую переднюю, чуть-чуть касаясь земли краешком копыта. Он поматывал головой, будто извинялся за неприличную позу, но глаза у него были задорные, ноздри заметно трепетали.

- Гробанули коня! - увидев Осипова, заговорил Доватор, гневно сжимая кулак. - На ногу не наступает, полюбуйся! Ну и ковали, нечего сказать. Ведь это варварство - в живое мясо гвоздь забить! А мой щелкопер коня не мог уберечь. Видишь, Сокол смотрит на меня умнейшими глазами и вроде спрашивает: "Как ты, хозяин, мог меня доверить этакому форсуну?"

- Недоглядел, товарищ полковник, разве я... - оправдывался Сергей.

- Пешком заставлю ходить! Пешком!.. Веди в ветчасть - и немедленно расковать! Компресс надо...

Сергей повел хромающего Сокола со двора.

Доватор присел на крыльцо, закурил и, протягивая Осипову пачку папирос, сказал:

- Не поправится Сокол - у тебя коня отниму. Мне уж говорили про твою кобылицу!

Осипов молча взял папиросу, закурил. Своих кузнецов он хорошо знал: это были лихие, бывалые, кадровые ковали, дружные и веселые хлопцы. Он видел, как они "обрабатывали" прибывших на пополнение коней. Степные дончаки, извиваясь, бились в стойлах, как пойманные звери, бешено фырчали, мотая головами, пытаясь освободить верхнюю губу от закрученного палкой ремня.

"А ведь и правда, может взять Легенду, - с тревогой думал Осипов. Напишет приказ - и ничего не поделаешь..." Осипов сейчас же придумал хитрый план и не замедлил провести его в жизнь.

- Кузнецов я накажу... Ты думаешь, я для тебя коня пожалею? Бери в любое время! - покосившись на Доватора, обиженно проговорил Осипов. Он понимал, что сейчас не следует ломиться в амбицию. Майор начал расхваливать Легенду. Конь Доватора просто тускнел перед ней.

- Слов нет, твой Сокол - конь породистый, а ноги все-таки подлыжные, зад отвисает, подпруга посажена низко, плечи очень длинные, да и перекошены...

- Не меняться ли хочешь? - не дослушав, перебил Доватор. Он уже разгадал Осипова. - Эх, Антон, барышник из тебя хороший!

Ты мне не финти со своей кобылой ты не расстанешься! Я тебя знаю!..

Они посмотрели друг на друга и громко расхохотались.

ГЛАВА 5

Августовский день клонился к вечеру. Солнце, окутанное дымом пожарищ, уходило на запад.

Доватор прочитал газету и, задумавшись, держал ее перед собой. Сводка опять сообщала об оставленных городах, о жестоких сражениях. Немцы заняли Витебск. Немецкий сапог топтал родной край Доватора - Белоруссию...

Вошел капитан Наумов и попросил газету. Лев Михайлович молча протянул ему "Правду". Капитан ушел. Доватор долго сидел не двигаясь. Перед его глазами все еще стояла виденная утром картина. Он ехал в штаб группы. Навстречу по дороге на предельной скорости мчались автомашины, переполненные ранеными. А по обочинам дороги бесконечной вереницей шел народ - старики, женщины с котомками за плечами, детишки. Коровы подымали запыленные головы, тоскливо ревели.

- Из каких мест, товарищи? - придерживая коня, спросил Доватор.

- Смоленские... Калининские... Белорусские...

- Из Бешенковического района Витебской области никого нет?

- А ты что, земляков ищешь? - спросила старуха, опираясь на суковатую палку, и подняла на Доватора слезящиеся, воспаленные от пыли глаза.

- Ищу, мамаша... Вы не оттуда?

- Ты, сынок, тут не ищи. Туда ступай, там ищи! - Старуха гневно потрясла палкой, указывая на запад.

Слова старухи, как горький упрек, больно ранили сердце...

Доватор встал со скамьи, позванивая шпорами, прошелся по комнате. С печки спрыгнула на пол желтая кошка. Доватор нагнулся и взял ее на руки.

- Ишь, востроглазая... Мышей ловишь? А еще что умеешь?

Лев Михайлович, поглаживая мягкую шерсть кошки, медленно ходил из угла в угол.

В комнату заглянула с узлом в руках хозяйка дома, пожилая женщина с добрым, усталым лицом.

- А я слышу - с кем-то вы разговариваете...

- С кошкой разговариваю, - ответил Доватор.

Хозяйка улыбнулась. Подошла к кровати, быстро постелила чистую простыню, сменила наволочки. Нерешительно спросила:

- Товарищ начальник, неужто и сюда басурман придет?

Не раз приходилось Доватору отвечать на такие вопросы, но

всегда они волновали его.

- Пожалуй, придет, - сказал он и, подумав, уверенно добавил: - А вот живым-то едва ли уйдет отсюда...

Громко стуча сапогами, вошел коновод Сергей и молча поставил на стол еду.

Хозяйка вздохнула, поправила подушки и бесшумно вышла.

- Как Сокол? - спросил Доватор, продолжая гладить кошку.

- Расковали...

- Ладно, иди. Я с тобой еще поговорю...

Сергей ушел. Лев Михайлович взял с тарелки кусок колбасы и стал кормить кошку.

Офицер связи, явившийся по вызову Доватора, очень удивился, застав нового командира кавгруппы сидящим на корточках и кормящим кошку.

- Лейтенант Поворотиев по вашему приказанию прибыл! - смущенно отрапортовал он.

Доватор встал, осмотрел офицера с ног до головы, нахмурился и промолчал.

Поворотиев, нерешительно переступая с ноги на ногу, поправил кобуру от нагана, в которой с трудом помещался пистолет Токарева.

- Вы лейтенант? - после длительной паузы спросил Доватор.

- Так точно! - ответил Поворотиев.

- Аттестованный, значит? - пряча усмешку, продолжал Доватор.

- Так точно. Аттестован.

- Не понимаю, - Доватор развел руками, - не то лейтенант, не то ефрейтор. Знаков различия нет.

Поворотиев виновато посмотрел на петлицы и покраснел.

- Поломались, а купить...

Доватор достал из полевой сумки блокнот, вырвал лист, присел к столу и стал что-то писать. Сложил лист, протянул лейтенанту:

- Передайте комдиву. А ко мне без знаков различия прошу не являться.

- Есть! Разрешите идти?

- Нет, подождите. Разыщите моего коновода и скажите ему, что я приказал дать вам пистолетную кобуру. А то получается: офицер связи, да еще кавалерийской дивизии, и без знаков различия, новенький пистолет в старой, негодной кобуре... Какой вы даете пример бойцам и командирам? Вы представитель командования дивизии!.. Вы женаты?

- Нет, товарищ полковник, - смущаясь все больше, ответил Поворотиев.

- И не женаты... А вдруг встретится по дороге девушка и подумает: "Где служит этот офицер? У него, наверное, и командиры такие же неряхи..."

Дальше выдержать было невозможно. Лейтенант вздрогнул, повернулся, больно лягнув правой ногой по щиколотке левой, и выбежал из комнаты, красный от стыда.

Минуту спустя, садясь верхом на коня, он от волнения никак не мог поймать ногой стремя. Потом надвинул кубанку до самых ушей и шажком поехал по улице, стараясь разгадать, что кроется за строгостью полковника. Бросив повод на луку, Поворотиев вынул из кармана синих брюк полученную от Доватора бумажку и прочитал ее.

Новый командир кавгруппы предупреждал комдива, что приедет сам лично будет проверять конский состав, вооружение, вьюки, снаряжение. "А ведь посмотришь - кошку колбасой кормит!" Поворотиев усмехнулся, покачал головой и сунул записку в полевую сумку.

Вечернее небо было чистым, безоблачным.

Где-то одиноко и методически била пушка: немецкая привычка тревожить русских, не давать покоя во время ужина. Однако жизнь шла своим чередом. Из леса вкусно попахивало лавровым листом. Дымили кухни, перекликались связные, дневальные, посыльные. Гремели котелки, ведра. Весело выговаривали трубачи: "Бери ложку, бери бак, кто не хочет, иди так!"

За деревней Поворотиеву повстречалась женщина с мешком за плечами.

- Скажите, товарищ военный, где тут штаб? - поравнявшись с лейтенантом, спросила она.

Поворотиев остановил коня.

Женщина торопливо вытащила из рукава записку, доверчиво протянула Поворотиеву. В ее усталых, ввалившихся глазах светилась улыбка. Лейтенант не сразу отвел взгляд от ее строго очерченных бровей, молодого загорелого лица. Стройную, сильную фигуру женщины горбатил висевший за плечами армейский вещевой мешок. Черный жакет, черная косынка, палка в руках делали ее похожей на странницу.

В записке, которую прочитал Поворотиев, Оксане Гончаровой предлагалось разыскать штаб "начальника Льва Михайловича". Фамилия начальника не упоминалась. Подписал записку Гордиенков.

- Хлопцы меня в лесу устрели. Командир расспрашивал, чернявый такой... Где этот штаб, товарищ военный?

- Придется проводить... - Поворотиев сделал вид, что смотрит

на женщину недоверчиво. Она, сверкнув белыми зубами, приветливо улыбнулась.

Повернув коня, лейтенант коротко сказал;

- Идите вперед. Здесь недалеко.

В штабе капитан Наумов выслушал доклад Поворотиева и сухо заметил, что лейтенанту не следовало брать на себя обязанностей по патрулированию девушек, а нужно было выполнять то, что предусмотрено наставлением по полевой службе штабов в разделе "Служба офицера связи".

Молодому лейтенанту ничего другого не оставалось, как сказать капитану: "Есть!" Про себя он назвал капитана "штабная душа" и дважды огрел плеткой своего ни в чем не повинного дончака.

Капитан Наумов приветливо предложил Оксане снять мешок и поставить палку в угол. После этого он провел ее к Доватору.

В комнату уже вползали вечерние сумерки, и лица Доватора Оксана не разглядела. Она видела только тускло блестевший глазок ордена, неясные очертания пряжек и ремней и решила, что перед ней важный начальник.

- Здравствуйте, - проговорила она тихо.

- Здравствуйте. - Доватор кивнул и придвинул ей стул. - Садитесь.

Оксана присела.

- Откуда идете?

- С-под Витебска.

- Какого района?

- Бешенковического.

- Деревня?! - вскрикнул Доватор.

- Село Хотино, - ответила Оксана, испуганная криком и порывистым движением, с каким Доватор подошел к ней.

- Хотино? Фамилия, фамилия как?

- Гончарова...

- Григория Гончарова знаешь?

- То мой батько... Откуда вы знаете?

- А меня узнаешь?

Оксана некоторое время пристально всматривалась в побледневшее лицо Доватора. Откинувшись на спинку стула, чуть слышно проговорила:

- Узнаю... Бачьте!.. Да вы ж Лявонтий Доватор! Мамо... - договорить ей не дали слезы. - ...Як начали стрелять, як начали!.. - рассказывала Оксана Доватору. - Мы в лесу сидели, а потом у болото перебрались. Старики мои дома остались, а нас немцы начали гонять. Идут по лесу - из аутоматов палят. Кругом трещит, на елках огонь вспыхивает... Ой, страшно было! Мы тогда у

болото и убегли. Там ваша матка с батьком были...

- Где же они остались? - спросил Доватор, отгрызая кончик мундштука потухшей папиросы.

- Там, у болоте... Мы вместе жили. Хлеба не было. Грибы ели, малину... Потом немцы и туда пришли. Все разбежались, потеряли друг дружку. Я одна осталась. Ночью шла, а днем в кустах ховалась. Ну, вот и пришла... - Она опустила голову, закрыла лицо руками, заплакала.

- Добре, что пришла! - Лев Михайлович щурит глаза, молчит. - Не надо, Оксана! - Он положил ей на голову руку.

- Куда же мне теперь, Лявонтий Михайлович? - спрашивает Оксана.

- Борщ умеешь варить?

- А то нет?!

Долго в этот вечер расспрашивал Лев Михайлович Оксану о деревне, о родственниках, о друзьях, с которыми в юные годы организовал в Хотине комсомольскую ячейку.

- Мы еще побываем в Хотине, Оксана, мы еще вернемся!..

...Поздней ночью часовой видел, заглядывая в окно, как Доватор, заложив руки за спину, ходил по комнате из угла в угол. Сняв пояс и расстегнув гимнастерку, он подолгу сидел над боевой картой, читал какие-то бумажки, чертил карандашом. На схеме предполагаемого рейда вырастали сотни условных знаков - кружочки, черточки, флажки, крестики, нарисованные синим и красным. Вот изогнутая синяя черта со множеством углов, протянувшаяся через всю карту. Это передний край противника. Синие ромбики, притаившиеся в зелени кудрявых перелесков, - это танки. Проволочные заграждения в два кола отмечены двумя черточками, похожими на букву "Н". Синие кружочки со стрелками, похожими на жало змеи, - пулеметные гнезда.

Навалившись широкой грудью на стол, Лев Михайлович стремительно проводит красную черту. Заостренная стрела, как молния, впивается в передний край врага; пронзив его, далеко уходит в глубокий тыл, к сердцу родной Белоруссии. Доватор ерошит волосы, порывисто и уверенно набрасывает красные кружочки на фоне зеленых лесных массивов. Это районы сосредоточения полков и дивизий. От кружков во все стороны разбегаются огненные стрелки, пронзают синие гребешки немецких гарнизонов, штабов.

- По волчьи будете выть! - шепчет Доватор. Он уже громит, рубит, уничтожает...

Снова встает из-за стола и ходит по комнате с карандашом в руке. Думает. Хмурит брови. Смотрит на часы, на нетронутую белоснежную постель, заботливо приготовленную хозяйкой дома.

Но он не ложится на кровать. Часовой видит в окно, как полковник снимает со стены бурку и, закутавшись с головой, ложится на диван... К чему мять чистую постель, когда спать осталось совсем немного? Мягкая шерсть бурки приятно согревает, от нее исходит родной кавалерийский запах...

Доватору не спится.

"Что, если не прорву фронт, понесу напрасные потери?.. Немцы блокируют полки, будут бомбить, расстреливать артиллерией... Не хватит боеприпасов, не будет продовольствия. Болота, белорусские болота!.. Что будешь делать, полковник Доватор?"

Но сейчас же пришли другие мысли:

"В лес! Иди в лес! В родном лесу - ты хозяин! Не горячись, больше думай. На то ты и командир. Тебе Родина доверила кавалерийские полки!.. А вот о родителях не позаботился. Хоть бы телеграмму дал местным властям разве не помогли бы старикам? Попадут в руки немцев родители полковника, коммуниста - сразу не убьют..."

Телефонный зуммер. Стянул с головы бурку. Вот тебе раз! На столе горит лампа, а в комнате на голубых обоях играет свет прозрачного чудесного утра. Схватил телефонную трубку.

- Слушаю. Прибыли? Немедленно ко мне!

Из окна видно, как над озером Емлень гаснет последняя ночная звезда. У берегов волнуются, качаются камыши; из них выплывает одинокая утка-лысуха. В утреннем тумане ласково плещется озеро, покрытое мелкими гребешками волн. На западе клубятся серые тучи, и оттуда доносится глухой, свирепый гром...

ГЛАВА 6

Из разведки вернулся младший лейтенант Ремизов.

- Я имел задачу разведать районы Ордынки и Коленидова, - докладывает он. - Разрешите курнуть, товарищ полковник?

- Не разрешаю. Сначала доложите, а потом закурите!

Доватор исподлобья смотрит на круглое румяное лицо, на каракулевую кубанку. Он несколько озадачен вольным поведением разведчика.

Ремизов говорит оживленно, даже весело, будто строгий тон полковника, запретившего курить, не огорчил, а обрадовал его.

- В Коленидове до роты немцев, на окраине пулеметные точки - фронтом на север. Есть минометы - обстреливают Зикеево...

- Покажите точно на карте, где пулеметные точки.

Ремизов поправил съехавшую набок кубанку и ткнул пальцем в карту.

- Вот здесь одно пулеметное гнездо, тут - другое.

- Точнее показывайте.

- Вот тут, около черной точки.

- Значит, у отдельного сарая? Так и говорите.

В сенцах голосисто пропела дверь, кто-то вытирал ноги о половичок, звенел шпорами.

- Разрешите?

На пороге стоял незнакомый Доватору подполковник в кавалерийской казачьей форме мирного времени - синие бриджи с малиновыми лампасами, кубанка с таким же верхом. Полевые ремни ловко обтягивали китель.

- Подполковник Карпенков! Прибыл в ваше распоряжение из госпиталя.

- Если не ошибаюсь, Андрей Иванович Карпенков?

- Совершенно верно. Откуда вы меня знаете, товарищ полковник?

- Был о вас разговор в штабе армии, - уклончиво ответил Доватор, скрывая улыбку.

Доватору сразу понравилась ладная, крупная фигура молодого подполковника, его смелые глаза, поблескивающие с обаятельным лукавством.

"Вот с таким можно хорошо воевать!" - подумал Доватор.

- Порох нюхал? - спросил он, переходя на дружеское "ты". - Садись!

- Немного и неудачно. - Карпенков прошел по комнате, поскрипывая хромовыми сапогами, и сел на диван.

- Совсем вылечился? - заметив краешек марли, выглядывавший из рукава Карпенкова, спросил Доватор.

- Пустяки!.. Извините, я, кажется, вам помешал?

- Мы сейчас кончим... Значит, в Коленидове противник - до роты, с пулеметами, минометами. Так? - спросил Доватор Ремизова.

- Точно.

- В Ордынке что делается? Это самое главное...

- А в Ордынке никого нет. Я переправлялся...

- Никого? Любопытно! - Доватор задумался. Потом, взглянув на Карпенкова, поманил его пальцем и, показывая карандашом на карту, сказал: - Вам, как будущему начальнику штаба кавгруппы, необходимо знать, что для прохода мы должны использовать этот пункт.

- Товарищ полковник, разрешите быть свободным? - спросил Ремизов.

- Идите, хорошенько отдохните, - мягко ответил Доватор.

Ремизов, откозырнув, вышел.

- Слушайте, Андрей Иванович, внимательно и записывайте.

Карпепков вынул из планшетки блокнот.

- Заготовьте боевой приказ. Сегодня ночью Ордынку захватить. Смотрите на карту: в первую очередь надо овладеть вот этими выступами леса. Иначе отсюда противник может фланкировать переправу. В районе отметки 96,3 домик лесника - выставить боевое охранение. Лесные просеки непрерывно контролировать. Подтянуть туда пушки, если немцы полезут... Штабу армии напишите донесение: для ввода конницы в тыл противника есть свободный проход. Вот и все!.. - Взглянул на часы: - Потом приходите завтракать...

Через час Доватор и Карпенков сидели за столом. Весело шумел самовар. В бутылке слезливо поблескивала водка, на тарелках лежали консервы, ветчина, свежие огурцы. Карпенков с каким-то особым мастерством облупливал яйца и в два неторопливых закуса отправлял их в рот. Водку он пил, как молоко, - не морщился, не хмелел. Доватор пил мало. Разговор шел о рейде в тыл врага.

- Чувствуешь, какая нам предстоит операция? - говорил Доватор. - Мы ведь знаем, что такое клинок и что такое современная техника, и понимаем, как трудно будет драться, - может быть, и одними клинками. Мы не только должны быть храбры, но и хитры, предприимчивы, изворотливы и беспощадно злы! Жаль, нельзя взять с собой пушек...

- А мы пушки там должны добыть, - очищая от скорлупы неизвестно какое по счету яйцо, сказал Карпенков.

От выпитой рюмки водки лицо Доватора помолодело, а после бессонной ночи глаза его были задумчивыми и грустными. Хотелось рассказать Карпенкову, что старики его остались у немцев, но в то же время он боялся постороннего сочувствия. На начищенном самоваре горели солнечные лучи; из лесу доносилась протяжная кавалерийская песня. Она сливалась с тяжелым фырканьем танковых моторов и оглушительными, как выстрелы, выхлопами.

Карпенков рассказывал Доватору, как он был ранен в июльских боях и отправлен в госпиталь. Лечился недолго.

- Не вытерпел, - говорил он, - самовольно уехал... Напишу врачам, извинюсь - неудобно все-таки. Какое лечение! Сводку Информбюро прочитаешь - температура подымается! Вот вы хотите меня назначить руководить штабом, - неожиданно сказал он, - а я на этой должности был мало. Вдруг подведу?

- А ты не бойся! Хочешь дело делать - берись за него уверенно! Мне вот тоже и дивизией не приходилось командовать. А сейчас перед отъездом командарм сказал: "Действуй смело, но катушку разматывай с толком. Действуй так, как в трудную минуту действуют коммунисты". Вот я и действую... А подведешь

или не подведешь - об этом не хочется говорить. Я тебе предоставляю полную свободу, не запутывай только себя сетью пустяков. Ищи основное, реальное, но не забывай и о мелочах. Главное в жизни решается людьми. Присматривайся к ним хорошенько, делай выводы: кто на что способен. Сделаешь правильные выводы - все будет в порядке, имеешь тогда право луну почистить конской щеткой, чтобы лучше светила. Не сумел - бери скребницу, иди на конюшню дневалить...

С улицы в окна ворвались голоса, конский топот.

- Гордиенков вернулся! - проговорил Доватор, взглянув в окно.

Пять разведчиков, в том числе и Торба, шагом проехали мимо штабной квартиры. Медленно отворилась дверь. Неловко подпрыгивая на левой ноге, опираясь на палку, вошел лейтенант Гордиенков. Правую ногу, в распоротой, побуревшей от крови штанине, он держал на весу. На его лихорадочно блестевшие глаза спадал темный чуб, лицо пожелтело, осунулось, губы кривились от боли, но он все же пытался улыбнуться. Следом за ним вошел капитан Наумов. Он уже узнал от разведчиков о ранении Алексея и отправил связного за врачом.

- Что случилось? - встревоженно спросил Доватор. - Ложись на диван! Вместе с Карпепковым он помог Гордиенкову добраться до дивана.

- Что случилось, я спрашиваю? - Доватор порывисто повернулся к Карпенкову: - Налей-ка ему водки!

- Подстрелили, товарищ полковник, - ответил Алексей, осторожно укладывая ногу на диван.

- Товарищ Наумов, доктора! Быстро! Где напоролся? - Доватор укоризненно покачал головой.

- Я уже распорядился, товарищ полковник, - ответил капитан Наумов.

- Да в Ордынке переправлялись... - начал было Алексей.

- Как в Ордынке? - перебил Доватор. - Там же никого нет!

- Да и нам сказали, что никого нет. А я все-таки решил проверить...

- Кто тебе сказал?

- Да здесь говорили... Мы спешились и смело стали переправляться. Только вышли на берег, а там засада. Как чесанут из пулеметов и автоматов! Почти в упор. Мы залегли - да гранатами. Торба штук десять запустил. Отстрелялись и ушли на Коленидово. Там действительно никого нет. А в Ордынке - до батальона пехоты. Жители говорят, дней десять по ночам окапывались. А днем прячутся...

- Все ясно, - глянув на Доватора, проговорил Карпенков.

- Тот прохвост не разведкой занимался, а в кустах прятался, - гневно отчеканил Доватор и, повернувшись к Наумову, приказал: - Вызвать!

Наумов открыл дверь, пропустил девушку с санитарной сумкой и исчез в сенцах.

Девушка была самая обыкновенная, таких тысячи можно встретить. В защитной гимнастерке, в такой же юбке. На голове - коричневая барашковая кубанка, как-то особенно уютно и мило сидевшая на густых кудрявых волосах. Войдя в комнату, она тронула кончиками пальцев кудерьки, совсем не по-военному, а как-то по-мальчишески - озорно, и, ни на кого не глядя, направилась к дивану, где полулежал лейтенант Гордиенков.

Положив на край дивана сумку, она спросила:

- Сильно? Нет?.. - достала бинт, вату и несколько пузырьков.

- Побыстрей, товарищ военфельдшер! - требовательно сказал Доватор.

Девушка подняла на него глаза, кивнула головой, но тем не менее с прежней методичной неторопливостью продолжала рыться в сумке. Казалось, вмешательство полковника не производит на нее никакого впечатления и не может изменить ход дела.

Это начинало раздражать Доватора. Он готов был прикрикнуть на нее, но удержался. Тонкие пальцы девушки умело вспороли ножницами бинт. Потом решительным движением она сдернула разорванную и грязную штанину с голени, обнажив розовеющую повязку.

- Все в порядке, - спокойно сказала девушка и снова закрыла повязку штаниной. - Чем: осколком или пулей? - спросила она Алексея.

- Вот тебе и раз! Ох уж эта мне медицина! Человеку ногу прострелили, и это называется все в порядке! Почему вы все-таки не перевязываете? Доватор готов был рассердиться не на шутку.

- Повязка хорошо лежит, товарищ полковник. Мы...

- Что мы?

- Мы возьмем его в медэскадрон и там перевяжем.

- Почему здесь нельзя перевязать?

- Здесь нельзя вскрывать рану, потому что здесь грязно.

В комнате было действительно неопрятно. Пол замусорен окурками, затоптан сапогами. На столе вокруг самовара и недопитой бутылки роились мухи.

Доватор сумрачно оглядел комнату и понял, что напрасно погорячился.

- Ты смотри, Карпенков, упрямая какая! - сказал Лев Михайлович.

- Кубанская! - Карпенков лукаво подмигнул.

- Ладно, везите в медэскадрон. Только лечите хорошенько!

В сопровождении Наумова вошел Ремизов. Увидев раненого Гордиенкова, он понял, зачем его вызвали. Приложенная к кубанке рука, как плеть, опустилась вниз.

- Повторите в точности утренний рапорт, - проговорил Доватор.

Ремизов не отвечал.

- Вы в поселке Ордынка были? Повторите: где пулеметная точка в Коленидове?

- Мне гражданские... я проверить не успел. Наблюдал - в Ордынке тихо... - Ремизов умолк, да и говорить-то ему не о чем было. Ночевал он в сарае, переправиться за реку побоялся. Утром встретил колхозников и узнал у них, что в одной деревне немцы, а в другой немцев нет, названия деревень перепутал.

- Ты присягу принимал? - коротко спросил Доватор.

Ремизов молчал, тупо смотря себе под ноги.

- Подполковник Карпенков, заготовьте материал для трибунала.

Алексей лежал с закрытыми глазами. Поступок Ремизова причинял ему боль сильнее, чем простреленная нога. Он готов был сию же минуту встать, повторить всю сегодняшнюю вылазку, снова лечь под жгучие строчки трассирующих пуль, которые вспарывали вокруг него мохнатые, заросшие травой кочки, только бы не видеть позорного поведения товарища...

Когда он открыл глаза, перед ним стояли санитары с носилками и военфельдшер Нина. В окно было видно ослепительно синее небо, пухлые облака, под ними медленно плыл самолет. Мотор убаюкивающе гудел, солнце голубоватым блеском сверкало на крыльях машины...

Санитары унесли Алексея. В открытую дверь ворвался ветер, зашелестел лежавшей на столе картой. Доватор прижал рукой завернувшийся угол карты, хмуро покосился на дверь и сказал Карпенкову:

- Приказ командиру дивизии отменить, донесение штабу армии вернуть. Скандальная история!

Хотел было приказать, чтобы оседлали коня, но вспомнил, что Сокол захромал...

"Что же, чтобы развязывать запутанные узлы и петли, надо иметь крепкие нервы и умелые руки! - думал, оставшись один, Лев Михайлович. Какие умелые руки у этой кудрявой девушки... Маленькая, а ведет себя геройски - ведь настояла на своем! А полковник-то погорячился!.."

ГЛАВА 7

Кавалерийские лагеря разместились в густом ельнике. Здесь сухо и прохладно. Под ногами растет нежный мох, усыпанный хвойными иглами, и торчат сизые листочки черники, выпачканные раздавленными ягодами. Черники много. Казаки ходят с синими губами.

Стоят длинные, из мачтового сосняка коновязи, обглоданные лошадьми. Зеленеют уютные шалаши. Перед каждым шалашом - стройные пирамиды винтовок, тут же седла. Все это укрыто от дождя и "юнкерсов" лапами елей. Дорожки, тропочки подметены. Во всем армейский порядок.

У большинства разведчиков кони - гнедые степняки или рыжие, в белых "чулках", дончаки с северокавказских заводов. Есть и горбоносые кабардинцы, орловские, но этих меньше. Сегодня приказано навести коням полный туалет и выложить вьюки. Ожидается особая поверка. А пока коней осматривает своя комиссия.

Старшина Ракитин лазит каждой лошади под брюхо. Мазнет марлевой тряпочкой по крупу против шерсти и скажет:

- Черно, как у фашиста в душе!..

Следом за ним ходит младший сержант Захар Торба. Он горд присвоенным по приказу Доватора званием и назначением на должность командира отделения и тоже придирается к каждой мелочи.

Третий член комиссии - писарь Володя Салазкин, в роговых очках, с папкой под мышкой. Он мечтатель и поэт. С первого же дня, как только Оксана Гончарова по указанию Доватора была назначена в разведдивизион помощником повара, он влюбился в нее.

Комиссия в четвертый раз останавливается около Яши Воробьева. Яша вспотел, начищая свою лошадь. Рыжая, смирнейшая на вид кобылица с белым пятном на лбу потягивается от удовольствия и ощеривает зубы. Она удивлена заботой хозяина.

Старшина Ракитин снова проводит тряпочкой по крупу лошади, и тряпочка снова становится бурой от грязи.

- Ее надо в Кисловодске в нарзанной ванне отпаривать, - говорит Торба, трепля лошадь по шее.

- Это что же такое, товарищ Воробьев? - спрашивает Ракитин.

Яша беспомощно опускает руки и роняет скребницу.

- Я, товарищ старшина, давно хотел убратиться к вам, да лейтенант мой не велел...

Говорит Яша с уральским "уканьем": вместо обратиться - убратиться, вместо оседлать - уседлать.

- "Убратиться"! - передразнивает Салазкин и ставит Яше в

графе "туалет" палку.

Салазкин и Яша Воробьев - большие друзья, живут они вместе, но этой обиды Яша стерпеть не может. Он решительно заявляет Ракитину:

- Узьмите ут меня эту лошадь, я другую найду.

- Почему? - спрашивает старшина.

- Житья ут нее нет! Это не кобыла, а ведьма! Как только слез, пустил повод, она тут же на землю - бряк, ноги кверху и кувыркаться. В седле аль без седла - ей все равно. Вчера завьючил, поехал, не успел слезти, она бряк, и опять ут привьюченного котелка лепешка получилась!..

- Может, у ней колики? Обкормил? - моргнув Торбе, спрашивает Ракитин.

- Малины объелась, - вставляет Салазкин.

- Ты лучше, утойди!.. - Яша нагибается и поднимает скребницу.

Салазкин хочет обойти лошадь, но, вскрикнув, отскакивает в сторону. Кобыла, почувствовав чужого человека, хватила Салазкина зубами. Салазкин смущенно смотрит на разорванный рукав и качает головой. Яша, размахивая скребницей, приплясывает от хохота.

- Ай да молодец! Надо бы тебя за язык.

- Видишь, а менять хочешь! Она за тебя заступается, - говорит Ракитин.

- Нет, товарищ старшина, куда хотите узьмите. Ведьма это, а не лошадь, надоела она мне, грязнуля такая. Все корят. Лейтенант корит, сержант корит, даже новый повар, товарищ Гончарова, поглядела на меня с усмешкой и говорит: "Ваш конек?" - "Мой". - "А почему он такой пачканый?" Срамота слушать.

Воробьев подошел к лошади, шмурыгнул скребницу о щетку и яростно начал чистить мод брюхом.

- У, окаянная! - незлобно говорил Яша. - Выходит, взять кус мыла, ведро воды и мыть тебя да чистить? И от блудовства твоего нет никакого спасения! Не сердись, я тебя выучу...

Комиссия направляется в другой взвод. Салазкин идет позади всех, придерживая разорванный рукав. "Даже иголки не попросил, рассердился", думает, глядя ему вслед, Яша Воробьев.

Размолвки нередко бывали между друзьями, но всегда заканчивались миром. Писарь подавлял Яшу своей ученостью.

- Мудреный ты человек, Салазкин, - говаривал Яша.

- Мудрость - квинт всякой философии, - ошарашивал его писарь.

- От твоих слов, Володимир, волосы начисто вылезут! Ты мне вот что скажи: человек я фартовый, а нет мне счастья - хочется

живехонького германца поймать...

- Прочитай "Шагреневую кожу" - узнаешь про счастье. Там кожа сокращается вместе со сроком жизни - математически.

- Ты, Салазкин, сшей себе из той кожи сапоги, а мне не навязывай.

- Чудак! Куль невежества!.. Это гениальное творение Бальзака, медведь!..

С появлением на кухне Оксаны пострадал не только Салазкин, но и Яша и даже старший повар Трофим Ворожейкин.

Ворожейкин пострадал по причине своего неуживчивого характера и грубых привычек.

- Чего это вы так ругаетесь, а еще красноармеец? - в первый же день спросила его Оксана.

- Что-о? - Трофим раскрыл рот от удивления.

- Ничего. Еще раз выругаешься - кипятком ошпарю! - Оксана гневно сдвинула брови. - Нехорошо, стыдно, - тихо добавила она.

Трофим стиснул зубы и с остервенением начал мешать борщ в котле.

Этот короткий разговор случился во время выдачи обеда. Посрамление повара произошло на глазах у всего эскадрона. Оксана была героиней дня.

- Не могу! - жаловался впоследствии Трофим Салазкину. - Во взвод буду проситься. Слово не вымолви, не ругнись - старшина арестом грозится...

Оксана накладывает из бака гречневую кашу и с усмешкой поглядывает на сумрачного Трофима. На кухне теперь если и не мир, то чистота и порядок.

- Ксаночка, сыпни с походцем! - весело кричали бойцы.

- С походцем - будешь исты с прихлебцем! Следующий! - выкрикивает Оксана.

В стороне терпеливо ждут очереди Салазкин и Воробьев. Они умышленно приходят попозже других. Каждому из них хочется перекинуться с Оксаной словечком без докучных свидетелей. Но дела у них идут плохо. Их мало-мальский успех у Оксаны разом уничтожился с появлением Захара Торбы. Казачина поражал Оксану своим аппетитом, огромным ростом, непомерно большими руками, мохнатой кубанкой, мастерством петь песни и умением рассказывать. Она слушала Торбу с замирающим сердцем и, не спуская с него глаз, порой тихо смеялась, показывая белые зубы.

Мало того, числясь временно помощником старшины, Захар почти каждый день подкатывал к кухне на паре серых коней. Оксана садилась рядом с ним в бричку, и они ехали на склад получать продукты.

Торба брал вожжи. Красивые, откормленные кони рвались с

места широкой рысью. Салазкин и Яша, терзаясь муками ревности, смотрели, как Оксана, побаиваясь быстрой езды, невольно жалась к Захару.

- Салазкин, - мрачно говорил Яша, - ты бы хоть придумал что-нибудь.

- Да я...

Но договорить не дал Торба. Он легонько оттолкнул Яшу и подставил полведерную посудину.

- Подсыпь трошки.

- Два? - спросила Оксана.

- Можно три...

У Салазкина, следившего за улыбающимся лицом Оксаны, ложка с кашей остановилась перед самым ртом...

...В ночном лесу - тишина. Только слышно фырканье коней, жующих сено. Иногда беспокойный сосед хватит зубами другого. От резкого конского визга вздрагивает дневальный, раздается его сердитый голос, и - снова тишина...

Можно ли подумать, что в этом пятикилометровом лесном квадрате расположено такое огромное количество людей и техники?

Чего ждут они?..

"Осторожно с огнем. Эй!" - слышится властный, требовательный голос дежурного. "Огонь убрать! Кто курит?", "Осторожно с огнем!" - передается приглушенный шепот.

Где-то в ночи горячо кипит жизнь. Стучат моторы. Яркими полосами вспыхивают фары, мгновенно гаснут. Каски, штыки, хоботы орудий, ящики мелькнут в кузовах машин и исчезнут. Прожорливая война требует пищи: огня, металла, консервов, сухарей, леса и ткани, спичек и махорки.

...Августовская ночь. В небе висит красноватый осколок луны. А когда гаснут мощные лучи прожекторов, вспыхивают холодные звезды.

ГЛАВА 8

Кавалерийские полки выстроились на опушке леса. Ждут смотра.

- По-о-о-олк, сми-ирр-но-оооо! - протяжно поет майор Осипов. Равнение на средину, товарищи командиры!

С визгом вылетает из ножен кривой кавказский клинок и, блеснув на солнце, серебряной свечой ложится на плечо. Круто выгибая красивую голову, Легенда мерным галопом легко несет майора навстречу Доватору. От ветра полы бурок развеваются, как черные крылья, словно два могучих орла летят друг к другу.

Осипов выносит клинок перед собой и ставит лезвием влево.

Доватор слегка клонит туловище назад, осаживает коня.

Сокол делает малую дыбку и замирает на месте.

Легенда танцует, будто в цирке. Отдав рапорт, Осипов четко и ловко опускает клинок к правому стремени.

В торжественном молчании замерли эскадроны. У каждого конника трепещет сердце, загорается огнем, гордой воинской страстью.

- Здравствуйте, товарищи казаки! - Доватор отделяется от группы сопровождающих его командиров, выезжает вперед и поднимает руку.

- Здра...!!! - рванулось в воздухе громкое, отчетливое, мощное тысячеголосое приветствие. От слитного гула голосов надломилось строевое спокойствие коней, по звону стремян, по колыханию длинных рядов ясно ощутилось, как они встревоженно переступали с ноги на ногу.

Над опушкой зеленеющего леса поднимается черная туча галок. Они кружатся над головами с беспокойным криком и исчезают за темной полосой перелеска.

Каждый вьюк, каждый пулемет, каждую винтовку командир кавгруппы проверяет лично.

Лицо его то озаряется улыбкой, то сурово хмурится. Ничто не может ускользнуть от его проницательного глаза.

- Котелки убрать в вещевые мешки. Сверху привязывать нельзя. В лесу зацепить веткой - шум, звон. Вдруг придется ехать у немцев под носом? Стремена, колечки обмотать тряпками... Сколько у тебя патронов? спрашивает он у молодого кубанца.

- Шестьсот, - отвечает казак.

- Добре, - удовлетворенно кивает Доватор. - Гранат?

- Четыре.

- Возьмешь больше - не пожалеешь!..

Лихо подкатывает пулеметная тачанка. Крутой подбородок ездового, затянутый ремнем от каски, упирается в грудь. Он едва сдерживает четверку серых коней.

- Эк раскормил! - Лев Михайлович мрачнеет.

Майор Осипов что-то взволнованно шепчет начальнику штаба полка, высокому худощавому капитану, и показывает командиру пулеметного эскадрона из-под бурки кулак.

- Слушай, Осипов, - говорит Доватор. - Ты что - решил церемониал устроить? Почему пулеметы на тачанках, а не во вьюках?

- Будет сделано, товарищ полковник! - козыряет Осипов. - Готовим специальные...

Но Доватор не слушает его, подходит к тачанке и стаскивает брезент.

- Как работает? - кивая на пулемет, спрашивает он у первого

номера.

- Отлично, товарищ полковник! - отвечает пулеметчик Криворотько. Лицо у него широкое, скуластое, из-под каски смотрят серые улыбающиеся глаза.

- Сейчас посмотрим! - Доватор уверенно поворачивает затыльную плашку пяты и поднимает крышку. Боевая пружина, отлично смазанная, выползает из коробки и бесшумно падает на брезент. Лев Михайлович берет в руки стальную спираль, привычным движением вставляет на место. Он с улыбкой смотрит на Криворотько и, прищурив один глаз, говорит: - Умная машинка!.. - Вставляет побрякивающую патронами ленту и, переведя пулемет на зенитную установку, нажимает спусковой рычаг.

Прозрачный августовский воздух разрывает очередь.

Храпят, трясутся встревоженные кони, яростно грызут трензеля и горячо топчут копытами землю. Но ездовой, вытянув руки, еще крепче упирает в грудь подбородок и, все натягивая вожжи, выворачивает в стороны лебединые шеи коней.

Доватор спрыгивает с тачанки, вытирает руки тряпкой и говорит:

- Пулеметы в отличном состоянии. Но где вьюки, товарищ командир полка? Вперед, тачанки! - кивает он Криворотько. Нравится ему этот бравый пулеметчик.

- Вперед! - командует Криворотько. От восторга у него розовеют щеки, еще ярче блестят глаза. Он ловко прыгает на тачанку, молодецки козыряет Доватору.

- Вперед! - повторяет команду ездовой. Взмывают кони, под копытами вихрится пыль.

Спецподразделения проверяет подполковник Андрей Карпенков.

- Разведчики?

- Так точно, - отвечает немолодой казак Филипп Афанасьевич Шаповаленко. Он держит под уздцы кофейной масти дончака и нежно поглаживает ему ноздри, отгоняя веткой липнущих к нему мух.

- Ты куда служить пришел? - огорошивает его вопросом подполковник и недобро щурит глаза.

- Як куда? В Червону Армию! - отвечает Шаповаленко.

- А Червона Армия тоби ярморок чи шо?

Шаповаленко смущенно молчит.

- Ты волов куповаты прийшов або фашистов бить?

- Бить фашистов!

- Добре, - соглашается Карпенков. - А чего же ты, милый, заправлен, як цыган в Кущах на ярманцы? Бачьте, на кого вин

похож. Пояс на пупу, штаны грязные и съихалы...

Шаповаленко виновато оглядывает себя и торопливо одергивает гимнастерку. Вид у него действительно неказистый. Стряслась с ним накануне беда. Послал его старшина в деревню - взять проводника и осмотреть дорогу, по которой можно было бы вывозить принятое у колхоза сено. В проводники ему дали престарелого деда-пасечника Сергея Ивановича. На обратном пути он затащил Филиппа Афанасьевича к себе на пасеку и угостил такой брагой, что через час оба они воспылали воинственным духом. Сидя за столом и размахивая руками, приятели старались перекричать друг друга.

- Немец - сукин сын! Куда ж вы его пущаете, а? - упрекал Сергей Иванович.

- Як пущаем, як? Это ж, говорят, стратегия! - оборонялся Филипп Афанасьевич. - Мы що, не поколотим его? Нет, скажешь? - кричал он, стуча по столу кулаком. - Порубаем головы вместе с чупрыной!..

На прощанье дед заставил Филиппа Афанасьевича выпить еще, насовал ему в переметные сумы огурцов, луку, картошки, даже положил здоровенный красный бурак и дал в руки полный горлач меду, который Филипп Афанасьевич по дороге разбил о переднюю луку, выпачкался сам и обмазал медом дончака.

Вернулся он поздно, в сумерках ничего не разглядел, а утром привести себя в порядок не успел, даже не смог как следует привьючить попону и шинель.

- Разве так вьючат? Концы тренчиков торчат, как шавкины уши! распекал его Карпенков, тыча плеткой в переметки. - А сюда кавунов напихал, чи що? А ну, кажи!

Шаповаленко молча расстегнул переметные сумы. Вместо патронов там лежали подаренные Сергеем Ивановичем овощи.

- Ба-а!.. Так и знал, що тилько кавунов нема! - воскликнул Карпенков.

У Филиппа Афанасьевича от стыда щеки становятся красными, как бурак, выкатившийся из переметной сумы.

- Ты какой станицы?

- Славянский, - поеживаясь, отвечает Филипп Афанасьевич. Что-то зловещее слышится ему в этом вопросе.

- Брешешь! Там таких сроду не было!

- Да точно, товарищ подполковник...

- Не было, говорю, таких, - повторяет Карпенков. - Я же знаю славянских! Там казаки - будь здоров! Вот что! - Карпенков сверлит Шаповаленко глазами. - Если еще раз увижу тебя в таком виде - не пеняй. Сфотографирую - и карточку в колхоз пошлю. Пусть любуются на бравого казака!

- Да що вы! Да зроду!.. - в ужасе бормочет Шаповаленко.

- Уж я тебя на всю станицу прославлю! Кто командир отделения?

- Я, товарищ подполковник, - отвечает Захар Торба.

- Почему такой беспорядок? - Карпенков тронул носком сапога бурак. Помогите, товарищ младший сержант, вашему подчиненному упаковать этот магазин! Ну и дал мне бог земляков! - сокрушенно вздыхает подполковник.

По рядам разведчиков пробежал сдержанный смешок. Легче было бы Захару получить пять внеочередных нарядов, чем слышать эти слова и смех товарищей!..

- Шевелись ты, черт старый! - шипит Торба на Филиппа Афанасьевича, как только подполковник отходит. - Тоби следовало бы не добровольцем на фронт, а в колхозе баштан караулить!

- Скажу тебе, Осипов, прямо, - провожая последний эскадрон, говорил Доватор, - боевая готовность в полку чувствуется, но ты не понял нашей задачи. Мало того, ты не выполнил приказа командира дивизии. Выехал, как на торжественный парад, с кавалерийским форсом, а главное-то забыл: мы готовимся к рейду по тылам противника. Зачем ты выкатил тачанки? Я их видел у тебя в полку. А как пулеметы повезешь - сам не знаешь. У казаков в переметных сумах разное барахло: тряпки, бульба, огурцы. Котелки, стремена, шашки, кольца от недоуздков звенят, как шумовой оркестр. Овес получили, а кабурчаты наполовину пустые. Вьюки плохие. Или не знаешь, как вьючить? Я научу. Надо разъяснить людям, что мы не сегодня, так завтра получим приказ выступать, а у нас пулеметы на тачанках... Ну, что скажешь? Оправдывайся, если хочешь.

- Что тут оправдываться?.. - Осипов оторвал приставший к бурке репей. Он был огорчен результатом смотра.

- Твой полк снова будут поверять. Срок даю одни сутки, - проговорил Доватор.

Коноводы гуртом вели командирских лошадей. Впереди - Сергей. Доватор, кивнув Осипову, пошел навстречу своему коню.

ГЛАВА 9

Вечер. В шалаше майора Осипова светло и уютно. Коновод его, Кондратий Чугунов, где-то раздобыл самодельную лампу из консервной банки. Шалаш у Осипова просторный, по-своему даже комфортабельный. Кровать - на четырех ножках, вбитых в землю. На них положены три горбыля, спинками вниз, а сверху - мягкая, пышная перина из свежих еловых лапок. Матрац из плащ-палатки набит душистым сеном. Такое ложе Кондратий Чугунов готовит в течение двадцати минут. Если благоприятствует обстановка,

матрац застилается чистой простыней, появляется подушка. Одеяла не положено, а буркой Антона Петровича можно укрыть сразу трех человек.

Посредине шалаша - длинный стол, нехитрое, но капитальное сооружение саперов, за который свободно усаживаются двадцать - двадцать пять человек. Тут проводятся все командирские совещания. Свое жилье майор Осипов в шутку называет "салоном".

Сегодня в "салоне" тесновато и жарко. Пахнет пережженным бензином, конским потом, запах которого принесли с собой командиры в бурках, душистым табачком, и сильно и крепко пахнет духами.

Командный состав собран для разбора итогов поверки боевой готовности.

Почувствовав запах духов, Осипов спрашивает:

- Кто это нафиксатуарился? Духи "Камелия". По запаху чувствую...

- Известно кто: Хафиз и Полещук, - отвечает Чалдонов, командир пулеметного эскадрона.

- Ах, они ж из госпиталя! И Полещук здесь?

- Здесь, товарищ майор, - приподнимаясь, отвечает Полещук.

- Ничего, сиди... - Осипов достает из кармана какое-то письмо, смотрит на него и прячет обратно. Полещук догадывается, что это то самое письмо, которое он привез майору на днях из-под Москвы. Осипов знал Полещука до войны по кавалерийской школе, где он был начальником, а Полещук - курсантом. Там же учился и башкир Хафиз Биктяшев. Из кавшколы они вместе попали на фронт, в первых же боях были ранены, лежали в госпитале, в котором работает сестра майора Осипова.

Биктяшев и Полещук были командирами эскадронов. Они крепко сдружились, но при людях часто задирали друг друга.

- Биктяшеву и Полещуку воевать, наверное, не хочется? - усмехнувшись, говорит Осипов. - Шутка сказать - целый месяц нежились...

- Наоборот, товарищ майор, - надоело, - отвечает Хафиз.

- Точно, - громко и певуче откликается Полещук.

- Точно? - переспрашивает Осипов, насмешливо глянув на Полещука. - А ведь самому не хотелось ехать, уж признавайся!

- Это почему же, товарищ майор? - обиженным голосом спрашивает Полещук.

- Кто же с охотой от молодой жены воевать поедет?

Среди командиров пробежал смешок.

- Да он же холостой, товарищ майор! - выкрикнул кто-то.

- От какой жены? - бормочет Полещук. - Да что вы...

- Ты, никак, отпираешься? - удивленно спрашивает Осипов, не спуская с Полещука глаз. - Я ведь не шучу. Я знаю все. - Он снова достает из кармана письмо. - Если ты обманул девушку, грош тебе цена!

- Да я ничего... - начинает Полещук.

- Как ничего? Жениться обещал или нет? Говори. Только не юли.

- Обещал... Ну и выполню! - Полещук отворачивается и торопливо закуривает.

- Ты мне голову не морочь. Аттестат оставил или нет?

- Нет, товарищ майор, - виновато отвечает Полещук.

- А чего же аттестат не выписал?

- Да мы забыли и подумать об этом...

- Не подумал, а может, у тебя сын родится. Жене с ребенком - как жить? Ох, Полещук, не ошибаюсь ли я в тебе?

- Товарищ майор!.. - с болью в голосе крикнул Полещук.

- Ладно. Сегодня же скажи начфину - пусть аттестат выпишет. Вот и все... А теперь кончай курить и слушай приказ. Начальник штаба!

- Я вас слушаю! - Высокий худощавый капитан Почибут подошел к столу.

- Запишите командиру пулеметного эскадрона старшему лейтенанту Чалдонову восемь суток домашнего ареста с вычетом пятидесяти процентов из денежного содержания.

Чалдонов теребит руками смоляной чуб, поглядывая на начальника штаба полка, записывающего приказ Осипова.

- "Командиру пулеметного эскадрона старшему лейтенанту Чалдонову завтра завьючить 10 станковых пулеметов и весь боекомплект патронов. О готовности доложить мне в 14.00..." Предупреждаю, Чалдонов, если выкинешь еще такой фокус, вроде сегодняшнего, отдам под суд!.. Вместо вьюков самовольно на тачанках выехал!

- Товарищ майор, разрешите? - Чалдонов приподнялся, похлопывая по краю стола кисточкой темляка.

- Не разрешаю! - жестко проговорил Осипов. - Всем командирам эскадронов завтра в шесть ноль-ноль привести к штабу полка по одной лошади с полным вьюком. Выложим образцовый вьюк, по которому и будем делать всю вьючку. Товарищ капитан Почибут!

- Я вас слушаю.

- Начальника химслужбы включить в список оперативных дежурных. Парень он хороший, отлично свое дело знает, но его надо приучить немного к строевой службе. А то у него бойцы

вместо боеприпасов в переметные сумы картошку да бураки наложили. Начхим, как дачник, я вижу, все ходит с книгой под мышкой, вроде как не на войну приехал, а на курорт.

Совсем молоденький лейтенант сидел на самом конце стола. Когда командир полка заговорил о нем, он стал ерзать на скамейке, по-девичьи улыбаясь и краснея.

- Рогозин, ты стихи не пишешь? - неожиданно спросил Осипов.

Все рассмеялись. Лейтенант еще больше сконфузился, но, быстро овладев собой, весело ответил:

- Нет, товарищ майор!

- Врешь, милый, пишешь!.. Ладно, о стихах после поговорим... Штабным командирам, в том числе и начхиму, ежедневно по три часа в день изучать рацию, работать на прием и передачу, привыкнуть к кодовому разговору. Вот и все. Командиру пулеметного эскадрона разрешаю дать объяснение в течение двух минут.

- Товарищ майор! - Чалдонов заговорил сбивчиво, горячо. - Как же мы в тыл без тачанок? Ну что там - вьюки!.. Я, товарищ майор, ручаюсь, что на своих конях тачанки протащу где хотите! Разрешите, товарищ майор, взять тачанки?

- Чтобы в болоте где-нибудь бросить?

- А зачем лезть в болото? Что там, дорог, что ли, нет? Дайте приказ Чалдонову: во столько-то ноль-ноль быть в районе высоты 250,3. Баста! Чалдонов будет там, как часы.

- Не чуди, Чалдонов, - хмуро возразил Осипов. - В тылу врага - это тебе не на маневрах. Пустой разговор.

- Да не пустой, товарищ майор! - не унимался Чалдонов. - Гарнизон немецкий? Хай гарнизон!.. Я ночью по любой дороге проеду куда угодно. А если хотите, на полном галопе прямо по гарнизону пролечу!..

Чалдонов был искренне убежден, что его не понимают и недооценивают его любимые тачанки. Из своих двадцати восьми лет он восемь прослужил в армии - в коннице, на пулеметной тачанке. В шутку его называли "пулеметный бог", и он гордился этим. "Дайте мне десять ящиков патронов, - говорил он, - один ящик консервов, бочонок воды, подходящее укрытие и атакуйте меня батальоном. Ха! Я вам покажу, что такое станковый пулемет..."

- Чалдонов, хватит, - строго перебил его Осипов. - Приказ получил? Изволь выполнить. В тыл пойдем, там и посмотрим, кто что умеет делать.

Командиры разошлись. В шалаше остались Осипов и капитан Почибут. Осипов встал из-за стола, прошелся по шалашу из угла в

угол.

- Со скипидаром парень-то! - остановившись против Почибута, сказал Осипов.

- Молод. Горяч... А командир неплохой...

- Что значит - неплохой? Если не выполнил приказа - уже плохой! - И, не глядя на капитана, продолжал: - Мне нужен начальник штаба, а не покровитель...

- У него вьюки были. Я сам поверял. Упорствовал он все время, это верно, но вьюки готовил. А почему на поверку выехал на тачанках, понятия не имею! - Почибут поднял горбом лежащую на столе газету. Под ней оказался котелок с супом.

- Э-э!.. Совсем, наверно, перестоял мой суп, - заглядывая в котелок, с сожалением сказал Осипов. - Сегодня, после поверки, я к батарейцам заглянул - как раз обед раздают. "Ну, как обед?" - спрашиваю. "Мировой!" отвечает старшина. Взял у бойца котелок, попробовал: подходящий обед. Повар расцвел. "Хотите, товарищ майор, пришлю котелочек?" - "Ладно, говорю, - присылай". Шельма повар, наверно, другого прислал. - Осипов пошел в угол, принес ложку, отхлебнул. - Нет, тот самый. Однажды к нам на маневры Доватор приехал... "Воевали" мы до самого вечера. Прямо с капе Доватор идет в лагерную столовую. Бойцы как раз приступают к обеду. Мы тоже изрядно проголодались. Доватору стол накрыли в отдельной комнате. Вот подходит он к одному бойцу и говорит: "Пойдем со мной". Тот идет. Доватор приводит его в комнату и приказывает: "Садитесь, сейчас вам кушать принесут". Боец растерялся, но садится. Доватор ушел. Приносят обед. "А ты как сюда попал?" - спрашивает бойца дежурный. "Мне приказано тут обедать", - отвечает боец. "Кто тебе приказал?" - "Приезжий начальник, вот кто. Обед давайте, а то мне в караул". Дежурный побежал спрашивать - оказалось, верно. Доватор тем временем сел на место бойца и съел его порцию. Приходит в комнату, где обедает боец, спрашивает: "Накушался?" - "Дышать не могу, отвечает боец. - А вы как, товарищ начальник?" - "Я тоже пообедал". И случилось так, что обед в тот день был неважный, и Доватор не наелся. Вызвал кого нужно и такой дал нагоняй, что и забыть трудно. Вот и меня сегодня так поскоблил, что стыдно...

Почибут встал. Попрощавшись с майором, вышел из шалаша. Осипов остался один. Он уселся за стол и, подперев голову руками, задумался об истекшем дне.

Готовясь вывести полк на поверку боевой готовности, он был уверен, что все будет в порядке. Однако получилось не так... События дня легли на сердце тяжелым камнем. Ко всему этому еще прибавилось письмо сестры, привезенное Полещуком. Сестра писала, что от его семьи нет никаких известий, что город, в

котором они жили, занят фашистами.

Перед отъездом на фронт Осипову удалось забежать домой на несколько часов. Жена была взволнована предстоящей эвакуацией, возможностью бомбежки.

- Антон, - спросила она, - неужели к нам могут прийти фашисты?

Он почувствовал тревогу в ее голосе. Неопределенно пожал плечами и ничего не ответил.

- А не можешь ли ты попросить у командования отпуск? - осторожно начала она. - Хоть бы дней на пяток... Отвез бы нас к сестре... Неизвестно, когда тебе на фронт...

Его мгновенно охватило раздражение, которое он не захотел скрыть.

- Нет, я не могу взять отпуск, потому что завтра еду на фронт, сказал он торопливо и резко. - А ты уже испугалась?

- А почему бы мне и не бояться? Ты чего сердишься?..

- По-твоему, выходит, что фашисты могут подождать, пока майор Осипов отвезет выводок свой в Москву, а потом уже воевать поедет...

- Но ведь я-то не знала, что ты уже завтра...

Он понял, что обидел ее.

- Ну что ж, забирай ребят, садись в поезд и кати к Ольге в Тарасовку. Насчет билетов я позвоню коменданту...

- А вещи?

- Вещи? Здесь оставить.

- Как оставить? Нет, этого я не могу!

- Ты что же думаешь, тебе вагон подадут? Сейчас людей надо перевозить и снаряды.

- Фу... ты прав, Антоша! Я действительно с ума схожу...

Он взглянул на жену. Она тоже смотрела на него. В ее умных и строгих глазах он увидел скрытые слезы. Так стояла она, эта веселая украинка, красивая, гордая, примиренная и утихшая теперь... У него дрогнуло сердце. Он подошел к ней и сказал:

- Нет, ты все-таки чудная женщина!

- Как это: чудная или чудная - ты хочешь сказать? - через силу улыбаясь, спросила она.

- Замечательная жена, я хотел сказать, - ответил он гордо и даже несколько восторженно. Вдруг он услышал шорох и повернул голову к двери. Дверь медленно и бесшумно открывалась. Варька, дочка, скользнула в комнату. Прикрывая дверь, она всегда слегка толкает ее задом, это у нее получается непроизвольно и очень потешно. Ей уже девятый год.

По взволнованным лицам родителей она поняла, что произошло что-то важное. Обидчиво скривив губы, пропела:

- Дочь забыли, да-а?

- Озорница и шишига! - сказал отец, улыбаясь, и пошел к ней навстречу.

- Очень хорошо вам тут одним, очень, да? - говорила Варька. Прыгнула, повисла у отца на шее. - У-у-у, папастый, майор колючий... Папа, почему ты на войну не уезжаешь? У всех, у всех уходят, прямо ужасно...

- А что ужасно-то?

- Война. Там же убивают...

- Ну, положим, не всех убивают...

- Зачем ты это говоришь? - вмешивается мать. - Тебе об этом вовсе и не нужно говорить...

- А теперь все говорят про войну, - отвечает Варька. - Ой, какая ты, мама! Интересно, потому что... Вот наш город скоро бомбить будут. А я ни капельки не боюсь. Вот Витька боится, он даже автомобилев боится...

- Автомобилей, - поправляет мать.

- А почему Витьку не привезли? - спрашивает Осипов тревожно. Значит, я его не увижу?

Он остро чувствует: дома кого-то не хватает. Некому сказать: "Папа, давай побьемся - яс, яс!" Витьке четыре года - самый забавный возраст.

- Да я ведь не думала, что ты так скоро... Решила: пусть поживет у бабушки. Тут сутолока такая, - точно оправдываясь, говорит мать.

- Слушай, Варька, давай патефон заведем, а мать бутылку вина поставит - и кутнем.

- Вот здорово! - Варька, надув губы, кричит: - Кутне-е-е-ем!

- И правда, - подхватывает мать, - я тоже выпью. Да ведь мне вас обедом надо кормить. Все в голове перепуталось. Девять часов, а про обед забыла...

Обедали, ужинали - все вместе. Чокались, смеялись. Забывали вовремя остановить патефон, и он трещал, шипел, точно сердился на невнимательных хозяев.

Превеселый был последний вечер. Варьку насилу спать отослали.

Остались вдвоем, решили: детей немедленно вывезти под Москву. Это было 27 июня 1941 года... С тех пор майор Осипов не получил из дому ни одного письма. Что случилось?..

Осипов встал, прошелся по шалашу. Накинул на плечи бурку, снова присел за стол. Открыл портсигар. В эту ночь он долго сидел с папиросой в руках, даже забыв закурить ее...

ГЛАВА 10

Несколько дней назад Доватор послал в инспекцию конницы

письмо, на которое с нетерпением ждал ответа. Побывав на узле связи, Доватор решил навестить Гордиенкова. Он вышел на улицу, прошел через картофельное поле, обогнул кусты около речушки и направился к лесу. В конце деревни, на большаке, стояла легковая машина, а рядом с ней - командир в бурке. По кубанке Доватор издали узнал подполковника Холостякова.

Когда машина скрылась за пригорком, Холостяков подошел к Доватору. Оказалось, приезжал генерал-майор, начальник штаба армии, с которым Доватор был хорошо знаком. Лев Михайлович удивился, что генерал не заехал к нему.

В душе накипала досада. Доватор искоса взглянул на Холостякова, и ему показалось, что у того оскорбительно веселый вид.

- Я считаю необходимым уведомить вас, что передал генералу рапорт. Холостяков, скрипнув под буркой ремнями, достал из кармана платок, вытер лицо и продолжал: - Мне бы хотелось...

- Мне бы вот сейчас хотелось оперу послушать - "Евгения Онегина", перебил Доватор.

- Почему вы меня не откомандируете? - спросил Холостяков.

Этот разговор он заводил уже не в первый раз. По приказанию свыше Холостяков оставался в распоряжении Доватора, но должности тот ему не давал. На все командирские совещания Доватор приглашал Холостякова персональным распоряжением. Холостяков нервничал, волновался. Случайная встреча с генералом тоже не была утешительной.

- Почему вы не сработались с Доватором? - принимая рапорт, спросил генерал.

- У него характер невозможный.

- Конкретней.

- Молод и горяч, стремление к партизанщине. Вчерашний политрук, не нюхавший пороха, вообразивший себя Суворовым. Дьявольское честолюбие, дьявольская энергия, никакого опыта и в смысле теории - полный туман. Я не трус, вы меня по Финляндии знаете, я готов на любой осмысленный риск, но лезть в петлю так, за здорово живешь - слуга покорный!

- Такие вопросы не решаются на большаке, - сухо отрезал генерал и поднял руку к фуражке. Потом, тронув за плечо шофера, добавил: - Посмотрим ваш рапорт...

- Зачем мне вас откомандировывать? - проговорил Доватор, усилием воли подавляя закипавший гнев. - Рапорт подали - ждите!

Доватор круто повернулся и пошел назад, в деревню.

"Бежать хочешь, рейда боишься! - хотелось крикнуть ему. - А щегольскую кубанку носишь, укрываешь под буркой трусливую

душу!.. Все равно потащу тебя в тыл, заставлю поверить, что русский человек ничего не боится на свете... Что он говорил генералу - вот что хотелось бы знать, что написал в рапорте?.. Нажаловался? Ну, черт с ним!"

Придя в квартиру, тотчас же взялся за трубку полевого телефона.

- "Орел"? Соедини с "Оршей"... "Орша"? Как чувствует себя лейтенант Гордиенков? Поправляется? Ну, добре! - Положил трубку, прошелся из угла в угол. Опять за телефон. - Карпенков? Есть что-нибудь новое? Почта пришла? Нет? - Бросил трубку да так и остался сидеть неподвижно. Над бровями сошлись резкие морщины. "Генерал не заехал. Сколько же еще сидеть сложа руки?"

В сенцах раздались шаги, кто-то постучал.

- Войдите! - крикнул Доватор. - Кто там?

Медленно открылась дверь, показалась голова Торбы.

- Это я, товарищ полковник...

- Вижу. Здравствуй! - Доватор снял кубанку и положил на стол.

- Мы, товарищ полковник, зараз на опушке траву косили и яких-то неизвестных граждан задержали.

- Кто они? Колхозники? Беженцы?

- Да нет. Як бы сказать... Ни то, ни другое. Один говорит, що вин подполковник, а другой - лейтенант! - сдерживая усмешку, ответил Торба.

- Подполковник? - с удивлением спросил Доватор.

- Да не-ет. Який там подполковник! - Торба махнул рукой, потом, положив на грудь ладонь ребром, продолжал: - Борода - во! Лапсердак рваный. Папаха козлячья, або дворняжка была загублена. Говорит, шо вин був в окружении, зараз идет к своим, но документов казать не хочет. "Веди, говорит, - до генерала". Ну, я и привел до вас.

- Приведи его сюда, - сказал Доватор и, немного подумав, добавил: - А кто я такой - не говори. Ясно?

- Есть! Я зараз. Они тут, на базу...

Когда Торба вышел, Доватор накинул на шею башлык и прикрыл им знаки различия. Едва успел глянуть в висевшее на стене зеркало, как Торба ввел задержанного. Это был действительно странный по виду человек. Он был грязен, оброс густой черной бородой, на нем была сермяга, заплатанная разноцветными кусками материи. Он радостно улыбался.

- Мы выходим из окружения... Разрешите представиться: подполковник Плотвин. Со мной адъютант - лейтенант Соколов.

- Очень рад, - сухо проговорил Доватор. - Но я полагаю, что

вы уже вышли из окружения.

- Ну конечно! Сколько пришлось перетерпеть! Разрешите узнать, с кем я разговариваю?

- Я командир этой части, - ответил Доватор и тут же спросил: - Давно с той стороны?

- Сегодня ночью. Нет ли у вас закурить?

Плотвин говорил быстро, взволнованно. Он всем существом своим ощущал, что опасность теперь позади, что жизнь его с ним. Он был в привычной армейской среде.

- Мы так осторожно шли болотом, что даже не заметили, как прошли передовые части, - с наслаждением затягиваясь дымом папиросы, которую ему дал Доватор, продолжал Плотвин. - Я прошу отправить меня в штаб, что ли? Кто здесь начальник гарнизона?

- Полковник Доватор... - Лев Михайлович понимал, что переживает сейчас этот человек, но в то же время думал: "Неужели при неудаче в тылу я вот так же возьму адъютанта, брошу остальных людей, буду так же пробираться к своим?.. Позор!" - хотелось крикнуть ему. Он приказал Торбе удалиться. В первую очередь он решил узнать из уст Плотвина, что делается в тылу у немцев.

- Так я прошу вас направить меня хотя бы к полковнику Доватору. Я ведь...

- Успеете, - перебил Доватор и потребовал документы.

- Вот мои документы, пожалуйста, - обиженно проговорил Плотвин, протягивая удостоверение личности.

Доватор быстро взглянул на Плотвина, в упор спросил:

- А как же другие люди, которые с вами были?

Плотвин уловил в его вопросе ноту возмущения, вспыхнул, но тут же, оправившись, в свою очередь спросил тоном бывалого, видавшего виды человека:

- А вы можете вообразить себе, что там произошло, когда нас окружили?

- Да уж попробую вообразить...

- Наша часть оказалась в окружении. Маневренность механизированных частей позволяет противнику в быстром темпе увеличивать силу нападения. Обходя наши обороняющиеся части, противник отсекает их...

- Возможно, будет отсекать и армиями, если будем скверно драться...

- Бомбежка чудовищная! Артиллерийский огонь, минометы - слошной раскаленный металл. Что-то жуткое творилось!.. Вы же человек военный, должны понимать, что такое окружение! - Плотвин пожал плечами и взял еще одну папиросу.

- А вот полковник Доватор намерен действовать конницей в немецких тылах, что вы на это скажете?

- Кавалерия в тылу у противника? Против танков, пикирующих бомбардировщиков? Да вы что, шутите?

- Полковник Доватор любит пошутить, но бить фашистов собирается всерьез.

- Не могу судить, в какой мере обладает юмором ваш полковник, но то, что он хочет сделать, - абсурд!

Доватор поморщился, но вдруг лицо его озарилось скрытой улыбкой. Взглянув исподлобья на Плотвина, переспросил:

- Абсурд?

- Отведите меня к нему! Стоит поговорить! Я ему расскажу обстановку. Он еще, видимо, не воевал?

- Да, совсем недавно приехал. В резерве Западного фронта околачивался...

- Все ясно! - воскликнул Плотвин. Он становился все развязней и самоуверенней. - Пусть понюхает пороху, тогда по-другому запоет!

- Расскажите, как немцы ведут бой в лесу. Вам не приходилось участвовать? - спросил Доватор.

- Как не приходилось? Немцы в лес не лезут. Больше всего придерживаются магистральной тактики. Клинья, клинья! А лес блокируют и окружают. - Он помолчал. - Вы меня извините, я не знаю вашего звания. Направьте меня к более официальному лицу... Там уж я...

- Любой командир, выполняющий боевой приказ, является для вас лицом официальным.

- Смотря какой командир...

- Извольте отвечать, о чем вас спрашивают!

- Извольте на меня не кричать! Я имею звание подполковника, об этом, кажется, свидетельствуют мои документы! - Плотвин встал.

- Документы подтверждают личность подполковника Плотвина в прошлом, гневно сказал Доватор. - А этот балахон говорит совсем о другом.

- Тогда нам не о чем с вами говорить. Направьте меня к полковнику Доватору. - Плотвин порывисто сел, машинально протянул было руку за папиросой, но, увидев сердитое лицо Доватора, отдернул руку.

В дверь постучали.

- Войдите! - крикнул Доватор. В комнату вошел Наумов. - Заберите оружие у этого гражданина.

- Я оружие не отдам! - Плотвин побледнел.

- Сдайте ваше оружие! - глухо, с хрипотой в голосе сказал

Доватор.

Плотвин дрожащими руками достал из-под своего балахона пистолет и протянул его Наумову. Наумов, забрав пистолет, вышел.

Доватор молча наблюдал за Плотвиным. Потом прошелся по комнате, сел за стол и, развертывая карту, жестко сказал:

- Скажите, в тех местах, где вы проходили, во всех деревнях немцы?

- В некоторых их совсем не было. В особенности в лесных деревушках, сухо отвечал Плотвин.

Доватор задавал вопросы, записывал ответы, делал отметки на карте. Он расспрашивал, где сосредоточивает противник армейские резервы, тыловые базы снабжения, штабы, на каком расстоянии от переднего края, какова система караулов, каково движение по большакам, много ли нашего народа скрывается в лесах.

- Много, - ответил Плотвин. - Очень много...

- Вот поэтому и надо идти в тыл! Выручать надо наш народ, помочь организоваться, - заключил Доватор. - А вы говорите: "Конница - абсурд".

- Я и теперь это подтверждаю, товарищ разведчик! - Плотвин после допроса, учиненного Доватором, думал, что имеет дело с командиром-разведчиком.

- Эх вы, стратег! - хлопнув ладонью по карте, крикнул Доватор. "Маневренность мехчастей"!.. Слыхал эту песню! "Авиация, танки! Адская мышеловка..." Скажите, напугались окружения больше, чем немецкой техники, потеряли управление людьми. Подполковник надел скоморошеское тряпье. Прихватил адъютанта и - несите меня, ноженьки... Где остальные люди? В лесу всем погибнуть невозможно! Почему немцы в лес не идут? Потому, что боятся партизанской войны, как волк охотничьих флажков. В лесную зону немцев надо дрючком гнать. Почему не создали партизанского отряда из бойцов и командиров? Вы, русский офицер!

- Значит, нельзя было... - обескураженно оправдывался Плотвин.

- Неправда! Мне известно, что в тылу врага созданы партизанские отряды. Весь русский народ взялся за оружие! Ленинградские рабочие ветераны Красной гвардии - каски надели. Десять часов у станка стоят, десять в траншеях у пулеметов. Мне хочется спросить вас, - продолжал Доватор со страстным внутренним напряжением, - чему нас с вами двадцать четыре года учила наша жизнь? Амбиции? Мелкому самолюбию? Кто на вас надел мундир воина - советского офицера? Вы

говорите о достоинстве звания подполковника? Честь мундира! - Доватор вплотную подошел к Плотвину и ткнул пальцем в его балахон.

Плотвин сидел побледневший, ошеломленный.

- Я вас очень прошу направить меня к полковнику Доватору. А в общем, как хотите...

Доватор прищурил глаза, подумал немного и сказал:

- Нет, к нему вас направить нельзя!

- Почему?

- Он немедленно расстреляет вас, - ответил Доватор. - Да, да, продолжал он, - спросит: "Почему ты жив? Где остальные люди?" - и шлепнет. Тем более за такие рассуждения.

Плотвин, не зная, что ответить, потер рукой лоб, тряхнул головой.

- Все равно - ведите!

Доватор не спускал с него глаз. Лицо его тронула присущая ему открытая улыбка. Он позвал адъютанта.

- Надо товарищей накормить, - приказал он вошедшему Наумову, - и направить в штаб армии. Я командарму напишу. Да выдайте им обмундирование, хотя бы красноармейское, что ли. Ну и побриться все-таки надо...

- Я вас очень благодарю, товарищ командир! - Плотвин приподнял руку, хотел было козырнуть, но, вспомнив о своей одежде, опустил ее. Лицо его передернулось.

- Не стоит благодарности. Когда-нибудь встретимся - водкой угостите...

И тут Плотвин не выдержал. Охватив руками крупную, тронутую сединой голову, он зарыдал.

- На войне, подполковник, нянек-то нету... - глядя на него, тихо произнес Доватор.

Когда Плотвин ушел, Доватор сел за стол. Он долго писал. Потом запечатал написанное в конверт, вызвал Наумова и приказал отправить пакет с подполковником Плотвиным в штаб армии.

На окраине села торопливо загрохотали зенитки. Из окна были видны белые облачка разрывов, а между ними, на большой высоте, в голубом небе хищной белесой рыбой плавал вражеский разведчик...

ГЛАВА 11

- Коней оставь здесь, Сергей!.. Смотри, как хорошо! - Доватор жестом показывает на опушку леса. Спрыгнув с коня, он медленно идет по узенькой тропинке, теряющейся в зарослях. Он идет, раздвигая кусты, - молодой, веселый. Насвистывает. На его лице довольная, чуть озорная усмешка. Он весел: приказ, боевой

приказ - прорвать фронт и углубиться в тыл врага лежит в полевой сумке.

Доватор выходит на обрывистый край глубокого оврага. Внизу в багрянце вечерней зари - мелколесье, а дальше темнеют узорчатыми уступами леса, леса, леса... Широко, в полнеба, недвижным тихим пламенем горит заря. Елочки, седой камень-горюн, гроздья малины, древние могучие пни - все русское, свое, родное; так и кажется: вот-вот выскочит из бурелома Иван-царевич на сером волке...

За кустами все явственнее и громче слышен гул голосов. Командный состав дивизий ждет полковника на опушке леса.

Доватор останавливается на краю обрыва, смотрит вдаль - на леса, на зарю. Снимает кубанку. Лицо его становится спокойным, торжественным. Что он должен сказать командирам, собравшимся на опушке леса? Он их поведет на подвиг, может быть на смерть... Вот он стоит перед ними. Тишина. Слышен только его голос. Доватор говорит молодо, горячо, со страстной убежденностью:

- В какие условия мы попадем, в каких условиях придется нам драться, я не знаю, и никто не знает, потому что такого рейда в эту войну еще не было. Решения будем принимать на месте, смотря по обстановке, но убежден, что на русской земле, в русских лесах - хозяева мы. Сейчас ясно пока одно: мы первые переходим в наступление, берем курс на запад. Великий в этом смысл и великая нам выпала честь - олицетворять сегодня собою всю нашу Родину, весь Советский Союз, его славу, мощь и непобедимость... За нами Москва, за нами - наша страна, ее история, ее будущее. Народ нам дал в руки оружие. Мы должны победить, обязаны победить! Немцы должны навсегда запомнить, что от нас безнаказанно не уйдут. Мы заставим их вспомнить восемнадцатый год! Я говорю не только о военном, но главным образом о политическом значении нашего рейда. Каждый наш удачный выстрел в немецком тылу будет надламывать волю врага, вселять ужас в его сердце. И когда вся Советская Армия лавиной пойдет на запад, о нас вспомнят, потому что мы были первыми!..

Разъезжались командиры. Долго не умолкали в тишине вечера кавалерийские песни. Ветер далеко разносил их, покачивал верхушки берез. Тихо качались ветви, роняли первые желтые листья.

В густых молоденьких елях спряталась длинноствольная зенитная пушка. Задрав хобот, она точно прислушивалась вместе с зенитчиком к удаляющейся песне...

Гордиенков, опираясь на костыль, идет по широкой лесной

просеке. Рядом - военфельдшер Нина.

Вечер. Умолкли птицы, грибы и ягоды спрятались в траве. Комары и жуки стонут, гудят. А пушки замолчали... Плывет в воздухе запах грибов, спелой малины, вянущих листьев.

- Нина, не набрать ли нам грибов? - спрашивает Алексей.

- Да они уже все спрятались... Хочешь малины?

- Можно и малины.

Остановились. Алексей, прижимая под мышкой костыль, берет из котелка горсть малины. Нина кидает в рот по одной ягодке. Маленькая, с тонкими бровями, она среди молодых елей и берез похожа на девочку-подростка. Алексей выздоравливает, поэтому он беззаботен и юношески счастлив. Это его первая прогулка после ранения. Грудь дышит свободно, все тело налито здоровьем, по его смуглому лицу незаметно, что он недавно потерял много крови.

- Ты не устал? - спрашивает Нина. Губы ее выпачканы малиновым соком. Нижняя губа забавно, по-детски оттопырилась - в такую минуту любящей матери всегда хочется поцеловать ребенка.

О нет! Алексей не устал. Он чувствует себя в эту минуту сильнее, чем когда-либо; что угодно может он сейчас сделать, даже вырвать с корнем вот эту стройную березку...

- Нина, знаешь что?

- Что?

Они смотрят друг на друга, и почему-то им становится неловко.

- На Кубани сейчас арбузов... тьма! - быстро говорит Алексей и бросает в кусты горсть малины.

- Ты чего бросаешь?

- А?.. Ничего... зеленая...

- Ну уж, извини! Я ни одной зеленой не брала!.. - Нина встряхнула котелок и, склонившись, заглянула в него. - Малина крупная, спелая... Не получишь больше ни одной ягодки! Сам рви... Слушай, Алексей, у полковника Доватора дети есть?

- Двое. Мальчик и девочка. Что это тебе на ум пришло?

- Он, наверное, очень любит детей. Я вчера на речушке малину собирала. Слышу - ребятишки визжат, хохочут. Смотрю - в прятки играют с нашим полковником. Он прячется за куст и кричит: "Пора!" Они его ищут, а он перебежит за другой куст - они и не могут его найти. "Никудышные вы разведчики", - говорит и учит ребят, как искать... Потом на лошади катал.

- Это я знаю... Он от своих ребятишек дома в сундук прятался. Они ищут, ищут - вдруг крышка открывается, а он сидит в сундуке!

- Я тоже очень люблю детей, - тихо сказала Нина. - Кончится война нарожаю целую кучу...

- Меня в няньки возьмешь?

- А ты их лупить не будешь?

- Как сказать. Если станут озорничать...

- Ага! Ты, значит, маленьких бить? - Нина сломала ветку березы, хлестнула шутя Алексея. - Вот тебе, вот!.. Не бей маленьких!..

Нина бросила ветку, поставила на землю котелок, схватила костыль, сунула Алексею под мышку, потом взяла его за уши, притянула голову и поцеловала. Вдруг рванулась в сторону, мгновенно исчезла в кустах. В нескольких шагах она увидела Доватора верхом на коне.

Алексей растерянно поднес руку к кубанке. Ему сразу стало жарко, кровь прилила к щекам.

- Да уж не козыряй... ладно, - сказал Доватор и ласково потрепал коня по холке.

Возвращаясь с собрания командиров, Доватор ехал по просеке, услышал девичий голос, смех, круто повернул коня и увидел Нину с Гордиенковым. Словно теплый ветерок пахнул ему в лицо и погладил по щеке. И ему захотелось подъехать к ним, взять Алексея за чуб, Нину за густые кудряшки и столкнуть их лбами.

- Тут, кажется, еще кто-то был? - спросил он Алексея.

Коновод Сергей хихикнул. Доватор строго посмотрел на него.

- Да... Медсестра Нина, товарищ Селезнева, - ответил Гордиенков.

- Товарищ Селезнева, что вы там делаете? - крикнул Доватор.

- Ягоды собираю-ю-у!

- Идите сюда. Больному дурно!

- Да нет, я ничего, - бормочет Гордиенков.

Из кустов выходит Нина. С невинным видом она ест из горсточки малину. Гордиенков опускает голову и ковыляет на костылях в кусты.

Доватор видит это бегство, молчит, улыбается.

- Не скучаете?

- В лесу не скучно. Раненых нет, зато малины!..

- Скоро будут, - хмуро говорит Доватор. - И раненые будут, и убитые... - Спохватившись, резко меняет тон. Доверительно, вполголоса спрашивает: - Скажите, это вы лейтенанта с ума свели или он сам?

- Ей-богу, сам, товарищ полковник! Честное слово! Я ему говорю: не время и не место...

- Ну, есть, положим, вещи, которые всегда и во всякое время

на месте... - Доватор умолкает, хмурится. - Всех больных и раненых, в том числе и его, - Доватор кивает в кусты, куда ушел Алексей, - приготовить для эвакуации в тыловой госпиталь.

- Я, товарищ полковник, в тыловой госпиталь не поеду, - раздается из кустов голос Алексея.

Доватор поворачивает голову.

- Ах, ты здесь? Во-первых, подслушивать стыдно, а во-вторых, не следует забывать, что ты на войне!.. - Посмотрел по сторонам, тронул шпорами коня и послал вдоль просеки.

Нина стояла как каменная. Когда Алексей вышел из кустов и поцеловал ее, она не отстранилась, только потихоньку заплакала вытирая глаза кулачком, испачканным ягодным соком... В сумерках тревожно ныли комары. На западе опять послышались глухие удары, точно кто-то деревянной бабой забивал сваи.

Рано утром Доватор выехал в полки для поверки вьюков станковых пулеметов. В полку майора Осипова пулеметный эскадрон приготовил двадцать вьюков: десять с "максимами", десять с боеприпасами.

Пулеметчики - все рослые, крепкие, с огрубевшей от ветра и солнца кожей. Люди с колхозных полей Кубани, Терека, из заводских цехов, сильные и мускулистые, под стать своему командиру старшему лейтенанту Чалдонову. Вот он, бровастый, смуглый, из-под кубанки вырываются иссиня-черные кудри, нос с кавказской горбинкой, - красив. Как-то раз, в мирное время, свою невесту он встречал на вокзале с тачанкой, запряженной четверкой коней, украшенных малиновыми башлыками и живыми цветами. В лагерь провез ее по центральной улице города на полном галопе. Получил за это несколько суток ареста, зато проехал с шиком!..

Пулеметчики у него работают с быстротой корабельных матросов. За пять минут "максимку" перекатывают с вьюка на боевую позицию. Но он все-таки недоволен вьюками - хочется ему взять в рейд тачанки, и шабаш! Он намеревается обратиться к Доватору, но Осипов неотступно следит за ним, многозначительно трет ладонью подбородок и сжимает пальцы в кулак.

Доватор похвалил подготовку вьюков. Когда возвращались из лагеря пулеметчиков, Лев Михайлович спросил Осипова:

- Шибко горячий у тебя командир пулеметов?

- Есть маленько...

- А не остынет?

- Не думаю.

- Это хорошо. Только с такими людьми надо умело обращаться: когда погасить огонек, а когда и разжечь. Они тогда

самого главного черта взнуздают и верхом поедут.

- У меня жена была тоже кипучая, а дети пошли - совсем другой стала. Да вот и Легенда тоже...

- К любому вопросу ты лошадей приплетаешь! Вот неисправимый человек! - перебил его Доватор. - Кстати, о твоей Легенде. Слишком она у тебя нервна, да и перекормлена, как петербургская фрейлина.

- Нервна? Она умница. Я ее сейчас обучаю одному номеру...

- Из пистолета, что ли, стрелять? - усмехнувшись, спросил Доватор.

- Нет. Я ее учу, чтобы она гитлеровцев грызла. Коновод мой, Кондрат, надевает немецкую шинель и начинает Легенду стегать, а я внушаю ей, чтоб она его зубами схватила, и сахару по кусочку даю. Теперь он уж боится надевать шинель: так цапнула за рукав, что пришлось хлопцу в санчасть сходить...

Лев Михайлович громко и весело захохотал.

Улыбался и Осипов.

- А Сокол твой быстро поправился.

- Как видишь, - ответил Лев Михайлович. Он вспомнил, как наутро после того дня, когда Сокол захромал, пришел Сергей и молча сел в угол, таинственно усмехаясь.

"Как Сокол?" - спросил его Доватор. "Ничего. Хромать перестал". "Как перестал?" - "Очень просто. Расковали - и все кончилось! - ответил Сергей и ворчливо продолжал: - Не было никакой заковки. Маленько туго подтянули подкову. Притворялся больше... Поднимет ногу и качает, как маятник... Всем голову морочил, притворщик!.."

"Не притворщик, а умница! - восторженно крикнул Доватор. - Ай да Сокол, ай да стратег! Не будете в другой раз туго подкову затягивать!.."

- А ты небось кузнецов строго наказал? - спросил Доватор Осипова, останавливаясь.

- Навел самое строгое следствие, - ответил Осипов. - Ковали мои протестуют. "Мы, - говорят, - зайца подкуем - и хромать не будет".

Доватор не вытерпел и, посмеиваясь, рассказал историю с Соколом.

- Я так и знал! Чтобы в моем полку...

- Эх, ты! - Доватор толкнул его плечом.

Осипов, запутавшись в широкополой бурке, повалился в борозду. Вскочил, налетел на Доватора, оба, хохоча, упали на усыпанную ромашками и кашкой межу. Кряхтели, барахтались, мяли друг друга.

Их окликнул офицер связи. Он протянул Доватору срочный

пакет. Доватор разорвал конверт, прочитал бумагу, свел брови, сдвинул папаху на затылок. Повернувшись к Осипову, сказал:

- Опять скучать будем да сухари грызть...

- А в чем дело?

- Воевать не дают, а мне не терпится. - Доватор стегнул по голенищу стеком. - Эх, ругаться мне хочется!..

В записке, которую привез офицер связи, генерал сообщал, что операция пока откладывается. Доватору было приказано срочно прибыть в штаб армии.

ГЛАВА 12

В оперативном отделе штаба армии на стене висит большая карта. На ней отмечена флажками неровная линия фронта.

Что должен чувствовать штабной командир, которому приказано передвигать после каждой оперативной сводки флажки на восток, с каждым днем укорачивать путь к Москве?!

Молодой, среднего роста генерал-лейтенант, командующий войсками армии, стоял перед картой. Широкое доброе русское лицо его было спокойно.

За столом сидел генерал-майор - постарше, седоватый, с усами, в очках, придававших ему "академический" вид. Это был тот самый генерал, который принял у Холостякова рапорт. Он спокойно пил чай.

Около командарма стоял подполковник Плотвин, тщательно выбритый, подтянутый.

- Вы утверждаете, что в этом районе большое скопление танков и пехоты противника? - показывая на карту, спросил Плотвина командарм.

Тот старался скрыть свое волнение, но это ему не удавалось. Он многое передумал за последние дни и по-новому взглянул на события, участником которых ему довелось быть. Обстановка обороняющейся армии, куда он теперь попал, совершенно не походила на ту обстановку, из которой он недавно выбрался. Он видел здесь спокойное, непоколебимое упорство, бурную деятельность. На смоленских полях вырастали железобетонные доты, артиллерийские капониры, траншеи, противотанковые рвы и крестообразные ряды металлических надолб. По дорогам, навстречу войне, вместе с резервными дивизиями шли десятки строительных батальонов, сформированных наполовину из женщин-добровольцев и подростков. Фашистские летчики кружились над их головами, засыпали пошлыми, издевательскими листовками: "Русские дамочки, бросьте копать ямочки", а потом, взбешенные великим упорством народа, снижались и на бреющем полете расстреливали их в упор...

Ежедневно к командарму приезжали на запыленных эмках и

мотоциклах генералы - командиры корпусов, полковники - командиры дивизий, порой командиры полков в звании лейтенантов, что больше всего поражало Плотвина. Они почтительно и мастерски козыряли, смело входили в штаб, развертывали перед генералом боевые карты, что-то доказывали, чего-то настойчиво просили...

Седоусый, "академический" начальник штаба армии разводил руками, хлопал себя по генеральским лампасам, азартно, с профессорской хрипотцой выкрикивал:

- А ведь вы это изумительно придумали! Вы знаете, что это значит, дорогой мой? Без вторых эшелонов батальоны меньше будут иметь потерь. На случай контратаки противника вы сохраняете резервы. Мы вот подсчитали: вторые эшелоны, не вступая фактически в бой, несут большие потери. Мы используем ваш тактический прием. Артиллерию ближе к боевым порядкам пехоты? - Генерал щурился, глядя на командарма, тер переносицу. - Ведь следует подумать, Иван Петрович?

- Нам следует с вами, Гордей Захарович, о многом подумать...

- У него есть хорошая мысль, - Гордей Захарович тыкал пальцем в сторону лейтенанта. - Есть инициатива, пытливость. Вам, голубчик, сколько лет?

- Двадцать пять, товарищ генерал.

- Маловато!.. Хотя Наполеон уже в двадцать пять генералом был. В академию надо, в академию...

- А все-таки старик Кутузов молодого Наполеона побил, - вставляет лейтенант.

- Так то ж Кутузов! - Гордей Захарович грозил молодому командиру пальцем и весело смеялся...

Плотвин докладывает генералам в течение трех часов. Он говорит только о том, что видел своими глазами. Он пробует анализировать обстановку, сложившуюся при окружении дивизии, но сам чувствует в своих словах какое-то внутреннее противоречие, фальшь, точно его кто-то обманул и он сам обманывает других. Он видит, что генералам все известно, что они считают его растерявшимся человеком и думают так же, как тот кавалерийский командир, с которым он недавно говорил. Но они расчетливо расходуют свою энергию - без излишней суеты и горячности. Их цепкая и холодная внимательность к нему ранит его так же, как жестокие упреки кавалериста. На вопросы генералов он начинает отвечать коротко, лаконично:

- Так точно...

- Это не ответ, - прихлебывая из стакана чай, замечает Гордей Захарович.

- Номера частей, количество? Этого вы не можете сказать? -

спрашивает командарм.

- Мне это неизвестно.

- Запишите, Гордей Захарович, - узнать номера этих частей. - И снова обращается к Плотвину: - А из каких источников вам известно, что в Рибшеве штаб немецкой армии?

- Гражданское население убежало из села. Встретил в лесу, расспрашивал.

- Эти сведения совпадают, - замечает Гордей Захарович и роется в бумагах на столе. - В прилегающих деревнях противник сосредоточивает армейские резервы. Отсюда он будет бросать их на ликвидацию прорвавшейся конницы...

- Известно, попытается уничтожить конницу. Кому же приятны неожиданные гости, да еще в таком количестве? - говорит командарм.

- Не хочется мне бросать туда конницу, не хочется... - Гордей Захарович барабанит пальцами по столу, задумчиво смотрит в окно.

- На вас, Гордей Захарович, видимо, сильно подействовал рапорт подполковника Холостякова, - усмехнувшись, говорит командарм.

- Нет, не подействовал... Я понимаю, врага следует потрепать с тыла, и так, чтобы он кровью закашлял. Но сейчас мне не хочется остаться без такого подвижного резерва, как конница. За спиною - Москва. Возможный прорыв мы могли бы на первый случай закрыть кавалерийскими дивизиями. Да и обратный выход для конницы будет затруднителен.

- Ну, прорваться коннице мы отсюда поможем. Конники - да чтоб не прорвались! Пока фашисты за Доватором гоняются, мы их будем бить с этой стороны, партизаны и конники - с тыла. Как с подготовкой к рейду?

- Плохо отработана радиосвязь. - Гордей Захарович многозначительно смотрит на командарма, тот опускает веки. Часто они понимают друг друга без слов.

- Командарм решил направить вас, товарищ Плотвин, в распоряжение полковника Доватора, - говорит Гордей Захарович.

- Меня? К Доватору? - Плотвин заметно смущен.

- Да. Я направляю вас как связиста. Кроме того, вы хорошо знаете обстановку в тылу у противника.

- Да, но...

- Вот я и решил послать вас в тыл еще раз. Вы меня, надеюсь, понимаете? - сухо говорит командарм.

- Я не поэтому, товарищ генерал-лейтенант... Меня предупредили в отношении Доватора...

- А что такое? - настороженно поднимает голову Гордей

Захарович.

- Я лично с ним незнаком, - нерешительно продолжает Плотвин. Командир его какой-то в бурке...

- Ага... понятно... рапорт! - Гордей Захарович полез в сумку, достал рапорт Холостякова. - Кстати, решить надо...

Мимо окон проехали два всадника. Высокий конь весело помахивал головой.

- Да вот и сам Доватор! Сейчас все выясним, - проговорил командарм.

Доватор слез у ворот с коня, развязал на груди ремешки, скинул бурку, положил поперек седла.

- Поводи немного, потом накормишь. Овса достань где хочешь.

Гремя шашкой, он направился к штабу...

- Как же вы не знаете полковника Доватора? Он на вас написал мне подробную характеристику, - спрашивал тем временем командарм у Плотвина.

- Но он меня никогда не видел!

Бесшумно открылась дверь, адъютант почтительно пропустил Доватора вперед.

- Командир кавгруппы полковник Доватор.

Плотвин не верил своим глазам.

- Знакомьтесь, - проговорил командарм.

Плотвин протянул Доватору руку.

- Мы уже знакомы, - коротко и сухо ответил Доватор.

Для него эта встреча была тоже неожиданной.

- Однако подполковник уверял нас, что он никогда не видел полковника Доватора, - заметил командарм.

- Тут какой-то индийский фокус! - улыбнулся Гордей Захарович.

- Разрешите объяснить, товарищ генерал. Когда мы беседовали первый раз, подполковник мало интересовался мною. Он больше говорил о себе, а я слушал.

- К чему была эта маскировка? Я не понимаю, товарищ полковник... - В голосе Плотвина слышались укор и горечь.

- Благодаря ей вы откровенно говорили со мной, а с полковником Доватором вы, наверное, вели бы себя иначе.

- Значит, разговор был по душам? - спросил командарм.

- Очень мило беседовали...

- Вот и отлично! Если мило беседовали, значит, и характерами сошлись! - с хитрецой сказал Гордей Захарович. - Мы так и знали - приказик заготовили. Вам ведь нужен командный состав!

- Нет, характеры у нас разные! - с досадой проговорил

Доватор. - Да и подполковник устал, много пережил... А нам предстоит трудная операция.

- А вот командарм решил воздержаться от операции...

Гордей Захарович с усмешкой взглянул на Доватора.

Доватор встал.

- Разрешите узнать причины, товарищ генерал-лейтенант?

- Сомнительно. Риск большой...

- Но это оправданный риск! Я заверяю командование... - горячо перебил Доватор.

- Как же вы можете заверять командование, когда на собрании командиров заявили, что сами не знаете, как вам придется действовать? Послать в неизвестность казачье соединение мы не можем...

Командарм энергичным движением закинул руки за спину, пристукнул шпорами и остановился против Доватора.

Доватор усмехнулся. Он не был удивлен осведомленностью командарма.

- Да, я говорил... - подтвердил он. Хотел по привычке хлестнуть стеком по сапогу, но сдержался. - Я говорил, что обстановка в тылу противника может поставить нас в любые условия. Стало быть, поставленный в эти условия, я и буду принимать решения на месте. Но это не значит, что у меня нет предварительного плана действия. Я пока кричать о нем не могу.

- Вот, вот, это и хочет знать командование...

Командарм взял Доватора под локоть и подвел к карте. Поймал конец стека, настойчиво потянул к себе. Доватор отпустил.

- Скажем, вы рассредоточились в этом районе, - командарм указал стеком на зеленую полосу лесного массива за линией флажков. - Расскажите, как вы будете действовать?

Доватор ищет глазами, чем бы показать на карте, и ничего не находит. Тогда он решительно вытаскивает несколько флажков и вкалывает один из них недалеко за передним краем.

- Здесь в первую же ночь захвачу пленного. Уточнив обстановку, двигаюсь в двух направлениях. Туда, где у него расположены тылы и мелкие гарнизоны. По пути начинаем их бить. Внезапным нападением всюду вызываем панику. Не ввязываюсь в бой с крупными силами, а только тревожу их. Продвигаюсь глубже в тыл. Рассредоточиваюсь вот здесь, скажем, в лесах Духовщины. - Доватор снова приколол флажок. - В разных местах, но одновременно совершаю налеты на штабы, бью из засад на большаках. Устраиваю целый ряд "сюрпризов". Там, где нужно, действую большими группами, а где и малыми отрядами.

- А он разыщет вас, бросит авиацию. Мачтовые сосны на

голову будут падать, - вставляет Гордей Захарович.

- Страшно, что и говорить... А в лесу отыскать нас не совсем просто. - Задорно прищурив глаза, Доватор продолжает: - Днем казаки кормят коней, отдыхают. Ночью, выполнив задачу, меняют место. Пусть ищет авиация! Ну, а если найдет и побомбит, - на то и война!..

- О боеприпасах, продовольствии думали? - спрашивает командарм.

- Думал. Каждый казак берет в переметные сумы пятидневный запас продовольствия и побольше патронов. Кроме того, в каждом эскадроне до двадцати запасных вьюков. А в тылу колхозники помогут.

- На это рассчитывать нельзя. Гитлеровцы всех ограбили.

- Назад отберем. Гарнизоны будем громить. Придется трудно - на шомполах конский шашлык пожарим.

- Как будете управлять дивизиями, полками, эскадронами?

- По радио и делегатами связи...

- Собираетесь управлять по радио, а на штабных занятиях полки потеряли друг друга.

- Заставим работать рации, заставим!.. Но главное - народ хочет драться. Хочет!

- Экий ты, брат, напористый! - ворчит Гордей Захарович. - И меня-то раззадорил: так и хочется сесть на коня, разобрать поводья. Ей-богу, поехал бы сам, а то вот сиди тут, маневрируй...

- Долго будем маневрировать, товарищ генерал? - спрашивает Доватор, склонив набок голову.

- Ты, полковник, как скипидар. Чихнуть хочется. А я вот прочитаю тебе один рапортец - сам расчихаешься... Там тебя, голубчика, так разделали!..

Доватор понимает, о чем речь, и настораживается.

- Прочесть, Иван Петрович? - спрашивает у командарма Гордей Захарович.

- Не стоит, - говорит командарм, улыбнувшись.

- Нет, вы покажите все-таки рапорт, - горячился Доватор. - Теперь мне понятно, почему с рейдом канитель и мне экзамен...

- Да, ты прав, экзамен был, - твердо говорит командарм, - но ты его, кажется, выдержал, а потому - получай приказ! - Командарм взял со стола приказ и подал Доватору. Прочитав его, Доватор тыльной стороной ладони потер лоб. Еще больше сдвинул на затылок папаху, тряхнул головой, оглядел всех, снова перечитал.

- Вот здесь-то и начинается самый главный и ответственный экзамен, снова заговорил командарм. - Ты поведешь кавалерийские полки в тыл врага. Научи их драться и быть

стойкими перед любой опасностью. Надо разбить боязнь окружения. Нам сейчас очень трудно. Может, будет еще труднее. Город Ельню штурмуют семь немецких дивизий. Надо помешать. Они готовят прыжок на Москву. Надо нарушить механизмы тыловых коммуникаций, затормозить передвижение. Мы должны сделать перегруппировку, подтянуть резервы. У нас за спиной Москва. Ты понимаешь, что это значит?

- Я понимаю. Я выполню этот приказ.

- Желаю, как говорится, ни пуха ни пера. - Командарм крепко пожал Доватору руку.

- Мое благословение - драться по-суворовски, - говорит Гордей Захарович. - Холостяков упрекает тебя в подражании Суворову. Если в солдате есть хоть маленькое суворовское зерно - это непобедимый солдат! Гордись! Тебя направляем в тыл врага. А холостяковых будем переучивать!..

- Вызовите подполковника Холостякова, - обращаясь к наштарму, приказал командарм, - и предупредите, что за такие рапорты впредь буду отдавать под суд. Числить его пока в резерве штаба армии. Убрать из кавгруппы, чтобы он там не мешал. Подполковника Плотвина - в кавгруппу, с особой задачей, которую он получит от Доватора.

- Я готов выполнить любое задание, товарищ генерал-лейтенант! ответил Плотвин с дрожью в голосе.

Доватор, поджав губы, молчит. Горячая взволнованность овладевает им. Ему хочется сейчас обнять плотную фигуру командарма, прижать к груди, потом тряхнуть маленького усатого начальника штаба, спросить: "Ну, как, папаша, крепкие у тебя косточки? Поедем в тыл фашистов бить! Ведь с этаким папашей можно чудес натворить..."

- Чему вы улыбаетесь, полковник Доватор? - спрашивает командарм. Подполковник Плотвин направляется в ваше распоряжение - вы слышали?

Доватор одергивает гимнастерку.

- Слышал, товарищ генерал. А не боится он, что упадет с коня и ребра поломает?

- Не вспоминайте старое, товарищ полковник! - вспыхнув, говорит Плотвин. - Я в кавалерии не служил, но с конями дело имел...

Доватор попросил разрешения удалиться. Не терпелось поделиться радостью с командирами дивизий, полков, эскадронов, со всеми казаками.

Еще из штаба армии он позвонил Карпенкову и приказал вызвать командиров и комиссаров частей на совещание. Это было одно из самых коротких совещаний за все время боевых действий

соединения Доватора.

Стоял ясный солнечный день. Командный состав собрался на небольшой лесной поляне под могучими шатровыми дубами. Доватор был посреди плотно обступивших его боевых командиров. Он начал говорить не сразу. Поправив под буркой полевые ремни, смотрел на командиров по-новому, особенно блестящими глазами. В голове было много горячих и волнующих мыслей и слов, но он ожидал еще других - более выразительных и сильных.

Кратко изложив сущность боевого приказа, назвав район предполагаемого прорыва фронта, Доватор перешел к самому важному:

- Не забудьте, мои боевые друзья, что мы идем выполнять задание нашей партии и Родины. За линией фронта, под коваными сапогами фашистских захватчиков, стонут наши люди. Они ждут освобождения. Мы передадим им привет от всего народа и поведем на беспощадную борьбу. Я прошу командиров и политических работников немедленно провести во всех подразделениях партийные и комсомольские собрания. Пусть коммунисты и комсомольцы разъяснят каждому бойцу - своему товарищу нашу задачу...

Командиры разъезжались быстро. Стройные, подтянутые люди в военной форме крепко сжимали поводья и ловко садились на коней. Звонко стучали копыта, горячились и всхрапывали кони. Лев Михайлович провожал своих командиров глазами. Впервые в жизни он твердой рукой и вдохновенным словом направлял людей в бой.

Над головой Доватора в синем небе ползли и качались дымчатые облака; словно встревоженные глухими артиллерийскими выстрелами, рядом шелестели могучие дубы.

ГЛАВА 13

С утра наша артиллерия беспокоила немцев. Над лесом с тревожными криками кружились стаи птиц.

Накануне полевой походный госпиталь отправил больных и раненых в тыл. Палатки свернули во вьюки. Алексей Гордиенков должен был уехать с последней машиной. Однако как его ни искали, ничего, кроме изломанных костылей, валявшихся под елкой, не нашли...

Перед этим у Алексея с Ниной произошла размолвка.

- В тыловой госпиталь не поеду, - заявил Алексей.

- Куда же ты денешься с такой ногой?

- Подумаешь, рана! Кость цела. Брошу костыли - и все. Подживет и так...

- А приказ полковника? Не имеешь права.

- Попрошу разрешения.

Выслушав просьбу Алексея, Доватор снял трубку и, потребовав к телефону Нину, спросил:

- Вылечили лейтенанта? Не закрылась? Значит, плохо лечили! - Доватор повесил трубку и пожал плечами. - Медицина протестует. Все. Придется ехать лечиться...

- Можно было сказать полковнику как-нибудь иначе, - вернувшись от Доватора, мрачно говорил Алексей Нине.

- Обманывать я не умею...

- Да я тебя и не прошу!

- И не проси! - Нина присела на пенек. - Собирай вещи.

- Не командуй! - Алексей наступил сапогом на костыль, с хрустом переломил его, потом проделал то-же самое со вторым и бросил обломки под елку.

- Что ты делаешь? - крикнула Нина.

- Спешился! - Прихрамывая, Алексей пошел по тропинке в лес и даже не оглянулся... А Нина и не окликнула. В госпиталь он больше не вернулся...

Приказ о выступлении был уже отдан. Ждали только сигнала.

На другой день, подходя к лагерю разведчиков, Нина встретила на тропинке Яшу Воробьева с котелком в руке. Заметив ее, Яша хотел было свернуть в кусты, но Нина его окликнула.

- Лейтенант здесь? - спросила Нина.

- Какой лейтенант? - Воробьев смотрел на Нину невинными, непонимающими глазами.

Еще с вечера Шаповаленко перевязал Алексею рану, наложив на нее какой-то лекарственный лист, а Салазкин и Торба завьючили его коня. Сообща решили, что из-за болячки оставаться не следует. О том, что он остался в эскадроне, Гордиенков велел пока молчать. И вот Яша нес Алексею обед. Из котелка выглядывала куриная нога, сверху, на блюдце, лежали яйца.

- Не знаешь, какой лейтенант?

- Вот те Христос, не знаю, товарищ доктор. Ведь у нас тут лейтенантов-то разве один? - уклончиво отвечал Яша. - Извините, тороплюсь...

Нина поймала его за рукав.

- А обед кому несешь?

- Да вот себе хлебова маленько сварил... Вы у ребят спросите, может, они знают. Вот они за теми кусточками картошку варят. Салазкин свои стишки читает - в газете напечатали, мировые! Вы пройдите, может, они видели...

В лагере разведчиков кони уже подседланы с полным вьюком, шалаши и пирамиды опустели, оружие все на плечах. Кругом

валялись разбитые патронные ящики, на колу висела немецкая каска с простреленной свастикой.

Торба подкидывал в костер дрова. Салазкин и Павлюк чистили картошку. Шаповаленко сидел на ящике и что-то писал в тетрадке. Костер горел плохо, только дымил. Захар, наклонившись, пытался раздуть огонь, захлебываясь дымом, отворачивался, морщился. Последние дни Захар ходил мрачный и злой. Анюта прислала ему такой ответ, что он даже не знал, что и думать: "Приедешь, тогда узнаешь..."

Шаповаленко закрыл тетрадь, сунул ее за голенище. Внимательно осмотрел котелок, в который Салазкин положил картошку, заметил хозяйственным тоном:

- Порезать надо.

- Кто затеял варить? Ты! - ворчал Торба. - А сам сидит, як писарь, да еще учит. Барабули захотел...

- В бой идешь - краще заправиться треба. Патронов побольше - и сюда, - Шаповаленко показал на живот и на карманы.

- Думаешь, не пробьет? - усмехнулся Захар.

- Часом попадешь на тот свет, будешь из кармана барабулю доставать и исты, а то колысь там райский аттестат форменный дадут!..

Заиграл веселый смешок, но тут же оборвался. Подошли Нина и Яша Воробьев. Яша шел сзади и делал хлопцам таинственные знаки.

- А у вас тут весело! - поздоровавшись с казаками, проговорила Нина.

- Тише, товарищ военфельдшер, у нас Филипп завещание сочиняет. Торба, сдерживая смех, наклонился к костру.

- Чистые портянки надел, - заметил Салазкин, - осталось закусить поплотнее - и на тот свет готов...

- Треплются як балабошки! - Шаповаленко укоризненно покачал головой. - Тошно слухать... Язык, як добрая шабля, а силенки - пивфунта... Це мой земляк, - Филипп Афанасьевич показал пальцем на Торбу, - силы у него, як у великого дурня, а ума не хватает костра распалить. Вин смеется, що я пишу...

- А может, вы, господин вахмистр, мемуары сочиняете? Меня там не забудьте! - не унимался Салазкин.

- Зараз я на войне, - продолжал Филипп Афанасьевич, - а думка моя о мирной жизни. Почему Филипп Шаповаленко добровольцем пошел? Потому, что он воюет за мир! И должен писать о мирной жизни! А этот мне еще о каких-то мамуарах толкует! Тьфу... Варил бы скорей картошку.

- Верно! - поддержала Нина. - А то лейтенант у вас вторые сутки не евши сидит...

- Ну уж нет! Вчера я ему курочку...

- Филипп! - крикнул Торба. - Глянь, кони там не отвязались?

- Где спрятали? - решительно спросила Нина. - Показывайте!

- Я ему курочку в госпиталь возил... Понимаете? - Шаповаленко пробовал вывернуться.

- Вы, Филипп Афанасьевич, не юлите. Куда Воробьев пошел? Тут не до шуток. Если узнает полковник Доватор...

- Никто не узнает! Ни який полковник, - под свирепым взглядом Торбы заявил Шаповаленко. - Нельзя ему оставаться, товарищ военфельдшер, а рана що - заживет. Устроим все, як полагается. Нас еще ни один цыган не обманул!

- Кого это вы тут обманывать собираетесь?

Из кустов вышли Доватор и подполковник Карпенков.

Все быстро повскакали с мест. После длительной и неловкой паузы Торба кинул руку к кубанке и гаркнул во всю мочь:

- Товарищ полковник! Разведчики, смирно! Товарищи разведчики... - он запнулся и замолчал.

- Ну-ну, - Доватор ободряюще кивнул ему головой.

Но робость перехватила горло Захару, точно костью подавился. Все слова вылетели из головы.

- Растерялся трошки, - смущенно пробормотал Торба.

- А вот так, случайно, немецкого полковника встретишь, тогда что?

- А там побачим, товарищ полковник! - отвечал Захар.

- "Побачим"! - прищурив глаза, повторил Доватор. - Смотри, как нужно рапортовать! Ты будешь полковник, а я младший сержант - командир отделения.

Доватор с кавалерийским шиком, под смех и одобрительные возгласы казаков, отдал Торбе положенный рапорт.

Потом спросил Шаповаленко:

- Ты, Филипп Афанасьевич, кого надуть собирался?

- Да тут, товарищ полковник, дело одно... - замялся казак.

- Он нам рассказал, как цыгану коня променял! - вмешалась Нина.

- Обмануть меня хотел, чертяка! - начал Шаповаленко, обрадованный неожиданной поддержкой.

- Ну и как? - не поднимая головы, спросил Доватор.

- Куда там!.. Шоб меня... Да я...

- Конечно!.. Тебя, старого запевалу, на коне не объедешь! Ты кого хочешь с ума сведешь, тем более при помощи военфельдшера Селезневой... Вот лейтенант Гордиенков начал уже костыли ломать... Вы помогали ему? Доватор в упор посмотрел на Нину.

- Честное слово, сам!.. - растерялась Нина.

Обернувшись к Карпенкову, Доватор сказал:

- Запишите военфеладшеру пять суток ареста и Филиппу Афанасьевичу тоже... Чтоб не обманывали и уважали приказы командира! А лейтенанта Гордиенкова - где он у них тут скрывается? - под ружьем отправить в медсанбат!..

Доватор поговорил с казаками, осмотрел вьючку, поласкал коней. Как ни в чем не бывало шутил. Взял на поверку пять автоматов, выпустил несколько очередей.

- Смотрите, какое могучее оружие нам рабочие делают! В тысячу раз лучше немецких. Разве мы имеем право плохо воевать? - сказал он казакам на прощанье.

ГЛАВА 14

До выступления оставалось еще несколько часов, но люди были уже готовы двинуться хоть немедленно. Лев Михайлович был возбужден, весел, смеялся. За чаем подшучивал над коноводом.

- Сергей, ты что все с хозяйской дочкой шепчешься? Может, рассказал ей, что уходишь в операцию? Скажи по-честному: разболтал или нет?

- Что вы, товарищ полковник! - Сергей поперхнулся чаем, закашлялся. Ни-ни...

- Ну, смотри! - Доватор через стол поймал его за смоляные кудри, пригнул голову к столу. - Почему не стрижешься? Сколько раз говорил: остригись!.. Ты своими кудрями да глазищами всем девчатам кровь иссушил!..

Раскрасневшийся, хохочущий, Сережка вырвался и убежал в сени.

- Посмотри - кони овес доели? - крикнул вслед Доватор.

Снял телефонную трубку, позвонил в штаб армии - уточнить обстановку. В десятый раз сверял карту, вызывал командиров дивизий, спрашивал: "Готовы ли? Нет ли чего нового?" Справлялся в своем штабе, не приехал ли майор Осипов. Доватор давно уже ждал его.

На майора Осипова была возложена самая ответственная задача: его полк первым устремится в прорыв.

- Главное - не задерживай темпа движения! - приветливо встретив только что прибывшего Осипова, говорил Доватор. - Как прорвешься, обязательно прикрывай фланги. Оторвешься - маяки выставь: ночью люди потеряться могут, могут попасть немцам в лапы. Будут попадаться артиллерийские батареи противника, ничего не оставляй, бей гранатами. А если пару пушек с собой захватишь - хорошо, пригодятся. Мы с Сережкой сзади тебя пойдем, прикрывать будем. Прикроем, Сережа?

- Прикроем! - Сергей лихо встряхнул головой и положил руку

на эфес клинка.

- Видал, какой герой? - кивнул на него Доватор.

- Прикроем... - глухо повторил Осипов, навалившись широкой грудью на стол. Не моргая, он смотрел на Сергея ввалившимися глазами, машинально теребил рукой ременный темляк шашки. Хмурое лицо его передернулось едва заметной судорогой. Слушал рассеянно, неохотно. Точно кто-то подменил широколобого, кряжистого майора.

Осипов вчера получил пачку писем, и одно из них было таким плохим, что хуже и быть не может...

- Ты что, не спал, что ли? - спросил Доватор. - Перед таким делом следует хорошенько выспаться.

- Да нет, спал... Ничего!.. - неохотно отвечал майор, прихлебывая из стакана чай.

- У тебя вид такой, будто ты возвратился со свадьбы, после недельного пьянства... Скажи: пил?

- Было маленько...

- Ты что, одурел?! - гневно выкрикнул Доватор. - Мы ему такую задачу доверили, а он... Ну, не ожидал от тебя!

- Я задачу выполню, товарищ полковник...

- С пьяных глаз напролом полезешь, людей погубишь!

Осипов отмалчивался, хмурился... Доватор с ожесточением отодвинул рукой недопитый стакан.

- Голова должна быть чистой и ясной! Хоть бы немного выпил, для настроения, а то, извольте видеть... Ты знаешь, что это нетерпимо!

Осипов долго мял папиросу. Пожевывая губами, упорно смотрел под ноги. Письмо не выходило из головы, лежало на сердце тяжелым камнем.

- Ты передо мной не ломайся! - Доватор сдвинул брови, рывком схватил телефонную трубку. - Я тебя в передовой отряд не пущу.

- Лев Михайлович! - Осипов вскочил. Трясущимися руками одернул гимнастерку. Лицо исказилось, точно от боли. Над бровями крупинками поблескивал пот.

- Ну что? - жестко спросил Доватор, ухом прижимая к плечу телефонную трубку. Он вырвал из блокнота листок бумаги, искоса глянул на Осипова.

- Я сейчас способен такое сделать!.. - хрипло продолжал майор. - В десять раз больше, чем это нужно! Я уже отдал боевой приказ. Операцию прорыва несколько раз прорепетировали с командирами на боевых картах. У меня все рассчитано до мелочей. Я ручаюсь за успех головой! Нельзя изменять приказ, да и незачем...

Доватор швырнул трубку, захлопнул блокнот. Встал, подошел к окну. На минуту задумался, потом решительно снял с гвоздя бурку, накинул ее на плечи.

- Выводи коней! - коротко приказал Сергею, завязывая на груди ремешки. Передернул плечами, под буркой заскрипели ремни. Надел было на правую руку кожаную перчатку, но тут же, стащив ее, взял телефонную трубку.

- Карпенков, ко мне! Выступаем сейчас.

- Но ведь это раньше времени, Лев Михайлович!

Осипов вскочил, впился глазами в часы.

- Выводи полк на исходное положение.

Осипов, гремя шашкой, кинулся к двери. Доватор поймал его за плечо, повернул к себе лицом. Посмотрел в глаза.

- Подведешь, Антон, не прощу. Понимаешь? Я тебя люблю, как брата. Больше того, уважаю тебя как человека, смелого, волевого командира. Мне больно смотреть на тебя... Мы отвечаем за каждого человека, и не время хандрить, понимаешь? Это равносильно предательству! - стиснул он трубку рукой, не спуская глаз с Осипова.

- Лев Михайлович! - Осипов скривил губы. - Ты жестоко несправедлив ко мне... Я сейчас сам себе судья. - Не оборачиваясь, проговорил у порога: Начну с сегодняшнего дня приводить в исполнение приговор!..

В сенцах он чуть не столкнулся с подполковником Карпенковым, который входил вместе с капитаном Наумовым.

Последних слов Осипова Доватор не слышал. Стоял у телефона и говорил: "Волга, Волга-три", быстро к аппарату. "Ока-шесть", к аппарату. Разъединить!" - от нетерпения покусывал губы, над переносицей резче обозначились морщины.

Слышал, как командиры дивизий взяли трубки, продували их. Лицо Доватора оживилось, вспыхнули в глазах азартные искорки. Наклонившись к аппарату, проговорил одно-единственное слово: "Москва". Крепко сжимая в кулаке трубку, раздельно добавил: "Еще повторяю - Москва!"

По висевшим на деревьях телефонным проводам невидимой электрической искрой летело магическое слово.

..."Москва!" - сурово говорит телефонист с пышными усами, надевает каску и выключает телефон. "Москва", - повторяет другой где-то в глубоком блиндаже и вешает на грудь автомат. "Москва", - тоненьким голоском говорит девушка-телефонистка, укрывшаяся в густых елках.

От ее выкрика вздремнувший было капитан спокойно берет вторую трубку, говорит одно слово. Где-то в кустах щелкают замки артиллерийских орудий, взблескивают медные гильзы, и

белые головки снарядов исчезают в стволах. Танкисты в промасленных комбинезонах гремят ключами, заводят моторы, на башнях вздрагивает маскировка и валится под ожившие гусеницы.

На полном галопе мчатся делегаты связи, развозя пакеты с сургучной печатью, с написанным крупными буквами символическим словом - "Москва".

В сумерках на фоне темнеющего леса всадник высоко поднимает горн. Призывно поет труба боевую тревогу. По лесу разливаются мощные звуки.

Подседланные кони поднимают головы, тревожно шевелят ушами. В темноте виднеются туго набитые переметные сумы, скатки шинелей.

- По-о-о ко-о-о-оня-я-ям! - распевно звучит команда.

Нина провожала Алексея в медсанбат. Алексей ехал на ее коне, она шла пешком.

Около госпитальной палатки стоял часовой с ружьем. Алексей молча слез с коня. Молчала и Нина.

Алексей первый нарушил молчание:

- Все друзья мои, товарищи идут в операцию, да еще в какую! А у лейтенанта Гордиенко, видите ли, дырка на ноге! Он остается, будет на койке валяться да молочко попивать... В партизаны уйду! Пусть не берут...

- Но ты же ранен...

- Подумаешь! Вот если напрочь ногу отхватят, тогда уже все равно: сиди на завалинке да пиликай на баяне...

Сигнальная труба запела тревожно и призывно. Звуки доходят до самого сердца. Надо быть конником, чтобы понять всю силу и властность кавалерийского сигнала.

Нина заторопилась. Сунула Алексею свернутую бумажку - направление в госпиталь.

- Ну, Алеша, мне пора!.. Сам уж отдай, тебя тут запишут... По-детски кривит губы, морщится. Заплакать нельзя: стыдно.

- Тебе приказали под расписку меня сдать, - зло сказал Алексей. Ладно, садись...

Нина взялась за луку, никак не могла угодить ногой в стремя. Конь беспокойно косился, намереваясь поймать ее за плечо.

- Стоять! - крикнул Алексей на коня. - Эх, вояка!.. Дай подсажу.

Нина торопливо прижалась губами к его щеке. Алексей обнял ее, крепко поцеловал в губы. Часовой круто повернулся и пошел в другую сторону. Алексей подхватил Нину под мышки и, как ребенка, усадил в седло.

- Может, поедем двое на одной?

- Не шути, Алексей, - тихо ответила Нина, разбирая поводья.

- Я не шучу. Дай мне коня, а сама оставайся здесь...

Нина резко хлестнула коня, мелкой рысцой поехала вдоль просеки. Оглянувшись, помахала рукой. Алексей стоял под деревом...

Загудела смоленская земля от переступа тысяч конских копыт. Сердито выглядывали из вьюков тупые мордочки станковых пулеметов, минометные стволы. Пофыркивали красавцы степные дончаки, вскидывали головы, требуя повода.

Идет конница мерной поступью...

Гордиенков стоял один, смотрел на мощное передвижение кавалерийских полков с невольным восторгом. А над ним вздрагивали молодые березки, роняли на землю листья... Потом он не выдержал: подбежал к коновязи, выбрал коня и - помчался за только что ушедшими полками.

И вдруг под ногами качнулась, дрогнула земля. Медные голоса наших пушек ударили дружным залпом. По лесу прокатилось металлическое эхо.

Началась артиллерийская подготовка.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

ГЛАВА 1

Во второй половине августа 1941 года части гитлеровской армии спешно перегруппировались в районе Пречистая - Духовщина Смоленской области.

В этом же районе сосредоточивались резервные части, по преимуществу танковые, под командованием генерала Штрауса. На его танках были нарисованы лев и ведьма - получеловек-полузверь, с хвостом, с пылающим факелом в руках, похожим на метлу.

Эти танки, несущие на себе символ разрушения и смерти, должны были, по замыслам фашистов, пройти в марш-параде по Москве. К занятию Москвы фашисты тщательно подготовились. В деревнях Смоленщины расположились специальные батальоны жандармерии; зондеркоманды со своими душегубками; коменданты, получившие назначения и неограниченные права для управления районами Москвы и ее окрестностей; представители торговых концернов, фирм, компаний и прочие дельцы, тащившиеся за армиями в надежде на быстрое обогащение. Некоторые из них были даже со своими женами.

Здесь находился и майор Круфт, бывший берлинский адвокат, шурин полковника Густава Штрумфа. Майор Круфт любил дачную, лесистую местность. Он выпросил себе должность коменданта Ростокинского района... А пока, от нечего делать, он, большой любитель радио, денег и аферы, занимался ловлей

радиопередач и пытался расшифровывать сложные коды. Майор Круфт не переставал удивляться: вместо объявления о капитуляции русские непрерывно передавали по радио песни и музыку...

23 августа 1941 года майор по обилию в эфире переговоров решил, что в расположении русской армии началось усиленное передвижение частей. Круфт не замедлил донести об этом своему родственнику - командиру дивизии Густаву Штрумфу - и, кроме того, в письменной форме изложил красноречивые адвокатские выводы "о предполагаемом русском наступлении". Выводы майора не были совершенно неожиданными. То же самое сообщала и служба радиоподслушивания. На этом участке фронта накануне русские вели разведку боем, а 23 августа с утра начали бить из пушек.

Немецкое командование решило усилить правый фланг фронта. Но, не желая вводить в дело "московские" резервы, оно срочно передвинуло сюда части с левого фланга и тем самым ослабило его. Немецкое командование было убеждено, что русские на левом фланге не могут предпринять наступления: этому препятствовали лес и непроходимые болота.

Но прорыв фронта был намечен русскими именно на этом участке фронта. Демонстрацией наступления на правом фланге немецкое командование было введено в заблуждение.

К исходу дня наши части неожиданно обрушили артиллерийский огонь на немецкий левый фланг в районе станции Ломоносово.

Здесь конница Доватора приготовилась стремительным ударом прорвать оборону противника и углубиться в его тыл в направлении Пречистая - Белая - Духовщина, имея задачей нарушить планомерность передвижения резервов противника и его тыловых баз материального обеспечения, громить штабы, уничтожать связь, транспорт и тем самым затормозить немецкое наступление на Москву.

Передовой отряд доваторцев под командованием майора Осипова стоял на исходном положении в густых, темных зарослях смоленского леса.

Тишина ночи разрывается неумолкающим грохотом артиллерийского боя. Над лесом с шипящим посвистом, как токующие тетерева, пролетают тяжелые снаряды. Кони вздрагивают, вскидывают головы, тревожно переступают с ноги на ногу и пошевеливают ушами.

Под елками отдельной группой дремлют связные и коннопосыльные. Неподалеку, прислонившись спиной к старому дереву, зябко кутаясь в бурку, сидит Осипов. Он уже целый час

водит по карте тусклым лучом электрического фонаря и делает на ней пометки карандашом. Лес, где сосредоточился полк, выступает на боевой карте зеленым языком, почти упираясь в синие гребешки немецкой обороны, которые охватывают два черных квадратика. Это два колхозных сарая. Здесь укрепления 2-й роты 9-го батальона немецкого пехотного полка. От деревни Устье на северо-запад расположилась 1-я рота, усиленная танками. Западнее деревни - отдельный лесок. На карте он похож на растоптанный валенок. Северо-западнее этого леска проходит оборонительная полоса 3-й роты того же батальона, с густо нанизанными пулеметными гнездами.

В задачу передового отряда входит разгромить в этом районе оборону немецкого батальона и сделать проход для ввода в тыл частей Доватора. Не задерживая темпа движения, ворваться в село Подвязье, разгромить штаб немецкого полка и по пути истребить гарнизон противника в селе Заболотское. Северо-западнее деревни Шеболтьево перерезать и взорвать линию железной дороги Ржев - Великие Луки. В 13.00 23 августа сосредоточиться южнее Никулино. Ждать подхода главных сил, выставив охранительную разведку.

Одновременно другая кавдивизия должна совершить прорыв в направлении Балкино - Пузьково.

Часы майора Осипова показывают 1.30 ночи. Боевой приказ отдан. Все рассчитано до минуты. Антон Петрович сосредоточенно молчалив. Отдавая приказ, он был резок, взволнован и до раздражительности требователен. Однако начальник штаба капитан Почибут не хочет, кажется, обращать внимания на плохое настроение командира полка. Капитан сидит в кругу дремлющих штабных командиров по другую сторону дерева, спиной к майору, и над самым его ухом насвистывает какой-то знакомый мотив.

"Удивительно спокойный человек", - думает Осипов.

Железная воля и железные нервы у капитана Почибута, а на лице всегда спокойная, добродушная улыбка.

- Старший лейтенант Чалдонов просил у меня разрешения следовать в головном отряде, - говорит он Осипову, выглядывая из-за дерева.

- Свободным командирам приказано двигаться со штабом, - сухо отвечает Осипов.

Почибут молчит, потом как ни в чем не бывало начинает посвистывать...

Осипов, аккуратно сложив карту, прячет ее в планшетку. Вынимает фотографию. Взглянул мельком - и не может отвести сузившиеся глаза. На фотографии снята вся его семья. Витька в

матросском костюмчике сидит у него на коленях. Варя обняла за шею одной рукою мать, а другой - отца. Нос вздернут, щеки надутые, бантики торчат на голове, как заячьи ушки... На лице майора разгладились было морщины, дрогнула скупая улыбка... Но, вспомнив все, он глубоко, со свистом втянул в себя воздух, и улыбка бесследно исчезла с его лица... Антона Петровича потянуло перечитать письма. Он достал их - и тут же скомкал, не читая, вместе с конвертами. Потом разгладил ладонью и торопливо сунул в планшетку, словно конверты жгли ему руки. Ему не хочется верить, что семья его погибла.

- Начальник штаба! - гремит глухой бас Осипова.

- Я вас слушаю, товарищ майор! - Почибут вскакивает, оправляет полевые ремни.

- Поднимай полк. Пора! - Осипов смотрит на часы. Медленно встает, сбрасывает с плеч бурку и, сутулясь, идет к привязанным коням.

- Дежурный, ко мне!

Луч карманного фонарика начальника штаба рассекает темноту и скользит по кустам.

- Кто здесь? - спрашивает Почибут.

- Ну, чего?.. Стой! На ногу наступил... - раздается сонный голос.

- Если, милый, ты будешь спать, нос отдавят. Вставай!..

- По коням, быстренько! - голос капитана спокоен. - Штабные командиры, поверять эскадроны, пропускать колонны. По местам!..

Потекли первые медлительные минуты дремотной неразберихи. Бормотание, приглушенный кашель, кряхтенье, хриповатая ругань...

А пушки продолжают бить ожесточенно и свирепо. По темному лесу далеко разносится многоголосое эхо, и трудно уловить в хаосе звуков, где выстрелы, где разрывы.

По лесным тропкам и кочкастым дорогам конница двинулась к переднему краю. Сквозь грохот артиллерийского оркестра слышатся негромкие командные выкрики, ритмичная конская переступь, резкое всхрапывание, звон металла, отчетливое чваканье копыт по незасохшей грязи, звонкое разливное ржание. Горе неопытному всаднику! "Прижми повод!.. Десятый сон видишь, размазня!" - зашушукают на него со всех сторон. А молоденький казачок, может, сию минуту побывал во сне на Кубани, язей ловил в тихой заводи... И вспугнули его чудесные сны короткие требовательные выкрики: "Головной, шире шаг! Подтянись!.."

ГЛАВА 2

Алексей Гордиенков, поскакав вслед за ушедшей конницей, решил во избежание недоразумений не показываться до перехода переднего края в эскадроне разведчиков, разыскать полк майора Осипова и с ним вместе двигаться дальше.

Зная примерно район сосредоточения полка, Алексей повернул на юго-запад и поехал напрямик, минуя штабные и вьючные колонны, двигавшиеся сзади.

В лес змейкой уползала глухая узенькая дорожка. Конь шел вперед мерной неторопливой рысью. Иногда взволнованный выстрелами дончак, увидев в темноте пень, прядал ушами и боязливо храпел. Лес становился все гуще и темнее. Это был дремучий ельник, покрывавший смоленскую землю на многие десятки километров. Узкий просвет дороги пересекался черными тенями пышных могучих лап, над головой сплетались такие же могучие ветви и порой совсем закрывали мелькавшие в небе звезды.

Чувство, охватившее Алексея, когда он въехал в лес, походило на то, какое испытывает подросток, впервые сознательно не покорившийся родителям. Алексей мучился сейчас тем, что совершил два противозаконных поступка: не подчинился приказу командира и обманул товарища, угнав у него коня. Он ехал шагом.

"Приеду и уж в тылу откровенно расскажу все полковнику, - размышлял Алексей. - Рана пустяковая, скоро заживет... На фронте протяжением в две тысячи километров сражаются за Родину люди, а я буду на койке отлеживаться..."

И все-таки на душе было неловко и нехорошо.

Неожиданно лес поредел. Алексей уперся в какое-то подразделение. Кавалеристы стояли на месте. Впереди пулеметы отбивали знакомую дробь.

Трассирующие пули, обрывая березовые листья, пронзительно взвизгивали. Каски бойцов невольно клонились к передней луке...

Разыскав в голове колонны командира эскадрона, Алексей спросил:

- Какой полк? Почему стоят?

Полк был майора Осипова, а что делается впереди, командир эскадрона не знал.

- Честно вам говорю, не знаю, товарищ, сейчас только человек выяснять поехал...

Голос показался Алексею знакомым, но лица говорившего в темноте не было видно.

- Давно стоите?

- Целый час, наверно, так будет, - спокойно ответил командир

эскадрона, захлебываясь сладостной позевотой.

Беспечность его взорвала Алексея.

- Целый час стоишь и не знаешь, что впереди делается? - резко спросил Алексей.

- А кто ты есть, товарищ дорогой? Почему ты меня учишь? - командир эскадрона наклонился к Алексею, желая убедиться, с кем он имеет дело.

- Это неважно, кто я такой. Где командир полка? - Гордиенков спросил инспекторским тоном, словно приехал наводить строжайшие порядки.

Оба были молоды, горячи - моментально вскипели и сцепились.

- Не знаю, извиняйте! Каждый понимает, что командир полка ходит на голове... - Эскадронный не совсем правильно говорил по-русски.

- Командир полка ходит на ногах, а на марше не всегда двигается впереди колонны - посмотрите устав!

- Шагом марш, товарищ дорогой, мимо! - Эскадронный, приподнявшись в стременах, приложил руку к козырьку.

Алексей расхохотался. По отрывистым фразам, по этому быстрому движению, по хрипловатому певучему голосу он узнал друга детства - Хафиза Биктяшева. Даже не верилось! Прошло больше десяти лет с тех пор, как они виделись в последний раз.

Так же быстро и горячо обнялись, как и поссорились.

- Сроду бы не узнал тебя, Алеша. Честно говорю! - хлопая Алексея по плечу, говорил Биктяшев. - Непонятная война, Алеша. Я должен два часа назад проходить рубеж западнее Устья. И все стоим на месте. Вперед надо!..

- Надо узнать, в чем дело, - посоветовал Алексей.

- Ездил сам лично. Командир полка обругал меня: зачем приехал без вызова. Зря, говорит, бросил эскадрон. Сердитый командир полка. Никогда такой не был!..

Алексей решил пока остаться в эскадроне Биктяшева. Не терпелось узнать обстановку, тем более что стрельба впереди становилась все ожесточенней. Отчетливо доносился грохот артиллерийского боя.

Биктяшева вызвали в штаб. Алексей тронул коня и, объезжая молчаливо стоявших казаков, поехал вперед. Его неудержимо тянуло туда, где шло настоящее дело...

Навстречу попалось несколько верховых. "Осторожно, братцы!" раздался из темноты натужный голос. Алексей придержал коня, отъехал в сторону. Пронесли первых раненых. Здоровой ногой Алексей дал коню шпору и поехал дальше. Впереди виднелся просвет.

Над деревьями висела луна. На широкой поляне, куда выехал Гордиенков, клубился предутренний туман.

Командный пункт Осипова помещался на краю просеки, недалеко от поляны. Алексею вначале показалось, что здесь творится что-то непонятное. Коноводы табуном вели лошадей к себе в тылы. Кони, вытянув шеи, покачивая переполненными вьюками, бежали на чембурах торопливой рысью. Их было не менее двухсот.

Начальник штаба полка капитан Почибут стоял на просеке и неповодливых коней подстегивал плеткой. Он подбадривал казаков и взмахом руки указывал, куда вести коней. Распоряжался он с неизменным своим спокойствием: довезли, мол, и спасибо, теперь ступайте обратно...

Но Алексея не могло обмануть это спокойствие. Он чутьем угадывал, что дела здесь, похоже, идут не слишком хорошо. Между деревьями часто посвистывали пули. Пронзительно и зловеще завывали мины. Грохот разрывов смешивался с треском ломающихся веток.

Алексей спешился и встал за деревом, неподалеку от командира полка.

Осипову докладывал начхим. Молоденький лейтенант - "поэт", как в шутку называл его майор, - шел с головным отрядом, а теперь прискакал с докладом.

- Ну? - мрачно спрашивал Осипов.

- Шли, значит, прямо, а потом комэска повернул маленько налево...

Алексея покоробило от такого военного языка.

- А когда Полещук повернул налево, ты куда задом стоял: ко мне или к немцам?

- К вам, - смущенно отвечал лейтенант.

- А ты, может, вспомнишь, где тогда находился север? - допытывался с холодной невозмутимостью Осипов, освещая фонариком карту.

- Север был там... - Лейтенант ребрышком ладони нерешительно показал впереди себя. Спохватившись, быстро поправился: - Он повернул на юго-восток!

- Это совсем другое дело! Значит, примерно в направлении Устья, так?

- Совершенно верно! Мы уже заняли деревню, - бодро ответил начхим.

- Ну, а потом? - спросил майор.

- Потом нас выбили... Мы отошли за дома. Комэска приказал спешиться и завязал бой. Тут его убило...

Осипов вздохнул, устало вытирая вспотевшее лицо. Позвал

начальника штаба.

Почибут давно уже стоял рядом с ним.

Алексей понял теперь, что командир головного отряда допустил ошибку. Алексей знал: в Устье скрещивается несколько дорог, деревня прикрывается танками противника и пулеметными гнездами. Как туда попал эскадрон неизвестно. "Эх, мне бы пойти с ними!" - мелькнуло в голове.

- Ты послал Чалдонова? Пулеметы развьючили? - спросил Осипов у начальника штаба.

- Так точно.

- Или перепутали все, или струсили... Вот теперь и вышибай! продолжал Осипов. - За каким чертом он полез на Устье?

- Справа обстреливать начали, - заметил начхим.

- Вот и надо было ответить, а не на танки лезть! Танкам без вас наши артиллеристы дали бы жару, а вы и пушкам помешали, и сами ничего не сделали, да командира потеряли... Эх! - Осипов ударил кулаком по колену. Спешить надо еще четвертый эскадрон. Биктяшева ко мне. Остальным быть готовым к продвижению. Штадиву донести... - Майор поморщился, потер ладонью лоб. Уж очень он не любил писать такие, как он говорил, "донесения с хвостиком". - В общем напиши: ведем бой на рубеже таком-то... Противник собрал разрозненные силы, оказывает сопротивление. Только покороче пиши. Я тебя буду ждать в лесу, западнее Устья. Со мной - четвертый эскадрон, первый и разведчики. Не забудь: жду тебя - два километра западнее Устья, около сараев.

- Но там же немцы! - Почибут ткнул пальцем в карту. Он еще не понимал замысла командира полка.

- Вот и хорошо: есть кого бить. После серии красных ракет коноводам вести лошадей на галопе!

- А лучше...

- Ты делай, что я говорю! - с хрипотцой пробасил Осипов, круто повернулся и столкнулся лицом к лицу с Алексеем. - Ругают меня там, да? он принял Гордиенкова за посланника Доватора. - Бывает так, что в плохонькой речушке завязнешь, а большую пройдешь и ног не замочишь. Ничего! - Майор обнадеживающе кивнул головой. - А разведчиков надо дальше поставить. Нельзя на командном пункте верхами маячить.

Алексей оглянулся. Сзади, напирая друг на друга, подъезжали разведчики, с удивлением смотревшие на него.

- Товарищ лейтенант! - Торба поднес руку к каске.

- В ельник, хлопцы, коней замаскировать и ждать меня! - крикнул Гордиенков разведчикам.

Козырнув Осипову, Алексей попросил у него людей.

Майор отрицательно покачал головой.

- Людей я тебе дать не могу. Если хочешь мне помочь, продвинься с разведчиками до сараев, подними там шум, а я в это время атакую их на левом фланге.

- Но западнее Устья сильные укрепления. Командир эскадрона допустил ошибку, туда...

- Я это без тебя знаю, - резко оборвал его Осипов.

Подошел начальник штаба, отвел майора в сторону и что-то тихонько ему сказал. Осипов стащил с головы кубанку, прислушался. От Устья доносился глухой, утробный треск крупнокалиберного пулемета: стрелял броневик или танк. Отдельные выстрелы смешивались с длинными, захлебывающимися очередями автоматов.

Чалдонов сообщал, что в районе Устья немцы при поддержке танков перешли в контратаку. Соседняя дивизия должна была прорваться в направлении Болхино, но встретила сильное сопротивление. Возвратившиеся из тыла разведчики сообщили, что замечено движение пехоты противника в направлении Подъячее. Это уже было прямой угрозой левому флангу. Положение становилось критическим. Недаром Доватор предупреждал: "Не задерживать темпа движения, прорываться стремительно!"

Вся операция прорыва, продуманная до мелочей, начинала, казалось, трещать и рушиться.

Осипов отлично понимал, чего от него хотят комдив и Доватор, посылающие к нему каждые полчаса офицеров связи с требованием немедленного продвижения вперед. Командир эскадрона допустил ошибку, повернув на юго-восток. Надо было сделать как раз наоборот: "Решил избежать обстрела правого фланга... Надо было атаковать группу автоматчиков, засевших в сарае, а он повернул - и всполошил немцев в Устье... Ах, Полещук, Полещук!" Майору было до боли жаль погибшего командира. Он готов был простить ему ошибку - лишь бы видеть его живым!..

- Товарищ майор, надо что-то делать! - раздается над самым ухом Осипова спокойный голос начальника штаба.

- Надо атаковать в направлении Подвязье! Где четвертый эскадрон?

- Скоро должен быть, - отвечает Почибут.

Осипов неожиданно обрушивается на него градом упреков:

- Почему до сего времени нет четвертого эскадрона? И что ты спрашиваешь меня, как поденщик: "Что делать?" К командиру полка надо приходить с готовым решением! Надо было сразу же выдвинуть второй эскадрон и помочь Чалдонову!

- Я уже выдвинул его, приказал ввязаться в бой при необходимости. Чалдонову послал своего помощника с приказом перейти к обороне. Четвертый эскадрон не мог прибыть... - Почибут взглянул на часы. - Вы приказ отдали девять минут тому назад. - В голосе капитана и намека нет на обиду или волнение. Это действует отрезвляюще на майора.

- Так что же ты, милый, голову мне морочишь: "Что делать?"

- Я должен согласовать свои распоряжения. Может быть, вы примете другое решение.

- Тут, Анатолий Николаевич, не может быть никакого другого решения! Если мы прорвемся на Подвязье, изменится весь ход операции. Другая дивизия сможет повернуть на юг и беспрепятственно двигаться по нашему следу. Не забудь из Подвязья сообщить об этом штадиву... Если мы в семь утра не будем в Подвязье, то мы никуда не годимся. Из Курганова немцы могут подбросить резервы - и тогда... Понимаешь? Тут уж: умри, а сделай!..

Мысль о смерти показалась оскорбительной... "Еще не видел ни одной фашистской физиономии, а умирать собрался. Надо увидеть, надо, эх!.."

"А она лежит сейчас в нашем госпитале с оторванной ножкой..." Майор содрогнулся, стиснув зубы... Четвертый день преследует его эта фраза из письма сестры, где она сообщала, что жену Валю и сына Витьку расстреляли фашисты, а дочурке Варе во время бомбежки оторвало ногу. Было от чего майору Осипову скрипеть зубами...

Начальник штаба присел на пенек. Голова от усталости никнет на грудь. В лунном свете его худощавое, продолговатое лицо с глубоко ввалившимися глазами кажется неживым, словно высеченным из мрамора. Осипову становится неловко перед капитаном за резкий и несправедливый выговор. Начальник штаба не спит уже вторые сутки...

"Ты, Антон Петрович, крестишься двухпудовой гирей, а нервы распускаешь, как кисейная барышня..."

Между березами и высокими голыми соснами, похожими на темные восковые свечи, спешиваются разведчики. Гордиенков что-то говорит им вполголоса. Майор окликнул его:

- У тебя какая задача?

- "Языка" взять, - коротко отвечает Алексей. Он сразу включился в жизнь разведчиков и искренне верит в свои слова.

- Для этого тебе и понадобился целый эскадрон?

- Нет, мне хватит и десяти человек... Я проверю, что делается у сараев, и вам сообщу.

- Ну что ж!.. В общем мысль правильная. Удар надо было делать в юго-западном направлении. Я это сразу решил. Да вот Полещук... Ты только раньше времени шум не поднимай. Сначала со мной свяжись - там мои разведчики работают.

Мимо проходят бойцы четвертого эскадрона.

По земле распластались длинные движущиеся тени деревьев. Перешептываются верхушки елей, словно жалуются на сбитые пулями ветви, расщепленные стволы. Тревожно ржут тоскующие кони, и их ржание напоминает о чем-то мирном. Бессмысленным кажется грохот пушек и роскошный фейерверк из разноцветных ракет над темным лесом. На каски бойцов падают сосновые шишки...

Майор Осипов приказал Чалдонову, временно заменившему убитого Полещука, открыть по противнику ураганный огонь и при случае ложно демонстрировать мелкими группами атаку. Доватору на категорический приказ о немедленном продвижении коротко ответил: "Уберите с левого фланга немецкие танки".

ГЛАВА 3

Распределив станковые пулеметы по подразделениям, командир пулеметного эскадрона старший лейтенант Чалдонов хотел было двигаться с Полещуком в головном отряде. Однако командир полка приказал: "Находиться при штабе". Это было не по характеру Чалдонова.

"Будут, Митя, гонять тебя из эскадрона в эскадрон заместо связного", - думал Чалдонов. Да и не любил он вертеться на глазах у начальства. Кроме того, в душе он таил обиду на командира полка за взыскание, наложенное после смотра. При встречах с майором Осиповым он, почтительно козырнув, старался быстро пройти мимо.

"Колеса мои помешали, - думал он. - Вы не знаете, что можно сделать на колесах! Подождите..."

На марше, когда полк двигался на исходное положение, никто его не тревожил, никто никуда не посылал. Командир полка, любивший раньше "загнуть шутку", был хмур, задумчив и, казалось, совсем не замечал Чалдонова. Ни песню петь, ни

побалагурить - штабная тишина, нагонявшая смертельную скуку... То ли дело у себя в эскадроне! Сам себе хозяин - "кум королю, солнцу брат".

Когда головной отряд завязал на переднем крае бой, Чалдонов не мог утерпеть и попросился туда.

- Быть здесь! - коротко приказал Осипов, а на передний край послал помначштаба.

Поэтому, когда Осипов временно назначил Чалдонова на место погибшего Полещука, тот принял это назначение с откровенной радостью. Это было настоящее дело! Там находились его четыре станковых пулемета и самые лучшие расчеты, в числе их мастер стрельбы и разведки Криворотько.

Чалдонов разыскал эскадрон в поле, недалеко от леса, в густой, спутанной истоптанной ржи, в полукилометре от деревни Устье. Бой уже стих. Немцы бросали ракеты и строчили редкими беспокоящими очередями.

- Потерь много? - спросил Чалдонов у собравшихся командиров взводов.

Убитых оказалось двое и десять человек раненых, в их числе политрук.

Выслушав рапорты о наличии боевого состава и огневых средств, Чалдонов никак не мог точно выяснить и представить себе обстановку. Командиры взводов не знали, какими средствами располагает противник. Не знали, сколько у него танков, сколько пехоты.

- В общем играем втемную... - сухо заметил Чалдонов. - Надо окопаться. Средства у нас есть: станкачей целых четыре, одиннадцать ручных пулеметов, автоматов тридцать два. Это значит - сорок семь пулеметов. Богатство, драться можно!

- А если танки? - спросил кто-то.

- Бить гранатами! Ну а если туго придется, клинками рубать будем!.. сказал Чалдонов и рассмеялся.

Шутка хорошо подействовала на командиров взводов. Расходясь, каждый из них чувствовал себя спокойней, уверенней. Потеря командира начинала забываться, уступая место новым боевым заботам. Чалдонова в полку все знали как хорошего строевика, рубаку и джигита, песельника и весельчака, как храбрейшего командира и отличного товарища.

Проводив командиров взводов, Чалдонов вызвал младшего сержанта Криворотько и бойца Буслова из отделения управления. Буслов был тихий парень, услужливый, молчаливый. И уж если он за что-нибудь брался, то переделывать после него не приходилось.

В эскадроне порой злоупотребляли его услужливостью:

"Буслов, за сеном", "Буслов, ровик рыть", "Буслов, на кухню картошку чистить", "Буслов, почини уздечку", "Буслов, будь друг, сходи за меня в наряд".

Буслов на все просьбы и поручения бодро отвечал: "Есть!" Пригладит рукой белые как лен коротко остриженные волосы и идет выполнять то, что от него требуют. Чалдонов заметил эту несправедливость, дал кому следует нагоняй и взял Буслова под свое покровительство. Дело в том, что этот парень, пудов на пять весом, с железными мускулами, обладал замечательным голосом и считался самым лучшим подголоском в полку.

Как-то вечером Чалдонов собрал казаков и запел "Калинушку". Песня не клеилась: не хватало подголоска.

- А где Буслов? - спросил Чалдонов.

Послали разыскать. Оказалось, Буслов стирает белье чуть ли не на целый взвод...

С этого дня положение Буслова изменилось. Из ездовых его перевели в отделение управления. Поговорив с ним, Чалдонов узнал, что кадровую службу Буслов провел пограничником и отлично знал разведывательную службу.

"Попробуем сейчас его на деле", - поджидая Буслова, размышлял Чалдонов.

Буслов и Криворотько пришли минут через пять.

- Присаживайтесь!

Чалдонов устроил свой командный пункт в маленьком, наспех вырытом окопчике, в котором едва уместились три человека.

- Придется вам одну задачку выполнить! - всматриваясь в лица разведчиков, неясные в темноте, проговорил Чалдонов. - Надо пробраться в деревню, посмотреть, что немцы делают, и доставить мне сведения. - Он сказал это так, как будто речь шла о самой обыкновенной вещи: "Сбегай, браток, в магазин, купи закуски". - Главное, друзья, - продолжал Чалдонов, - осторожненько узнать, сколько танков, пушек, где пулеметные точки и можно ли к ним скрытно подойти. Запомнить каждый кустик. Ясно?

- Ясно, товарищ старший лейтенант, - ответил Криворотько.

- Есть! - с неизменной бодростью подтвердил Буслов.

- Теперь покурите на дорожку, а то там вряд ли придется.

Чалдонов раскрыл портсигар и дал разведчикам по листочку бумаги. Сам же он курил трубку.

- С огоньком - осторожно, а то засечет наблюдатель и начнет озорничать минами. Замаскируемся...

Укрылись все трое плащ-палаткой и стукнулись козырьками касок. Буслову Чалдонов дал прикурить первому. Спичка

осветила широкое, скуластое лицо Буслова, его застенчиво и добродушно улыбавшиеся серые глаза. Последним прикурил Чалдонов. Глубоко затянувшись табачным дымом, он продолжал:

- Стрелять в том случае, если нет другого выхода. Можно будет притащите "языка". Но это между прочим. Жду вас через два часа. Деревня тут рядом.

- Понятно, - снова подтвердил Криворотько. Буслов молча затоптал окурок.

Сбросив плащ-палатку, все встали. Чалдонов пожелал успеха, крепко пожал руки.

Разведчики, прижав к груди автоматы, скрылись во ржи. С минуту было слышно, как под их ногами шуршали спутанные стебли, потом все стихло.

Проводив бойцов, Чалдонов решил посмотреть расположение боевых порядков. Он направился в ту сторону, откуда доносился скрежет лопат, задевающих о камни, и приглушенные голоса казаков, рывших окопы.

- Уваров, сухарь хочешь? - послышался из темноты голос.

- Давай, пожую маленько...

Чалдонов живо представил себе, как Уваров разламывает поджаристый сухарь, с хрустом откусывает и жует. Ему тоже захотелось погрызть сухарь, но весь запас продовольствия находился на седле, в переметных сумах, а лошадей он отправил к коноводам первого эскадрона.

Пройдя в другой взвод, Чалдонов увидел, что здесь бывалые казачки уже успели окопаться, лежат тихо и переговариваются о событиях ночи.

- Промашку дали... Надо было прямо на галопе заскочить в деревню, спешиться, запалить хаты и бить, как кур... - слышался чей-то хрипловатый шепот.

- Как же ты заскочишь? - возразил кто-то густым басом. - Справа начали из пулеметов бить и ракеты прямо на головы бросать. Смотри, вон и зараз пущает...

Справа действительно темноту рассекали вспышки зеленых ракет. Они освещали неподвижное в безветрии ржаное поле.

- Сволочи мы, вот что я скажу, земляк! - снова раздался хрипловатый полушепот первого.

- Ну, это ты брось...

- Что "брось"? Командир эскадрона - в атаку, а мы - ни то ни се... Да воть хоть Митьку спроси.

- Верно, что тут толковать, замешкались, - подтвердил Митька и, помолчав, добавил: - Теперь я за командира фашистам ноги поотрываю! Эх, какого человека убили!..

- Не уберегли... На "ура" бы самим - глядишь, зацепились бы

за деревню. Может, и комэска жив был бы! - говорил хрипловатый. - Нами теперь комэска пулеметного будет командовать. У него не замешкаешься!..

- Я в первом бою связным был, - сказал Митька, - я видел, как он фашистов из пулемета крошил. Они пьяные, нахрапом лезут, орут. Глядим первый номер вроде как задремал у щита, по щеке кровь бежит. Готов. А немцы рядом почти. Комэска лег сам за пулемет - и давай! Каску сбросил, голова раскосматилась, чуб спутался, глаза прямо накалились. Страшно на него глядеть. Криворотько, пулеметчик, подполз и кричит: "Уходите, товарищ командир, вам тут не положено". А он все хлещет и хлещет. Криворотько у него ручки вырывает, а он не дает. Насилу вырвал и ругает старшего лейтенанта, а он ничего... "Ладно, ладно", - говорит. Потом мы пошли с ним на командный пункт. Так он даже ни разу не наклонился. А я раз пять на землю брякался. Кругом пули визжат и мины рвутся, а ему хоть бы что!

- Силен мужик! - согласился хрипловатый.

- А разве наш командир плохой был? - обиженно спросил тот, что говорил басом.

- Я ничего не говорю, - отозвался Митька, - про нашего тоже плохого не скажешь. Но только уж этот - больно отчаянный! Шашкой рубит обеими руками, как черт! А кобыла его ходит за ним, точно привязанная. Он ей скажет: "Нарта, посиди тут немножко!" Передние ноги поднимает кверху и сидит, как ученая собачка.

Где-то, совсем недалеко, озлобленно затрещали немецкие автоматы. По житу, словно прыгающие змеи, прошипели трассирующие пули. Близко застучал мотор, и гулко начал бить крупнокалиберный пулемет.

Разговор притих.

Чалдонов вздрогнул, инстинктивно пригнув голову. Пуля дзинькнула над самым ухом. "Больно отчаянный!.." Только что высказанные казаком слова о его храбрости звучали для Чалдонова как укор. Досадуя на себя за непроизвольный кивок, он поднял голову выше и пошел обратно на командный пункт. Вдруг землю тряхнул оглушительный взрыв. Чалдонов снова невольно пригнул голову и присел на колени. За взрывом последовало несколько автоматных очередей. И сразу все стихло.

Поднимаясь с земли, Чалдонов думал: "Посмотрели бы, как я луне кланялся... Где сейчас, Митя, была твоя душа? В пятках?.."

- Ты, Чалдонов, эффекты любишь, - говорили ему товарищи.

- В любое дело вложи душу, и получишь эффект! - отвечал он задорно.

И верно, с присущим его характеру бурным темпераментом,

он все делал в жизни со страстным увлечением. Вот и теперь, сидя в маленьком окопчике, он фантазировал о предстоящем бое. Мысленно ворвавшись в расположение немецкого гарнизона, он разгромил его и взял в плен немецкого офицера. Он допрашивал пленного, бросал ему в лицо какие-то необыкновенно важные слова...

Начинало клонить ко сну. Чалдонов устало закрыл глаза.

ГЛАВА 4

Из госпиталя в полк возвратился комиссар Алексей Абашкин. Добирался он до своего полка разными путями: до Ржева ехал с воинским эшелоном, до станции Земцы - на тормозе товарного вагона, до Емленя - попутной машиной, а до деревни, где должен был стоять полк, пришлось километров пятнадцать пройти пешком. На дорогу он потратил всего шесть дней. Правда, ему очень везло - сажали всюду беспрепятственно: располагал Абашкин немалым жизненным опытом, знал, как откровенно, по-человечески поговорить с начальником эшелона, дать папироску бойцу, поискать земляков. А когда нужно - земляк всегда найдется!..

Получив в политотделе армии назначение, Абашкин вышел на большак, поднял руку и прыгнул в кузов проходившей машины.

В день прорыва в тыл противника, увидев комиссара, Осипов вынул изо рта нераскуренную папиросу, отбросил ее в сторону, пошел навстречу, косолапя кривыми ногами, обнял, молча поцеловал Абашкина в губы и, тяжело переводя дух, сказал:

- Нашел все-таки?

- А ты как думал? - спросил Абашкин, перекидывая бурку с руки на руку.

Присмотревшись к Осипову, он был поражен переменой, которая произошла с майором: "Постарел лет на десять".

- Слушай, Антон, что с тобой?

- А? Да ничего... У меня знаешь, Алеша... - Осипов хотел что-то сказать еще, но только махнул рукой, наклонив голову, порылся в сумке, достал два конверта с разорванными краями, протянул было их Абашкину, но раздумал и бережно положил обратно.

- Ну, что же ты? - Абашкин так и остался с протянутой рукой.

- Не то... Не то... Это после! - Осипову хотелось поделиться мыслями, которые грызли его все последние дни и вышибали из колеи. Абашкин был свежий и подходящий для этого человек. Их связывала крепкая фронтовая дружба. Не обходилось дело и без стычек. На майора иногда находил этакий "чапаевский стих".

- Ты меня, дружок, не подкомиссаривай! Я старше тебя на

десять лет по партийному стажу и по рождению, - лукаво щуря свои добрейшие глаза, говорил Антон Петрович.

- Что ты, Антон, я просто тебе помогаю, а где нужно, учусь у тебя! отвечал Абашкин посмеиваясь.

Сейчас Осипов излил бы перед ним свою душу, но не было для этого времени: командиры подразделений пришли за получением боевой задачи.

И все же встреча с военкомом подействовала на Осипова успокаивающе. Абашкин своим оптимизмом, трезвостью мысли, веселой шуткой умел разогнать у любого человека мрачные мысли.

Осипов коротко доложил обстановку, сообщил уточненные данные о противнике и поставил задачу: двум эскадронам скрытно подойти к немецким позициям и штурмом захватить их.

- Главное - подойти так, чтобы сделать один стремительный бросок - и в траншеи. Никого живым не оставлять, крушить всех без всякой пощады!

- А пленные? - задал кто-то вопрос.

- Не брать! - коротко отрезал Осипов.

- Ты что, Петрович, резню хочешь устроить? - спросил Абашкин, когда разошлись командиры.

- Не будет у меня пленных, - сухо ответил Осипов и потребовал у адъютанта еще две запасные обоймы для пистолета.

- С каких пор ты начал отдавать такие дикие приказы?

Абашкин сразу, с первой минуты встречи, понял, что командир полка не в своей тарелке, но не мог сообразить, в чем дело.

- Дикие приказы? А ты знаешь - гитлеровцы матерей расстреливают вместе с ребятишками?.. Знаешь? Сжигают!.. Живыми закапывают!.. Ты что мне гуманность будешь проповедовать?!

Абашкин молчал. Он был поражен силой страшной ненависти, которая исходила от этого человека.

- Петрович!..

- Ну?

- Надо отменить этот приказ...

- Что? Что ты сказал? Отменить приказ? Ступай отмени, попробуй...

- И не подумаю. Я хочу, чтобы это сделал ты.

- Ступай учи свою бабушку, как чулки вязать. Молод еще мной командовать! - Осипов открыл портсигар; он был пуст.

Абашкин, вынув из кармана коробку папирос, спокойно протянул ее Осипову. Тот зверовато покосился, точно Абашкин подал ему гранату на боевом взводе, но папиросу все-таки взял.

Закурили...

В кустах командиры негромко отдавали приказания. Слышно было, как пересыпали патроны, гремели дисками пулеметов, щелкали затворами. Кто-то кого-то звал, кто-то кого-то разыскивал и, найдя, вполушепот ругал...

Шла ночная подготовка к бою.

Осипов и Абашкин продолжали горячо спорить. Военкома возмутило непостижимое упорство, с каким майор защищал свое распоряжение.

- Мы не должны пачкать себя, - старался убедить его Абашкин. - Другое дело - в бою...

- А это что - не бой? Первый эскадрон уже два часа дерется. Полещука убили... - возражал Осипов, но уже спокойней, с меньшей озлобленностью.

- Убивать безоружных - это недостойно советского человека. Пусть этим занимаются фашисты.

Затоптав папироску, Осипов тихо, но твердо проговорил:

- Ладно. Разъясни командирам и политрукам. Тех, которые не будут стрелять, а сразу сдадутся, - брать... Все. Больше ты меня не сватай...

- Хорошо. Я сейчас пойду и разъясню.

- Ты не ходи. Скажем начальнику штаба... Ну, доволен? Подкузьмил командира полка?

В ответ Абашкин только улыбнулся и покачал головой:

- Ты очень изменился, Петрович...

- Значит, жизнь такая наступила. Ты понимаешь, Алеша... - Умолк, задумался, глядя в землю. Медленно поднял голову, спросил: - А где у тебя пистолет?

- В госпитале забрали. Так и не нашел концов. У коноводов карабин возьму.

- Обязательно возьми... Сейчас в атаку пойдем. Я буду в боевых порядках. Вместе пойдем.

- Пойдем вместе... Только место командира полка не в боевых порядках, - нерешительно сказал Абашкин.

- Я буду там, где три эскадрона! А начальник штаба - с резервом. Хочешь - оставайся...

- Нет, уж пойдем!.. - Абашкин убедился, что командир полка способен сейчас на самый безрассудный шаг.

- За меня не беспокойся. Когда смерть ко мне будет подходить, я ее нутром почувствую. Мне еще ой как много жить!.. Определенно знаю: все будет в порядке. Двум немецким ротам, что впереди нас, мы сейчас устроим баню... Слушай, Алеша, - добавил Осипов мягко, - может, после ранения ты плохо себя чувствуешь? Остался бы...

Теперь рассердился Абашкин:

- Я сюда не говеть приехал!..

- Да я просто так, по-товарищески, - смущенно проговорил Осипов.

Разговору помешал связной, присланный Алексеем Гордиенковым. Это был Захар Торба.

- Мы доползли, товарищ майор, - сказал Торба, - да не до самого сарайчика. Заметили немца - у пулемета сидит, ракеты бросает, а иногда стреляет куда попало... Других не видно. Спят, я думаю. Туман такой, что ничего не видно. Наши там остались - наблюдать...

- Добре, - кивнул Осипов.

Еще в начале операции он знал, что около сараев разбросано повзводно около двух рот противника. Тут же отдал начальнику штаба приказание: выводить эскадрон на опушку леса. Гордиенкову написал записку, чтобы тот до сигнала шума не поднимал, а держал связь с четвертым эскадроном, который получил приказ обойти сараи с правого фланга. Второй эскадрон был снят и отозван в резерв.

Осипов распоряжался спокойно, уверенно, тем более что от Чалдонова пришло успокаивающее донесение: немецкие танки пока только передвинулись, а активных действий не начинают. Офицер связи принес от Доватора записку следующего содержания:

"Сынок!

Коробки сожгу. Если в 8.00 не будешь там, где надо, ты мне больше не нужен.

О т е ц".

Показав записку Абашкину, Осипов сказал:

- Сердится на меня... А я, может, злее их...

Записка Доватора подействовала на Осипова самым благоприятным образом. Никакие угрозы не могли бы пробудить в нем чувства такой ответственности, как одно-единственное слово: "Сынок".

Легонько взял Абашкина за плечи, и пошли они рядом, казалось, оба успокоенные и примиренные.

Майор не знал, что Абашкин только что предупредил командиров подразделений: в отношении пленных следует руководствоваться приказом Доватора, с которым ознакомил его начальник штаба, а не последним распоряжением командира полка...

Серое утро, туманное и холодное. Часы майора Осипова показывают точное московское время. Взглянув на святящийся циферблат, Антон Петрович представляет себе, как на

кремлевских курантах дрогнула минутная стрелка, спустилась вниз и замерла на цифре четыре.

"Наверное, сейчас в Москве и Спасская башня, - думал Осипов, - и древние зубчатые стены, и многоэтажные здания - весь огромный город окутан седым туманом, так же как и оставшаяся позади опушка леса, где коноводы держат в поводу лошадей, как и колхозное поле, нарытое снарядами, и цепи движущихся вперед бойцов с винтовками наперевес..."

Под ногами шуршит мокрая от росы, спутанная, повалившаяся, перезрелая рожь. Каски настороженно поворачиваются влево. Там во всю мощь заработала машина боя. Пулеметы станковые и ручные взревели буйным хором. Осипов дергает Абашкина за рукав. Остановились.

- Вот это так заиграли!.. - неожиданно сказал кто-то.

Осипов повернул голову и увидел трубача, нервно поправлявшего за спиной свой нехитрый инструмент. Он шел вместе с адъютантом Осипова и помощником начальника штаба.

- Трегубов, ко мне! - позвал Осипов трубача. - Ты, браток, все равно без дела... Галоп тут играть нельзя. Вернись назад, к коноводам. Садись на своего гнедка и - на галопе к Чалдонову, туда, где стреляют. Узнаешь обстановку - и обратно сюда. Понял?

- Понял, товарищ майор! - Трегубов повторил приказание, повернулся, придерживая болтавшуюся за спиной трубу, и рысцой побежал к лесу.

- Промолчи Трегубов - глядишь, и не заметили бы... - глядя ему вслед, проговорил, улыбнувшись, Абашкин.

Снова двинулись вперед, вслед за эскадронами.

Абашкин нес на плече коротенький карабин, на пояс привесил добрый десяток красноармейских подсумков, набитых патронами. Если не считать планшетки с коллекцией карандашей и двух гранат в карманах брюк, комиссар скорей всего был похож на охотника, вышедшего на тетеревиный ток.

Неожиданно справа раздались два трескучих, сухих выстрела, словно пастух, выгоняя стадо, щелкнул кнутом, а затем захлебывающимися очередями хлестнуло несколько пулеметов, и все звуки смешались в треске винтовочных выстрелов.

- Это, должно быть, четвертый! - замедляя шаги, проговорил Абашкин.

- Да ведь ракеты должны бросить!

Осипов ждал сигнала двумя красными ракетами. На левом фланге бой завязался неожиданно.

Биктяшев с двумя взводами по времени не мог еще закончить обходное движение. "Снова началась путаница", - подумал Осипов.

- А те два первых выстрела были из ракетницы, - сказал Абашкин. - В тумане ракет не видно...

И верно, туман был такой густой, хоть ложкой хлебай.

Ясно было: или Гордиенков с разведчиками заварил кашу, или Биктяшев. Догадка Абашкина была, пожалуй, правильной, но действовать наобум Осипов не хотел. Надо было снова уточнить обстановку, а время уходило. Рассветало. Туман начинал редеть и подниматься к небу. Можно было попасть под хорошее угощение с воздуха.

"Хоть бы Биктяшев связного прислал, - думал майор. - Вот тут и управляй боем..." Пришлось посылать для выяснения помощника начальника штаба. Стрельба становилась все ожесточенней. Правый фланг, продвинувшийся к сараям, попал под жестокий обстрел. Несли раненых. Когда Осипов с комиссаром подошли к боевым порядкам, казаки уже залегли. Осипов понял мешкать нельзя.

Разослав связных с приказанием: "Атаковать!" - майор выхватил пистолет и, подбадривая казаков, пошел вместе с комиссаром вперед.

ГЛАВА 5

Самые грандиозные планы рушатся порой с чрезвычайной быстротой.

Часть конницы Доватора, пробившаяся на правом фланге в направлении Болхино, встретив упорное сопротивление противника, замешкалась. Другая часть, в передовом отряде которой двигался полк Антона Петровича Осипова, присылала тревожные сведения.

Получив через офицера связи от Осипова записку о предполагаемой атаке танков, Доватор понял, что положение может стать серьезным. Лев Михайлович хлестнул стеком по голенищу, круто повернулся на каблуках. Под сапогом резко хрустнула сухая ветка, как бы напоминая ему, как трещит стройно выработанный план.

"Недоставало еще того, чтобы немцы разгадали замысел да бросили авиацию..." Этого он опасался больше всего. Сильно рванув ремешок с металлическим кончиком, застрявший в скобке полевой сумки, Доватор вынул блокнот. Адъютанту коротко приказал:

- Фонарь!

Пока Наумов светил, Лев Михайлович торопливо писал в блокноте. Вырвав листок, передал Наумову, на словах добавил:

- Свезешь лично в передовой отряд и передашь в руки майору Осипову. Скажи ему, что я требую немедленного продвижения вперед. Пришли ко мне Карпенкова и командира артдивизиона.

Начинало светать. Над головой Доватора, прыгая с ветки на ветку, точно потешаясь над неудачей командира кавгруппы, стрекотала сорока - враг наблюдателей и разведчиков.

Доватор поднял сучок и кинул его в сторону. Та, хлопая крыльями, исчезла за густыми верхушками деревьев. Подошли командир артиллерийского дивизиона и Карпенков. Лев Михайлович обернулся, встал, широко расставив ноги. Лицо его выражало досаду, точно он был недоволен, что его оторвали от важного и неотложного дела.

Сурово всматриваясь в черные усики артиллерийского капитана, он коротко, с исчерпывающей ясностью обрисовал всю обстановку, поставил задачу и объяснил последствия, если эту задачу не выполнить.

- Из района Устье немецкие танки нацелились в висок передовому отряду - затевают контратаку. Необходимо предотвратить... Иначе налетит авиация...

Капитан ответил одним словом - "Понятно" и побежал к своим телефонным аппаратам.

"Выполнит, честное слово, выполнит!" - глядя ему вслед, подумал Доватор. От этой уверенности по всему телу разлилась теплота.

- Андрей, знаешь что? - проговорил он вполголоса, обращаясь к Карпенкову.

- Что, Лев Михайлович?

- Я думаю, что мы с тобой не командиры, а тряпки... Не могли раздавить каких-то три немецких батальона! Срам, черт возьми!.. Разрабатывали планы, пыхтели над картами. Эх! - Доватор приподнял полы бурки и хлопнул ими, как крыльями. - Вот прилетят бомбардировщики - штук сто, мы и драпанем!.. А потом кончится война, сядут историки, начнут раскапывать архивы. "Ага... Доватор! Социальное происхождение крестьянин, белорус, член Коммунистической партии, звание - полковник, командовал казачьим соединением... Так, так. Начальником штаба у него был подполковник Андрей Карпенков - потомок вольного запорожского казачества. Ну-ка, посмотрим, что сделали эти кавалерийские щеголи для своей Родины?" Жизнь короткая, а слава долгая.

- Лев Михайлович! - взмолился Карпенков. - Что мы, если нужно, не сумеем как следует умереть?!

- Ты слушай и не перебивай! Я не боюсь смерти. Все, что хочешь, но только не позор...

В кустах, совсем близко, часовой кого-то резко окликнул, остановил. Послышался торопливый и раздраженный голос прибывшего и медлительно спокойный Павлюка.

- Мне к полковнику!

- Сейчас позову дежурного.

- Да мне срочно!

- Не шумите на капе...

- Мне лично нужно полковника Доватора!

- Часовой! А ну, пропусти! - крикнул Доватор, в душе ругая непреклонного часового.

Офицер связи лейтенант Поворотиев привез из дивизии донесение, в котором начальник штаба сообщил, что западнее Устья северную опушку леса занял противник. Связь с полком Осипова прервалась.

- Я приказал усилить передовой отряд еще одним полком. Вы вовремя передали приказ? - спрашивает Доватор у Поворотиева.

- Так точно! Но этот полк не может пробиться к майору Осипову. Передовой отряд окружен в районе Подвязье.

- С кем вы сочиняли эту легенду? - в голосе Доватора слышится холодное спокойствие.

Ему и в голову не могло прийти, что передовой отряд под командой испытанного командира мог попасть в такое положение. "А впрочем, ничего удивительного - пропустили, а потом замкнули брешь, отсекли танками с левого фланга... Накуролесил, накуролесил, кривоногий!.." Он даже не слушает, что говорит офицер связи.

- Там идет страшный бой, товарищ полковник, - говорит Поворотиев.

Доватор, сердито нахмурив брови, смотрит ему на ноги, на смятые, выпачканные в грязи полы шинели.

- "Страшный бой", - в раздумье повторяет Доватор. - Пушки лупят, пулеметы строчат, да? Ясно - вы очень устали, товарищ лейтенант. Передайте комдиву, что я приказал дать вам отдых... Начальник штаба! - крикнул сухо, по-командирски резко.

- Слушаю, товарищ полковник! - Карпенков вытянулся и с неизменной привычкой кадровика щегольски звякнул шпорами.

- По коням! - коротко приказал Доватор, обеими руками взялся за кубанку и надвинул ее до самых ушей. - Командный пункт передвинуть ближе к переднему краю. Выяснить обстановку комдива и доложить. На выручку передового отряда послать еще один полк. Мало будет - еще одни. Все пойдем, до последнего человека. Понял?.. Шагом - марш!

Поворотиев смотрел на этого человека как зачарованный, не отрывая широко открытых глаз. И усталость сняло как рукой - он готов был снова скакать по полкам, десять раз ползти на передний край, в штаб полка, падать на живот от пронзительного воя мин, прятать голову от пуль в воронке, вскакивать, снова

идти вперед по непролазным болотам, по пояс в вонючей воде...

- Командир группы меняет командный пункт! По коням! - раздается протяжный голос Андрея Карпенкова.

ГЛАВА 6

Вздремнувшего Чалдонова разбудил прибывший связной с приказанием от Осипова: по сигналу двух красных ракет начать беспокоить немцев пулеметным огнем и демонстрировать атаку.

Время близилось к рассвету. Буслов и Криворотько должны были бы уже вернуться. То, что их не было до сих пор, начинало тревожить Чалдонова. Разведчики - хлопцы дисциплинированные. Если не выполнили приказания в положенный срок - значит, определенно что-нибудь случилось.

Чалдонов набил трубку и, укрывшись палаткой, прилег в окоп. Шагах в двух похрапывали связные. Машина войны утихомирилась: ни шороха, ни звука.

Чалдонов курил и перебирал в памяти все известные ему случаи с разведчиками. Чего не передумаешь в часы ожидания!..

"Наступили на мину и взлетели на воздух... Или поползли - и напоролись на секрет..." Разведчики опытные - пограничники. Не верилось, что могут погибнуть такие замечательные ребята. Перед глазами стояло улыбающееся застенчивой улыбкой лицо Буслова, озорные, смышленые глаза Криворотько...

Мысли Чалдонова прервал резкий, похожий на тяжкий металлический стон выстрел. Зажигательный артснаряд, осветив огневым хвостом склоненные колосья на ржаном поле, с воем пролетел над головой. Следом за ним второй и третий...

Чалдонов понял, что немцы, заметив отдельный сарай, находившийся позади боевых порядков эскадрона, хотят зажечь его, чтобы осветить цели для атаки. Значит, получили сведения о слабости заслона и хотят его раздавить... "Неужели разведчики погибли?.."

В сером тумане наступающего утра сквозь трескотню выстрелов все явственней доносились гул танковых моторов и скрипящее лязганье гусениц. Связные, приподняв головы, тревожно озираясь по сторонам, торопливо затягивали на подбородках ремешки касок.

Прибежавший с наблюдательного пункта сержант доложил, что на опушке леса, северо-западнее деревни Устье, появились три средних танка и один тяжелый. С тревогой в голосе сержант спросил Чалдонова:

- Может, перенести наблюдательный пункт?

- Куда перенести? Впереди есть заслон! - резко ответил Чалдонов, хотя сам отлично понимал, что едва ли заслон удержится. Атаку отбивать нечем. Пушки остались позади. Одни

гранаты да бутылки с горючей смесью.

- Продолжать наблюдение, - приказал Чалдонов сержанту. Связных разослал к командирам взводов с приказанием: приготовить гранаты и бутылки. В штаб отправил делегата связи, нарочито громко приказав: Доложи командиру полка обстановку. Скажи, чтобы скорей прислал пушки!..

Сказал он это лишь потому, что знал: связные передадут командирам взводов: "Комэска послал за пушками". А это всегда поднимает настроение.

Когда рассвело, туман окутал поля и опушку леса сплошной серой пеленой.

Немцы избрали центром своей атаки левый фланг эскадрона. Медленно продвигаясь, скрежеща гусеницами, танки, нащупывая цель, обстреливали поле. Сквозь грохот выстрелов и моторов доносились чужие, гортанные крики - за танками двигалась пехота. Автоматчики простреливали поле длинными очередями, им вторили пулеметы танков.

Чалдонов приказал отвести левофланговый взвод на правый фланг и перестроил боевые порядки фронтом на восток. Таким образом, рота 9-го немецкого батальона, сопровождавшая танки, попала под огонь трех взводов, располагавших тремя станковыми пулеметами и семью ручными, не считая автоматов и винтовок.

Когда гитлеровцы подошли примерно на сто метров, Чалдонов приказал открыть огонь. Рота немцев, отсеченная от танков, была почти целиком истреблена.

Крики немцев и стрельба быстро утихли. Потеряв в тумане видимость и оторвавшись от пехоты, танки беспомощно заметались по полю и повернули назад. Вражеская атака была отбита.

Туман окончательно рассеялся. С наблюдательного пункта Чалдонову были ясно видны очертания деревенских построек с серыми крышами.

Танки подошли к окраине деревни и остановились, потом начали разворачиваться для второй атаки. Но в это самое время слева от эскадрона дружно ударили пушки. Голоса их были звонкие, родные. Чалдонов сразу понял, что заговорили наши сорокапятимиллиметровые. Стреляли беглым огнем, сразу из четырех орудий. Один танк дрогнул и остановился, выпустив черную полосу дыма.

Видя замешательство немецких танков, начавших отходить к деревне, Чалдонов мгновенно оценил обстановку и принял смелое до дерзости, но тактически правильное решение...

Опушка леса, где укрылся Алексей Гордиенков, находилась примерно на расстоянии двухсот метров от сараев.

Более двух часов Алексей следил за поведением гитлеровцев. Вели они себя на редкость беспокойно. Почти каждые пять минут сигналили зелеными ракетами, палили напропалую из пулеметов.

Гордиенков приказал Шаповаленко, Салазкину и Воробьеву подползти поближе и посмотреть, нет ли где свободного прохода.

Вскоре вернулся Торба с запиской от командира полка и привел с собой Биктяшева.

- Как тут дела, Алеша? - Хафиз опустился на землю рядом с Гордиенковым.

- Тише... У тебя какая задача? - не отвечая на вопрос, спросил Алексей.

- Атаковать! - коротко ответил Хафиз.

Гордиенкову хотелось прочитать записку Осипова, но фонаря ни у кого не оказалось. Торба передал содержание записки на словах, но частью забыл, частью перепутал.

- Майор казав, шоб связаться вот с ними. - Торба показал на Биктяшева.

- Зачем же мне с ним связываться, когда он здесь? - спросил Алексей.

Захар помолчал. Подумав, продолжал:

- А нам не шуметь, пока не будут кинуты две ракеты...

- Кто должен сигналить?

- Зараз я не могу сказать, - смущенно ответил Торба. Он не понял, кто должен бросить ракеты, а переспросить не догадался.

- Ты что же, друг милый, приказание не повторил? - спросил Гордиенков. Торба молчал. Не видя выражения лица Алексея, Торба думал, что тот смотрит на него в темноте злыми глазами.

Выручил Биктяшев.

- Я должен бросать ракеты. В чем дело, Алеша?

- Ты? - недоверчиво переспросил Алексей.

- Конечно, я... два штук! - невозмутимо отвечал Хафиз.

Алексей сердито сплюнул и шепотом проговорил:

- Все равно надо записку прочитать! Ты тоже путаник хороший...

Алексей встал, зашел в густые кусты и, истратив полкоробки спичек, записку все-таки прочитал.

Позвал Биктяшева.

- Тебе приказано совершать обходное движение и атаковать противника с запада.

- А я тебе что сказал?

- Да ты, Хафиз, и задачу-то хорошенько не уяснил. Тебе для этого надо пробраться в тыл противника.

- В тыл? - удивленно спросил Хафиз.

- Обязательно. Иначе нельзя понимать задачу. Если пойдешь в лоб, налетишь на станковые пулеметы, и от твоих двух взводов одни копыта останутся... - Подумав, Алексей добавил: - Я с разведчиками проберусь первым, а ты за мной.

- Почему, Алеша, ты первый? Я имею свою задачу, а ты свою. Понятно?

Еще в детстве, когда затевалась какая-либо игра, Хафиз никогда сразу не соглашался с планами Алешки, обязательно вносил какое-нибудь изменение. Так и теперь он начал настойчиво возражать. На доводы Алексея, что он лучше знает обстановку, Биктяшев отвечал:

- У меня тоже все записано на карте. Я имею приказание командира полка самостоятельно... Понятно?

Подавляя раздражение, Алексей спросил:

- Как же все-таки ты решил действовать?

- Иду тихо, как волк, без всякой стрельбы... Неожиданно пускаю две ракеты, сразу прыгаю в траншей, беру за горло, всех рубить, душить, колоть! Понятно?

- Ладно! Придут разведчики, выясним положение - и делай как знаешь.

- Это правильно, - согласился Хафиз.

Разведчики вернулись под утро. Сидя под елкой и склонив голову к коленям, Шаповаленко жадно глотал из пригоршни табачный дым и докладывал:

- На такие позиции, товарищ лейтенант, можно начихать и шагать дальше, а "языка" добыть - самый пустяк. - Филипп Афанасьевич еще ниже опустил голову и чихнул. - Щоб ты сказилась, окаянная, прилипнет такая к носу оказия, як будто кто там соломинкой ковыряет...

- С ним ходить в разведку невозможно! - возмущенно прошептал Салазкии.

- Чихает, товарищ лейтенант, ну прямо как будто пуд табаку вынюхал! перебил Воробьев. - Хоть бы нос пилоткой зажимал. Как чихнет - так ложись. Замучил!.. А немец стоит около сарая и в нашу сторону глядит. Ну, думаю, сейчас будет нам "апчхи". А другой у пулемета - ракеты прямо нам на голову кидает...

В темноте Алексей беззвучно смеется. Ему весело. Забыл и про больную ногу, ноющую под промокшей повязкой. Не терпелось пойти туда, откуда только что вернулись разведчики, эти бесстрашные, умные хлопцы. Молодцы! Облазили немецкую оборону, проверили все, как рачительные хозяева, лежали под носом у часового и вернулись целы и невредимы. Вывод был ясен: немцы успокоились и спят крепким, предутренним сном; бодрствуют только пулеметные посты и часовые. Надо

действовать!..

- Пошли, хлопцы! Воробьев и Салазкин - вперед. Филипп Афанасьевич и Торба - сзади, в группе прикрытия. Только не чихать!.. - Повернувшись к Биктяшеву, Алексей тихо спросил: - Ты, Хафиз, ракетницу мне дашь? - Не дожидаясь ответа, решительно сказал: - Сигналить буду я! С южной стороны открою по сараю огонь. Они начнут выбегать, ну а ты уж тут не зевай...

- Нет, не согласен!..

Алексей не дал ему договорить.

В темноте нащупал рукой пряжку командирского ремня Биктяшева. Под ней оказалась ракетница. Держась за ее рукоятку, Алексей тихо сказал:

- Не дури, Хафиз! Драться будем вместе. - Выдернул из-за пояса у Биктяшева ракетницу. Круто повернувшись, пошел к разведчикам. - Нужно будет, умрем вместе!

Ошеломленный Хафиз с минуту стоял не двигаясь. Потом догнал Алексея, с усмешкой прошептал:

- Нервный ты человек, Алеша! Возьми-ка еще два ракетных патрона... Да пулеметик прихватил бы ручной... Я даю, Алеша!..

Шли тихо. Впереди бесшумно двигался Яша Воробьев. Встанет он замирает вся группа, присядет - то же делают и остальные.

Спят в сарае фашистские солдаты...

Алексей Гордиенков поднимает руку с ракетницей.

Не успели еще погаснуть свечки кумачовых ракет, как пулемет Дегтярева в крепких руках Яши Воробьева ударил по сараю.

Следом за ним заговорили трескучие автоматы, загремели выстрелы короткоствольных карабинов. Над сараем взвился столб кровавого пламени. Крышу сорвали гранатные взрывы. Послышались крики.

ГЛАВА 7

Полковой трубач Трегубов, пробираясь на командный пункт первого эскадрона, угодил на краю соснового бора под жестокий огонь и потерял коня. Чувствуя, что конь валится на правый бок, Трегубов с казачьей ловкостью вырвал ногу из стремени и соскочил на землю. Упав на живот, он слышал, как над его головой со свистом пролетал огненный веер трассирующих пуль. Трегубов все плотнее прижимался к земле, хвоя царапала ему щеки.

Когда огонь стих, Трегубов, приподняв голову, увидел конские ноги с блестящими потертыми подковами, дергавшиеся в предсмертной судороге. Он подполз к седлу, расстегнул переметные сумы, трясущимися руками стал перекладывать

патроны в вещевой мешок.

- Ах, Мишка! Мишка! - шепнул он, не утирая катившихся по щекам горячих, попадавших ему в рот слез. На шелковистой, кудрявой от пота конской шерсти выше передней ноги вздрагивала и билась холодеющая мышца...

Трегубов, вскинув вещевой мешок на плечи, пошел навстречу грохотавшему бою. На фоне ржаного поля далеко была видна его фигура, а за его спиной, как цветущий мак среди колосьев перезревшей ржи, горел на трубе малиновый вымпел.

Чалдонов стоял на сером огромном валуне и смотрел в бинокль на горевший танк.

Он торопливо прочитал донесение, отрывисто сказал:

- Опоздали!.. - Скосив черные глаза, посмотрел на широкое, исцарапанное лицо Трегубова с грязными потеками на щеках.

- Коня... - заговорил было трубач. У него вздрагивала и тряслась нижняя челюсть.

Но Чалдонов не видел и не слышал его. Он снова поднес бинокль к глазам. Посапывая, тяжело дышал.

- Трегубов, - не поворачивая головы, крикнул Чалдонов, - быстро играй: "Коноводам первого эскадрона на галопе подать лошадей!.."

- Да что вы, товарищ старший лейтенант! - Трегубов от удивления раскрыл рот.

- Играй, говорю! - властно крикнул Чалдонов. - Кони чтобы были здесь через пять минут!.. Ну? - Рванул от глаз бинокль и зажал его в кулаке. Он был страшен в эту минуту и красив.

Трегубов рукавом гимнастерки вытер дрожащие губы, приложил к ним трубу, надул щеки. "Трата-а-а-а! - резко взвизгнула труба и запела: Коноводам подать лошадей!.." Звонко и далеко полились звуки, убегая в густую зелень леса, проникая в самые тайные его уголки.

Неизвестно, что могли подумать немцы, но казаки, забывая о свисте пуль, поднимали из окопов головы и с изумлением прислушивались.

Что-то необыкновенно волнующее было в этих певучих звуках, призывное, тревожное, ободряющее!..

Через двадцать минут эскадрон был на конях.

Чалдонов, оставив на поле несколько пулеметов, приказал выдвинуть их ближе к деревне и дать огонь по северной окраине, не выпуская немецкую пехоту. После крика "ура" огонь прекратить. Сам же на широком аллюре повел эскадрон в направлении Подвязье - на юг. Но, войдя в ближайший лес, неожиданно круто повернул на восток. В лесу объяснил людям задачу, коням дал отдохнуть, оставленных для прикрытия

пулеметчиков скрытно подослал к деревне на расстояние трехсот метров и с клинками наголо, на сумасшедшем карьере ворвался в Устье с запада.

Темно-серая, с черной гривой, похожая на мустанга Нарта внесла Чалдонова в деревню первым. Фашисты кинулись врассыпную по огородам. Трескуче щелкали выстрелы, рвались гранаты. Чалдонов, поблескивая клинком, носился по деревне. Уцелевшие два танка повернули и покатили в направлении Митьково, где их хорошо встретил посланный Доватором артиллерийский капитан с черными усиками. Третий подбитый танк спешенные казаки закидали гранатами. Взорвали десять автомашин. Не успевшие бежать фашисты были порублены, один захвачен в плен.

Вся операция была проведена в течение получаса, без единой потери.

Вспоминая впоследствии эту операцию, Лев Михайлович Доватор шутя говорил газетным корреспондентам: "У меня есть такие хлопцы - в конном строю танки атакуют и клинком рубят..."

Бой утих. Казаки выводили трофейных куцехвостых бельгийских лошадей и по распоряжению Чалдонова запрягали их в немецкие, на высоких колесах, фуры. Трегубов с трубой за плечами уселся на рослого битюга и нещадно колотил его шпорами по бокам. Лошадь слушалась плохо, шла неровной, тряской рысью. Трегубов, неуклюже и смешно подпрыгивая, подъехал к группе казаков.

Сюда же подъехал и Чалдонов. Нарта, не успевшая остыть после боя, все еще всхрапывала, рвала повод, сверкая черными глазами, выгибая шею, сердито косилась по сторонам.

"Не конь, а черт", - с завистью подумал Трегубов. Сравнявшись с группой казаков, Чалдонов поднял вдвое сложенную нагайку, повертел над каской и, медленно опуская ее к стременам, зычно подал команду: "По коням!"

Казаки быстро выводили коней.

- Товарищ комэска! Тут пленный! - крикнул кто-то.

Чалдонов повернул голову. Среди расступившихся казаков стоял в потертом, мутно-сером френче высокий, краснолицый, с рыжими усами немец. Рядом с ним, с автоматами в руках, выпачканные в грязи, стояли Буслов и Криворотько.

- Где ж вы были? - крикнул Чалдонов, сдерживая кипевшую в груди радость. - Быстренько докладывайте! Времени у нас нет! - Чалдонов нетерпеливо постучал плеткой по передней луке.

Буслов не спеша счищал с рукава грязь. Сунув руку в карман, достал чистенький, аккуратно сложенный платок и начал протирать им автомат.

- Все сработали честь по чести, товарищ старший лейтенант! докладывал Криворотько. - Засекли точки, автомашины, замаскированные около хат, подсчитали - девять штук. Вернулись обратно, лесочек прошли, на поле очутились - метров восемьсот осталось до вас. Буслов идет впереди, я сзади прикрываю. Смотрю, он встал и машет мне рукой. Подхожу - режет ножом телефонный кабель. "Правильно", - говорю. Вырезали метров пятьдесят. Решили закурить. Рожь такая - на коне можно спрятаться. Я быстро наглотался, а он сидит себе покуривает - не торопится. "Пойдем", - говорю. "Подожди маленько. У нас, - говорит, - время еще есть". - "Откуда ты знаешь? Наши с тобой часы-то у мастера..." - "А я, - говорит, - по звездам знаю: на охоту без часов хожу. Маленько посидим, - говорит, - связь придут чинить, мы живого немца и сцапаем..." Я ему говорю: "Нельзя, просрочим". А он свое: "Маленько просрочим - не беда! Комэска сказал, если будет возможность - поймайте "языка". Надо попробовать". Ну и попробовали... Век не забуду!

Криворотько тыльной стороной ладони вытер вспотевший лоб и продолжал:

- Слышим - идут, бормочут по-своему. Немного - три человека вроде по голосам. На машине приехали, мотор гудит, а они слезли и идут. Буслов говорит: "Ты двух бей, а я одного схвачу". Так и решили. Ну, ждем, значит. Лежим. Слышу - собака: "гав! гав!.." Меня даже мороз по коже подрал...

- Да!.. - Чалдонов выразительно покачал головой. Он понимал, что значит встретить сторожевую собаку.

- "Уходим", - шепчу я ему, а он меня цап за шиворот: "Куда?"

- Да разве можно от овчарки удрать? - вставил все время молчавший Буслов.

- Пока он меня за воротник держал, - продолжал Криворотько, собака-то со всего маху на нас и налетела. Он стукнул ее прикладом, а немцы вот они, рядом... Орут! Мать честная! Я из автомата свалил одного, Буслов - другого, а этот бежит! - Криворотько показал на пленного. Буслов догнал его и толкнул разок. Слышу - где-то рядом мотор во ржи тарахтит. Надо бы сматываться - так нет, Буслов гранаты взял и пополз. Слышу: трах! Это он танкетку прикончил. А я с этим рыжим вожусь. Гляжу Буслов бежит, а собака-то очухалась да опять на него. Ну, пристрелили ее, а уж уходить некуда: день. Так и сидели в лесочке, пока не услышали - наши "ура" кричат. Вот и все.

Поблагодарив разведчиков за службу, Чалдонов приказал Криворотько поставить станковые пулеметы на трофейные брички и двигаться вслед за эскадроном. Наскоро написал в штаб полка

донесение и, протягивая Буслову, сказал:

- Передать лично командиру полка. И пленного отведешь. Ты схватил ты и веди.

Построив эскадрон, Чалдонов широкой рысью двинулся на Подвязье.

ГЛАВА 8

До командного пункта дивизии штаб Доватора вел Поворотиев. Лейтенант был утомлен до последнего предела, а отдохнуть, как приказал Лев Михайлович, он так и не успел.

По лесу ехали бодрым шагом, без особых предосторожностей.

В темноте, дробясь и перемешиваясь с конской поступью, цокали подковы, звякали привьюченные клинки, доносился сдержанный людской говор, мелькали вспышки украдкой зажженных цигарок. Узкая тропка, по которой двигался штаб, сворачивала то вправо, то влево, уходила все глубже в лес. Неожиданно Доватор наехал на круп стоявшего впереди коня. Сокол встревоженно остановился. Лев Михайлович разглядел в темноте силуэты всадников. Это были дозорные.

- В чем дело? - спросил Доватор.

- Болото, товарищ полковник...

Доватор выехал вперед. Следом за ним - Карпенков. Увидев Поворотиева, Лев Михайлович спросил:

- Куда заехали, ваше степенство?

- Он сам не знает куда! - сказал Карпенков.

- Тут тропинка должна быть! - пробормотал Поворотиев. Он понял, что спутал ориентиры и заблудился. Вглядываясь в темный, мрачный лес, он передергивал поводья, мучил коня, мучил молчаливо стоявших в ожидании людей, а больше всего - самого себя. Не так страшна была яростная ругань Карпенкова, как молчание Доватора.

- Начальник штаба, ориентируйтесь, - сухо приказал Доватор.

Карпенков, проклиная все на свете, пригнувшись к передней луке, водил фонариком по развернутой карте. Но, казалось, легче было сосчитать на небе звезды, чем ориентироваться в кромешной тьме смоленского леса, с его сотнями тропок, дорожек и просек. Пришлось возвращаться обратно. На командный пункт штаба дивизии прибыли все же вовремя. Начинало светать.

Начальник штаба дивизии капитан Ковров, узкоплечий, с узким лицом, сидел у костра и сушил портянки.

Доватор подъехал к костру; не слезая с коня, спросил:

- Где комдив?

Капитан быстро вскочил, хотел было козырнуть, но в правой руке у него была портянка. Он стоял в одном сапоге,

наброшенная на плечо бурка сползла на землю. На груди светился орден Красного Знамени. Блеснув сплошным рядом золотых зубов, капитан ответил:

- Комдив, товарищ полковник, на переднем крае.

- А что делается на переднем крае? - постукивая стеком о шпору, спросил Доватор.

- Разрешите, товарищ полковник, чебот надеть! - Капитан, улыбнувшись, показал на босую ногу.

- Надевайте.

Доватор переменил на седле посадку, глубже продвинул в стремена носки сапог. Взглянув на сапоги капитана, заметил, что они были все в грязи, а сам капитан был мокрый до пояса.

В стороне казаки копали большую квадратную яму, похожую на блиндаж. Повернув голову, Доватор спросил:

- Это что?

- Могилку роем, товарищ полковник, - ответил пожилой казак и, всадив лопату глубоко в землю, почтительно вытянулся.

Тут только Доватор увидел, что под елью на плащ-палатке лежит труп капитана Наумова.

Лев Михайлович опустил голову, отвернулся, точно вспомнил в ту минуту, что на войне за каждым ходит по пятам смерть.

Стрельба постепенно стихала, удаляясь; только на правом фланге изредка вспыхивала ожесточенная перестрелка, но вот и она резко оборвалась. Доватор знал, что там все еще безуспешно пыталась пробиться кавдивизия.

На небе разгоралась заря, но в тени густых деревьев было сумрачно и неприветно.

- С передовым отрядом нет связи более двух часов, - докладывал капитан Ковров. - Рация молчит. Посланный на усиление полк Бойкова залег. Осипов сначала замешкался, а потом прорвался. На узком участке противник закрыл брешь. Надо полагать, полк Осипова окружен в отдельном лесочке, западнее Устья. Так говорят раненые. Головной отряд Бойкова немцы обстреляли в районе сараев...

Доватор понял, что обстановка неясная, запутанная, и приказал Карпенкову снять с правого фланга еще два полка и приготовиться к прорыву усиленной группой. Повернул коня и поехал в полк Бойкова.

Получив приказание Чалдонова, Буслов без особого труда разыскал прежний командный пункт, но там уже никого не было. Устало опустившись на пенек, Буслов вынул из кармана роскошный, с кружевами, кисет, закурил, раздумывая, куда ему теперь следует направиться. Немец, показывая руками на землю, что-то заговорил, поглядывая на Буслова.

- Чего ты бормочешь, как глухарь? - спросил Буслов.

Немец продолжал показывать на землю и тыкал себя в грудь.

- Вот, поди ж, разбери его! Ты меня не тревожь, а то по шее дам. Сядь лучше и сиди!

Буслов махнул рукой.

- Данке, данке! - немец одобрительно кивнул головой и сел.

- Что - танки? Горят за мое почтение!.. Ты уж лучше помалкивай...

Немец протянул руку, давая понять, что он просит курить.

- Ты, значит, курить захотел? Чтобы такой кисет стал поганить? А знаешь, что мне за это будет? Меня Маринка в Волге утопит... Ты можешь понимать, кто такая Маринка или нет? Капитан парохода, понял? Невеста моя. - Буслов прищурил глаза, и в них заиграла добродушная улыбка.

- Я, я, - бормотал немец, кивая головой.

- Что "я-я"? Ты меня собакой травил, а теперь закурить просишь. Какой деликатный! Совесть у тебя есть? Или вы привыкли с чужой сковороды блины жрать? Да что с тобой говорить, все равно ни бельмеса не понимаешь... На уж, покури. - Буслов захватил щепотку табаку и подал немцу.

- Данке, данке, - гитлеровец подобострастно склонил голову.

Заплевав цигарку, Буслов приподнялся, тревожно огляделся по сторонам, соображая, куда ему идти. По удаляющимся выстрелам он понял, что полк ушел вперед. Подумав немного, приказал немцу двигаться в обратном направлении, то есть на запад.

Не заметь Буслова дозорные, высланные Доватором, ему еще много пришлось бы пострaнствовать по лесу.

Доватор спешился со штабной группой на опушке леса и стоял, поджидая ускакавших к Буслову дозорных. Узнав, что Буслов только что из Устья, Доватор сначала не поверил.

- Ты, может быть, перепутал?

- Никак нет, товарищ полковник! - Буслов отрицательно покачал головой. Спохватившись, добавил: - Я к майору, с донесением. - Сняв каску, Буслов достал свернутую трубочкой бумажку и подал Доватору.

Прочитав донесение, Доватор молча передал его Карпенкову. Оказывается, многое зависело от своевременной доставки донесений.

- Красноармейцев Буслова и Криворотько, - Доватор посмотрел на Карпенкова, - при первой возможности привести ко мне. Криворотько я знаю, это пулеметчик. А Буслова... Ты знаешь его? - Лев Михайлович пристально вглядывался в серые улыбчивые глаза Буслова.

- Буслов - это я, товарищ полковник...

- Ты Буслов? - Доватор был поражен скромностью этого человека. Вся его тяжелая фигура, маленькие спокойные глазки никак не сочетались с его дерзким подвигом, который был подробно описан в донесении Чалдоновым.

- Карпенков, слышишь! Это Буслов!

Доватор крепко сдавил твердую, как камень, руку Буслова и подвел смутившегося парня к стоявшей вблизи группе командиров.

В полку подполковника Бойкова, куда через полчаса приехал Доватор, он застал связного, прибывшего от Осипова. Из донесения, которое прислал майор, Доватор узнал, что передовой отряд в 5.00 прорвался в направлении Подвязье и сосредоточился в двух километрах северо-восточнее Заболотской. Одновременно Осипов сообщил, что в районе Макарово большое количество пехоты противника с артиллерией спешно переправляется на западный берег реки Межа.

- Молодец майор, не подвел! - передавая донесение Карпенкову, медленно проговорил Доватор. - Осипов разыграл блестящее начало! Оторвался почти на восемь километров и может очутиться в трудном положении. Надо немедленно помочь, а то немцы прижмут его.

- Сейчас можно быстро продвинуться! - решительно сказал Карпенков. Он уже понял, что противник из района Макарово может подбросить пехоту и закрыть брешь.

Но на самом деле обстановка была значительно хуже, и Карпенков не продумал ее до конца. Правильно оценили ее только два человека: Доватор и полковник Атланов, комдив.

Все штабы, вьючные кони с боеприпасами и продовольствием, а также и основные резервы еще не тронулись с места и находились в лесу северо-восточнее станции Ломоносово. Движение дивизии застопорилось в направлении Болхино - там немцы оказывали упорное сопротивление. Пропустить колонну через узкую полоску прорыва было не так-то просто. На это надо было иметь достаточный срок, а от Макарова до Устья расстояние исчислялось двумя километрами. Немцы в любое время могли двинуть на Устье пехоту, ударить по движущейся колонне во фланг и рассечь ее пополам. Кроме того, противник мог в любое время бросить авиацию.

- Надо продвигаться, Лев Михайлович, время идет! - Карпенков нетерпеливо глянул на часы. - У нас один выход...

- Это не выход! - Доватор холодно пожал плечами и выразительно посмотрел на него воспаленными от бессонницы глазами.

В жизни каждого одаренного человека бывают необыкновенные минуты: словно вдруг просыпаются все силы таланта.

Лег Михайлович вскинул голову, надвинул кубанку до самых ушей, крикнул:

- Коня! - И тут же спокойно добавил: - По коням, штаб.

Сергей знал этот голос и подал коня рысью с места.

- В направлении Курганово, немедленно понимаешь, Карпенков, немедленно! - подчеркнул Доватор. - Занять лес западнее Макарова. Там-то и необходимо прикрыть основные силы Атланова. Головная колонна подошла, пропускай быстро!

Карпенков побежал выполнять приказание. Он уже понял, в чем заключалась разумность решения Доватора. Оно имело два главных преимущества: ликвидировало опасность нападения с левого фланга и укрывало конницу в лесу от возможного налета авиации...

Это был один из замечательных маневров Доватора. Наступающих на правом фланге в юго-западном направлении конников Медникова Лев Михайлович неожиданно повернул на юго-восток - на Курганово. Никто этого предположить не мог. Но Доватор, принимая решение, понимал, что огромные лесные массивы в этом районе давали возможность свободно маневрировать и наносить противнику внезапные удары одновременно во многих местах.

Гитлеровское командование было введено в заблуждение и не могло определить численность кавалерийского соединения. В панике оно объявило цифру 100 000!

Конники Медникова, оставив на правом фланге небольшой заслон, быстро свернувшись в походные колонны, стремительно двинулись через лесные заросли на Курганово. Рассыпав эскадроны веером, начали уничтожать ближайшие гарнизоны.

Тем временем полки Атланова, опрокинув заслоны противника, развернулись фронтом на юго-запад и на запад, продвигаясь все дальше в тыл. Весь дальнейший ход операции начал развиваться так успешно и быстро, что противник не мог сразу опомниться и организовать какое-либо сопротивление. Бежавшие из гарнизонов немцы всюду попадали под казачьи клинки.

- Мы ничего не могли сообразить, - показывал в этот день пленный гитлеровский офицер. - Сразу была потеряна связь между батальонами и полками. Мы не могли знать, где находятся наши начальники, и не получали приказаний. Не было возможности вызвать авиацию. Куда мы ни бежали, всюду были казаки. Было очень страшно. У вас такие быстрые кони...

Отдавая начальнику штаба приказ, Доватор говорил:

- Самое главное - внезапность, быстрота. Промедление смерти подобно. На войне не идет все по уставу, гладко... Если есть возможность ошеломить противника, заворачивай круче. Не упускай момента. Никаких у противника оборонительных сооружений нет. Обрушивайся камнем на голову и кончай без остатка.

Лев Михайлович сломал тоненький березовый прутик, встал на краю широкой просеки, по которой бодрой рысью двигались эскадроны. Сильные кавказские кони, поскрипывая вьюками, иногда переходили на галоп и радовали своей резвой бодростью. Бойцы, туго подтянув у касок подбородные ремни, с присущей кавалеристам ловкостью, умело, всем корпусом, облегчали конский бег.

Слабый ветер разгонял дымчатые туманные полосы и доносил отдаленные волны хлесткой и частой стрельбы и первые протяжные звуки мощного раскатистого "ура".

Лев Михайлович поднимал с уха кубанку, а дыхание само останавливалось, чтобы лучше слышать.

Наступило утро. По верхушкам деревьев солнце раскидывало яркий блеск теплых лучей...

В 9.00 23 августа 1941 года Лев Михайлович обнимал Осипова в лесу северо-западнее Заболотской.

- Здравствуй, горячее солнце! Здравствуй, славный денек во вражеском тылу! - Доватор снял кубанку и повесил на сук. Высокая кудрявая елка пошевеливала зелеными лапами, словно приветствовала заполнивших лес кавалеристов.

Обычно порывистый и резкий, Осипов был сейчас сух и сдержан.

- Солнце-то светит, да пока плохо греет, - ответил он на пылкое восклицание Доватора.

- Экий ты, брат, мрачный! - медленно проговорил Лев Михайлович. Он догадывался, что майор "куражится": видимо, не забыл недавнего разговора. Доватор терпеть не мог всякой недосказанности.

- Не мудри, Осипов!

- Не мудрю, Лев Михайлович... Командира эскадрона потерял, политрука... и казаков... - Осипов повернулся лицом к Доватору. В глазах его была печаль. Лев Михайлович нахмурился.

- А еще? - спросил он настойчиво.

- Всего около тридцати человек. Разве мало?

- Ничего не говорю. Я капитана Наумова потерял.

Гримаса боли скользнула по лицу Доватора, он усилием воли согнал ее. Наклонившись к Осипову, тихо сказал:

- Пушки-то ведь он тебе подкинул вовремя...

- Здравствуйте, товарищ полковник!

Доватор быстро оглянулся. Перед ним с усталой и в то же время беззаботной улыбкой на лице стоял Алексей Гордиенков. Из-под бурки у него выглядывали на одной ноге госпитальная брезентовая тапочка, а на другой хромовый сапог со шпорой.

Доватор несколько секунд смотрел на него с молчаливым любопытством.

- Хорош! - Доватор провел рукой по непокрытой голове. - Посоветуй, Антон Петрович, что мне с ним делать?

Гордиенков, уловив приветливый взгляд и снисходительную усмешку, понял, что встрепка будет пустяковая.

- Наградить, товарищ полковник! - ответил Осипов. Майор взял Алексея за руку и подвел к Доватору. - Он в тыл проскочил одним из первых. А в Подвязье вместе с Чалдоновым на тачанках въехали. Приспособили трофейные немецкие брички, поставили станковые пулеметы и ворвались нахально, как незваные гости на свадьбу. Все сошло удачно, но за риск маленько побранить надо. Хотя, как говорят, победителей не судят...

- Хорошо, когда удача! В общем-то безобразие, ваше степенство! Доватор посмотрел на Гордиенкова строго и колюче. - Объясни мне, как ты сюда попал?

Алексей без утайки рассказал все события последней ночи.

За лесом пощелкивали винтовочные выстрелы, доносилось раскатистое "ура". Чалдонов порубил фашистов в деревнях Заболотская и Верга. Другие полки разгромили гарнизоны в Суровцеве, Турнаеве, Коноплеве, Пузькове, Пашкове. Казаки продвигались стремительно, в села врывались внезапно и дерзко. Немцы, не ожидавшие прорыва, в панике разбегались.

В 13.00 конница сосредоточилась в лесу южнее деревни Никулино. Другая часть конницы, двигаясь по западному берегу реки Межа, ликвидировала гарнизоны в Курганове, Попкове, Старых Мокряках.

В полдень 23 августа кавалеристы готовили первый обед на занятой врагом территории.

В продуктах недостатка не было. В лагерь стекались укрывавшиеся от фашистов советские люди: кто нес буханку хлеба, кто - картошку, кто живого петуха.

- Как же нам дальше-то быть, товарищи? - Не было человека, который не задал бы такого вопроса.

Молоденькая девушка в коротеньком жакетике сидела против Доватора, морщила утомленное миловидное лицо, рассказывала:

- Сестренке семнадцать... Пришли, забрали, увезли; куда - неизвестно. Говорят, в Германию. Хорошо, что меня дома не

было. Я убежала в лес - там много наших скрывается от фашистов. Хотела фронт перейти, да вот вас встретила. В нашей деревне старик живет, беженец, пробирался из Белоруссии и застрял: жена заболела. Он направил меня к партизанам, а я их не нашла... Что мне делать? - Девушка кусала губы, морщилась, но не плакала.

- Вы говорите, в вашей деревне штаб стоит? - спросил Доватор.

- Да. Генерал есть, и еще один приезжал, останавливался в нашем доме.

Девушка смотрела Льву Михайловичу в глаза.

Сведения, которые она передала Доватору, совпадали с данными армейской разведки. В Рибшеве должен был стоять штаб немецкой армии.

- Товарищ Аверина, а если вас направить обратно?

- А зачем мне обратно? - спросила девушка.

Она догадывалась, к чему клонит полковник.

- Партизанить, - коротко ответил Доватор.

- Но я же не нашла отряда!

- Надо найти. Приведите сюда старика беженца. Место встречи мы вам укажем. Согласны? С вами пойдет одна наша девушка.

Аверина решительно кивнула головой...

В дивизионе разведчиков пир шел горой. На плащ-палатке была насыпана куча трофейных галет, стояла раскупоренная бутылка, консервы и круглая банка с искусственным медом. Вокруг сидели Салазкин, Торба, Воробьев и Оксана.

- Может, Ксана Григорьевна, заморского винца отведаете? - услужливо предлагал Салазкин.

- Не хочу.

Оксана лукаво щурила глаза и нехотя грызла твердую, как доска, галету.

- Ну чего ты, писарь, пристал, точно репей к бурке? Не хочет пить человек. Да и кто станет тянуть такую кислятину? - Яша Воробьев сердито отставил бутылку в сторону: - Филиппу Афанасьевичу отдать - он все выдует.

- А где он зараз? - спросил Торба.

- Около коней сидит, - ответил Воробьев. - Какого-то старичка ромом угощал, коня галетами кормил, а теперь военфельдшера Нину потчует и про сражение расписывает. Его только слушай. Теперь, наверно, до города Берлина доехал...

Шаповаленко сидел с Ниной под кустом и беседовал.

- Как подошли к сараю, - рассказывал Филипп Афанасьевич, - немец, вижу, в окопе стоит и, як сыч, голову поворачивает в нашу

сторону. А мне в это время чихнуть приспичило. Хоть нос оторви и кинь в сторону... Не вытерпел... Хлопцы в спину тумака дали. И правильно - за такой чих дрючком надо по голове. Вот зараз лечусь...

Шаповаленко показал на бутылку с ромом.

- А лейтенант Гордиенков с вами был? - неожиданно спросила Нина.

- Да где ж ему быть? Ракету кинув, а потом гранаты начал в сарай швырять. Смелый хлопец!..

- Страшно было?

- Як кому... Вон Яша Воробьев фашистов бил, словно куропаток на охоте. Метко и не торопится. А вот мой дружок Захар Торба кидался то туды, то сюды...

- А лейтенанта вы видели? - опять у Нины непроизвольно вырвался назойливый вопрос. Оттого, что Алексей был с ней в тылу врага, она чувствует себя бесконечно счастливой.

Подвыпивший Шаповаленко небрежно покручивал ус, по лицу его пробегала лукавая улыбка.

- Що я видел? На веку, дочка моя, як на большой ниве, каждое зерно глазом не побачишь.

"Шаповаленко - к полковнику!.. Оксану Гончарову - в штаб!" передается по лесу звонкая команда.

В сумерках конница снялась с лагеря и двинулась глубже в тыл врага в леса Духовщины.

Катя Аверина, Оксана Гончарова вместе с Шаповаленко и Захаром Торбой были направлены с особым заданием в район Рибшево.

ГЛАВА 9

Закат жидким золотом обливает верхушки деревьев, окрашивает их в оранжевый цвет, и кажется, что они усыпаны золотистыми плодами. Ветерок разносит смолистый запах сосны и болотного мха.

Смолой пахнет от молодого, недавно посаженного леса. Сизые колючие сосенки тянутся стройными рядами вдоль зеленого могучего массива леса, точно стоят под надежной охраной старых великанов, за которыми укрылось еще не остывшее вечернее солнце. Лучи его пробиваются сквозь высокие деревья и заливают широкое поле с изуродованными, беспорядочно разбросанными ржаными снопами.

Из густых темных елей шумно вылетает тетерев, проносится над пожелтевшим картофельным полем, на котором одинокий старик копает картошку. Тетерев с размаху плюхается на жнивье, грудью в солому, встряхивает крыльями, поднимает голову и встревоженно прислушивается...

В чаще молодых сосенок шевелится куча зелени. Сквозь сосновые ветки на тетерева смотрят четыре зорких настороженных глаза.

Шаповаленко облизывает языком спутанные усы, толкает локтем Торбу в бок, шепчет:

- Вот ужин-то! - Филиппа Афанасьевича разбирает охотничий зуд. Лежа на животе, он цокает шпорой о шпору.

- Тихо!.. Бачишь - человек... - Но договорить Захар не успел. Тетерев с шумом взмыл вверх и полетел к лесу.

Старик, копавшийся на картофельном поле, вздрагивает, поднимается во весь рост и провожает глазами птицу. Потом снова нагибается, торопливо сует в мешок картошку, настороженно оглядывается по сторонам...

Он смотрит туда, где у картофельного поля пролегает большак. На рыжей дорожной глине - широкие следы танковых гусениц. По обочинам валяются исковерканные остовы сгоревших машин, в воронках плесневеет желтоватая, словно разведенная кровью, вода. Обрывки солдатских обмоток, конские ребра, обтянутые потемневшей кожей...

Недалеко от леса виднеется деревня с белым зданием школы. Из деревни доносится рев моторов, выкрики гитлеровцев.

Гортанные крики раздражают Захара: режут уши и сердце. Он не отрывает глаз от бинокля. Неуклюжий темно-серый броневик с желтым крестом выползает из деревни и направляется по большаку к лесу. За ним катится грузовик с фашистами. Старик исчез в желтой картофельной ботве, словно сквозь землю провалился... Не доехав до леса метров двести, броневик развернулся и приготовился обстреливать опушку леса. Русский лес всегда страшил немцев. Прежде чем въехать в него, броневик открывает стрельбу. "Дук-дук-дук" бьет крупнокалиберный пулемет. Над головами разведчиков веером полетели разрывные пули. Броневик трясся, вздрагивал всем корпусом. На лобовом щите кривлялась в сумасшедшем танце ведьма с горящим факелом. Обдав разведчиков вонючим перегаром бензина, машины скрылись в лесу.

- От сукины сыны! - Филипп Афанасьевич приподнял голову и тяжело перевел дух. - Це ж не война - смертоубийство!..

Торба, прищурившись, напряженно посмотрел на Шаповаленко.

- Ты мне лучше скажи, где дивчата?

Шаповаленко пожал плечами.

Торба нервничал. Прошло больше трех часов, как девушки ушли в деревню. Они должны были привести человека, который знал явку партизанского отряда и точное расположение немецких

гарнизонов в этом районе. Сведения надо было доставить в штаб к вечеру. Но девушки не возвращались.

- Треба того поселянина гукнуть и побалакать! - предложил Филипп Афанасьевич, показывая на старика, который снова копался на картофельном поле.

- А кто вин такий?

- Раз от немцев ховается - значит, свой! - резонно заметил Филипп Афанасьевич. Отбросив кучу маскировочных веток, он вышел из кустов и резко свистнул.

Старик разогнул спину и быстро оглянулся. С минуту разглядывал он неожиданно появившегося человека, потом, выпустив из рук мешок, побежал навстречу разведчикам.

- В лесок, ребята! - старик, сутулясь, махнул рукой в направлении леса и сам пошел впереди, широкоплечий, ширококостый, с густой всклокоченной седой бородой, с морщинистым суровым лицом.

- Откуда, папаша? - спросил Торба.

- Велик свет божий!.. - Старик взглянул из-под косматых бровей, и улыбка осветила его большие черные глаза.

- Вы нам скажите, як эта деревня называется? Немцев там много? спросил Шаповаленко.

- Немцы есть, - уклончиво ответил старик, с любопытством оглядывая разведчиков. Это были не обыкновенные солдаты. Диковинкой казались ему тонкие кавказские ремешки с серебряным набором, удерживающие тяжелый груз в виде автоматных дисков в брезентовых чехлах, рубчатые гранаты-лимонки. И ружья были не обыкновенные - очень короткие, с металлическими колесами и дырявыми стволами. Старик понял: именно о них, об этих солдатах, идет по деревням Смоленщины слух, что бьют они фашистов смело и беспощадно.

- Так как же эта деревня называется? - спросил Захар. Он сел под сосну, зажал автомат между коленями и развернул ярко раскрашенную карту.

- Рибшево, - ответил старик.

Торба кивнул головой в знак удовлетворения.

- Садитесь, папаша. Зараз покурим и побалакаем трошки. Як вас по имени-отчеству? - Торба с подчеркнутым уважением смотрел на старика.

- Григорий Васильевич Гончаров. А по-белорусски дед Рыгор. - Старик тяжело опустился на землю, пошарил рукой в кармане, достал корешок самосада и разломил его на ладони.

- Значит, Григорий Васильевич Гончаров? - Захар еще внимательней оглядел деда и только хотел о чем-то спросить, как его опередил Шаповаленко.

- А у нас в полку повар тоже...

- В яком полку? - оборвал его Захар и многозначительно подмигнул. Вы бы лучше, товарищ Шаповаленко, деда моршанским табачком угостили!

Филипп Афанасьевич смекнул и замолчал. Торопливо достал ружейную масленку, приспособленную под табакерку, отвинтил крышку и отсыпал деду на солидную закрутку.

- Ты, папаша, убери свои корешки. Нашей, моршанской, закури...

Захар оторвал кусок газеты и, протягивая деду, спросил:

- Вы давно живете в Рибшеве?

- Не-ет! - Дед Рыгор отрицательно покачал головой. - Я беженец - из Белоруссии. У меня старуха хворая, в бане лежит, а дочка... - Дед Рыгор сильно затянулся и закашлялся. - Добрая махорка!.. Хожу вот и бульбу, как вор, копаю. Увидят немцы - стрелять починают. Хоть с голоду подыхай...

- А як зовут вашу дочку? - спросил Торба. - Не Оксана?

- Оксана, - дед Рыгор вздрогнул и быстро спросил: - А откуда вы знаете?

Разведчики подробно рассказали все, что знали об Оксане Гончаровой.

На твердых губах деда застыла суровая улыбка. В этой улыбке светились отцовская гордость и глубокая любовь. Он не расчувствовался, не заплакал, поблагодарил казаков коротко и просто.

Дед Рыгор рассказал разведчикам о немецком гарнизоне, о системе караулов, о движении транспорта по большаку. Сообщил, что в Рибшеве стоит штаб, но какой - точно сказать не мог. Знал, что здесь есть квартира немецкого генерала. Палкой начертил на земле схему.

- Подход здесь дюже добрый, - говорил дед Рыгор. - По речушке, скрозь кусты, до самого моста. Там стоит часовой. С другого конца деревни - окопы и пулемет стоит, а где огороды - там густая конопля, а за ней начинается топь. Можно подойти и посмотреть хоть сейчас. Не опасно. Там я каждый вечер к старухе пробираюсь, а днем в лесу прячусь...

- А як с партизанами? - спросил Шаповаленко.

- Есть. За болотом. Увижу дочку - скажу ей где.

Было решено: дед незаметно проберется в деревню и узнает в доме Авериных о судьбе девушек. Тем временем разведчики обследуют местность.

Осторожно переползли большак. Краем леса дошли до речки и залегли в конопляx, против огородов.

Дед Рыгор придвинулся на несколько метров вперед. Он

хотел поговорить с мальчишкой, который пас теленка. Захар, решив понаблюдать за поведением часового, пополз к мосту. Шаповаленко остался на месте. Из конопли, в которой залег Филипп Афанасьевич, вся деревня была видна как на ладони. Он видел, как женщина, опасливо озираясь по сторонам, набирала у колодца воду, даже ни разу не стукнула ведрами. Опустив голову, торопливо пошла в хату. Ухватившись за подол ее юбки, вприпрыжку бежала босоногая девочка лет трех. К школе часто подкатывали мотоциклы, иногда нагруженные ящиками автомашины.

Неожиданно из сарая навстречу женщине с громким кудахтаньем вылетели куры. За ними гнался гитлеровец с автоматом в руках. Он был без френча, сзади, как хвост, болтались зеленые подтяжки, из-под съехавшей набок пилотки торчали светлые волосы.

- Айн момент, мадам! - кричал он. Гоняясь за курами среди кочанов капусты, он сделал несколько выстрелов из автомата.

Бросив на дороге ведра, схватив визжавшую девочку за руку, женщина побежала к хате. Исчез и мальчик. Белоголовый теленок с веревочкой на шее истекал кровью, повалившись на бок и судорожно дрыгая копытами.

- Айн моме... - Немец остановился вдруг на полуслове. Шагах в десяти от него лежал дед Рыгор.

- Русь! Вставайт! - скомандовал гитлеровец. - Што сдесь телает крязный старикашек?

- Бульбы подкопать ходил... Стрельба - сробел, да и лег, - отряхивая штаны, ответил дед Рыгор.

- Тут не бульба, а капуста, а?

Шаповаленко лежал метрах в пятнадцати. Правой рукой он сжимал автомат, а левой вцепился в дерн, как в гриву коня, и вырвал вместе с комьями земли пучок травы.

Налетел ветер, конопля закачалась. Семя, налитое маслянистым соком, дождем сыпалось на кубанку, за воротник гимнастерки, в открытый магазин автомата.

В огороде покачивались подсолнухи на высоких крепких ногах, с поникшими вниз зелеными шапками. А среди кочанов капусты перед светловолосым гитлеровцем стоял дед Рыгор...

Филипп Афанасьевич видел его ширококостую спину и висевший на плече мешок с картошкой.

- Ви знайт, што такой запретный зон? Приказ генерала фон Штрумф за прокулок по этот, говорят по-русски, зон полагает пук, пук...

Вилли, денщик генерала Штрумфа, знал русский язык не хуже своего господина.

Штрумф дрессировал денщика на совесть. Ночи заставлял его просиживать за изучением иностранных языков и стенографии.

Вилли не только лакей, раболепно преданный господину, но и его доверенное лицо.

Офицеры, окружающие генерала, побаиваются Вилли. Даже полковник Густав Штрумф, старший сын генерала, порой с опаской поглядывает на отцовского лакея.

- Ви, значит, испугался стрельпа и лежаль?

Дед Рыгор молча кивает головой.

Желтые под белесыми ресницами глаза Вилли суживаются, точно его начинает клонить ко сну, но неотступно следят за каждым движением жертвы.

Он дотрагивается стволом автомата до груди деда Рыгора, кивает головой через плечо и отрывисто говорит:

- Ком!..

Шаповаленко несколько раз порывался вскочить, броситься на растрепанного гитлеровца, крикнуть: "Хенде хох!" - и утащить его в кусты: это был бы драгоценный "язык", умеющий объясняться по-русски. Но на крики Вилли и на выстрелы подошло человек пять немцев. Прислонясь к стене сарая, они равнодушно понаблюдали за действиями денщика и ушли.

Филипп Афанасьевич понимал, что риск велик. Да и строго было приказано: ни в коем случае не поднимать шума и не обнаруживать себя. Но уж слишком была заманчива перспектива захватить живьем или убить этого самодовольного гитлеровца в зеленых подтяжках, который тыкал пальцами старику в глаза, кривлялся и гримасничал, как обезьяна. Да и жаль было деда Рыгора: ему предстояла тяжелая участь... Перед глазами так и стояла скупая, мужественная улыбка его...

Шаповаленко решительно сдернул с головы перепутанные плети гороха, которыми он замаскировал папаху, усилием воли подавляя волнение, схватил зубами пузатый стручок, разгрыз его и тут же выплюнул. Осторожно приподнявшись, приглушенным шепотом повелительно сказал:

- Хальт! - и вскинул автомат к плечу.

Вилли нервно вздрогнул, повернул голову: на краю конопляника стоял усатый казак в черной папахе и целился ему в лоб.

Немец расширенными от ужаса глазами смотрел на шагнувшего к нему Филиппа Афанасьевича - смотрел, как на страшный призрак. Вислоусый казак, словно выросший из-под земли, нес ему неотвратимую смерть. Подняв над головой руки, Вилли попятился назад. Вдруг он сделал прыжок в сторону, упал на живот и, ломая руками листья капусты, с необычайной

быстротой побежал на четвереньках к ближайшей хате, делая при этом отчаянные скачки из стороны в сторону и вопя дурным голосом: "Руссиш!.. Козакен!.."

Шаповаленко не мог сразу поймать прыгающую перед глазами мушку. Вилли дергался и взлетал, как бумажный попрыгунчик, но вряд ли это могло ему помочь... Вот в предохранительном кольце над мушкой Филипп Афанасьевич уловил его фигуру и нажал на спуск... Затвор только глухо чвакнул. Слишком густо смазанный автомат с семенами конопли в магазинной коробке на этот раз отказал!..

Вилли орал так, словно его надвое распиливали поперечной пилой. Из хат выбегали немцы, тревожно крича; затрещали беспорядочные выстрелы.

- За мной, старик! - крикнул Филипп Афанасьевич и бросился в коноплю. Дед Рыгор, пригнувшись, побежал было за ним следом, но вдруг грузно повалился в картофельную ботву. К нему, крича во все горло, поливая огороды и кусты пулями, бежали немцы.

ГЛАВА 10

Блиндаж, в котором помещался командир армейской группировки генерал-лейтенант фон Штрумф, - целый дом, опущенный глубоко в землю. Пол застелен огромным мягким ковром, стены обиты светло-коричневой материей. Блиндаж освещен электричеством - ток дает автомобильный мотор.

Генеральское кресло сделано из неочищенных стволов молоденьких берез и обито желтоватой бархатной материей. Штрумф, как и многие немцы, неравнодушен к русской березке.

Генерал внимательно смотрит на изодранный, прожженный пиджак деда Рыгора, на окровавленную штанину. Одутловатые щеки генерала свисают на тугой воротник. Седые усы коротко подстрижены. Бледные губы, круглые, навыкат, глаза выражают нечто похожее на улыбку. Но такой жестокой складки в углах губ дед Рыгор еще не видел ни у кого...

Генерал хоть и коверкает русские слова, но выговаривает их отчетливо и ясно.

Он вовсе не допрашивает белорусского колхозника - он разъясняет ему суть происходящих событий и главное - ошибки русских людей...

- Господин Гончароф напрасно убегаль от мои солдат. За это получилось маленький ранение. Русский люди идут в лес и совершают бандитизм - это ужасна! Я вынужден принимать карательный мероприятий... Ви, господин Гончароф, крестьянин, почетный старец, у вас рука мозольна, ви любите свой старушка, свой хата, свой жито, коровки - разве вам нужен война?

- Нет, мне не нужна война, совсем ни к чему, - отвечает старик.

Он смотрел на улыбчивое лицо генерала и чувствовал себя точно в дремучем лесу: весело поют на деревьях птички, а из куста следят за каждым движением круглые глаза невидимого зверя...

- Очень справедливый ответ, господин Гончароф! - восклицает генерал. - Из России мы хотим делайт культурный страна.

Неожиданно вошел Вилли. С полминуты, о чем-то раздумывая, постоял у двери, потом шагнул к старику и молча сшиб с его головы картуз. "Рус мужик! Никс культур..." Штрумф, отлично умевший владеть собой, на этот раз был выведен из терпения.

- Вилли, вы болван! - крикнул он по-немецки. - Пошел вон!

Вилли вытянулся, выпятил грудь и, стукнув каблуками, вышел.

Дед Рыгор с трудом наклонился, молча поднял картуз, посмотрел вслед ушедшему денщику, крякнул и откашлялся.

- Я будут наказайт этот шалопай! - сказал раздосадованный генерал. Молодежь устраивайт всякий безобразий!

Поступок Вилли вывел генерала из равновесия и испортил все дело. Надо было начинать сначала...

Генерал знает людей и знает, как можно добиться от них покорности. Но он не может ничего поделать со стариком белорусом. Гончаров все упорно отрицает. Никаких казаков и партизан он не знает. Он копал картофель для больной жены, которая лежит в бане. Генерал может убедиться в этом...

- Хорошо, хорошо. Мы отправим ваш жену к доктор... Ви получить лошадь, хлеб - все будет полний порядок...

Дед Рыгор, пробираясь на Большую землю, прошел от Витебска до Духовщины. Кроме сожженных деревень да пристреленных ребятишек, он не видал никакого другого порядка.

Генерал говорит вкрадчиво и тихо:

- Русский хлеб и немецкий техника - это всемирный богатств, Гончароф!.. Ви, я вижу, неглупый человек. Ви трудовой хлебороп, должны понимайт превосходство немецкой техник. Никакие фанатичные партизаны, казаки, атаманы Доваторы не могут задерживайт великий движений германской армии на восток! Не следует помогайт казачий банда и партизан. Русские совершают крупная ошибка, не желая захотеть дружба с германской власть...

- А почему ваши солдаты стреляют в баб, когда они на поле картошку копают? Какая же тут дружба?..

- Запретный зон! - восклицает Штрумф. - Бестолковий люди!

- Часового поставить - и вся недолга. Зачем же из ружей в народ палить? - возражает дед Рыгор.

Ответ старика ставит генерала в тупик. Он умел видеть людей насквозь, умел быстро принимать решения и проводить их в жизнь, но сейчас простые слова старика обескураживают его.

С начала военных действий на востоке он понял, что успех немецких армий объясняется их временным количественным превосходством над противником. Упорство русских, с каким они защищали свою землю, заставляло старого генерала о многом задуматься. Даже этот стоявший перед ним раненый русский старик в рваном пиджаке, с грязной, давно не чесанной седой бородой, в стоптанных лаптях, не хотел признавать его генеральского превосходства, различия положений, культурного неравенства и, наконец, военной силы победителя. Без страха, с чувством внутреннего достоинства старик откровенно враждебен ему и никогда не скажет того, что от него требуют. Он горд и непреклонен. "Он не фанатик, - приглядываясь к нему, заключает генерал. - У него в бане лежит умирающая жена, а он привел разведчика к генеральской штаб-квартире... Что хочет от жизни этот гордый старик?"

Вот этого-то генерал и не мог понять. И бессилен он был отыскать в этом человеке его слабые стороны.

Страшной ненавистью встречала фашистов русская земля. Как-то раз, взглянув на карту Советского Союза, генерал Штрумф прикинул расстояние от Москвы до Владивостока: оно исчислялось девятью тысячами километров, а немецкие армии все еще находились на границе Смоленщины и Белоруссии... Штрумф вспомнил слова Гитлера: "Стоит мне топнуть ногой, как ведущие страны Европы преклонят колени и будут заглядывать мне в рот..."

"Сколько раз придется фюреру топнуть ногой, чтоб шагнуть по сибирской тайге до Байкала? Растягиваем коммуникации, а стратегической инициативы так и не имеем", - размышлял генерал, не отрываясь от карты.

Фюрер нервничал и торопил с наступлением на Москву. Видные представители высшего командования в августе 1941 года проявили на совещании у фюрера некоторое колебание и высказались за переход к обороне на Днепре, а также предложили изменить весь стратегический план войны.

Штрумф разделял взгляды проницательных старых генералов, но своего мнения вслух не высказал. Гитлер разорвал в клочья протокол августовского совещания, истоптал его ногами. Штрумф после зрелого размышления пришел к выводу:

"Сомнительные мысли не следует высказывать и собственному сыну..." Представитель верховной ставки генерал Лангер сообщил ему, что некоторые участники совещания, усомнившиеся в идеальности планов фюрера, откомандированы в распоряжение Гиммлера. "Будьте лучше дисциплинированным солдатом", - посоветовал ему генерал Лангер. Нельзя было пренебречь столь благоразумным советом. Однако быть дисциплинированным солдатом становилось все труднее... В течение последних двух дней обстановка сложилась так, что генерал Штрумф не мог выполнить приказ ставки о перегруппировке резервных армий, предназначенных для удара на Москву. Появление в тылу многочисленных кавалерийских отрядов Доватора нарушило планомерность сосредоточения, тормозило движение на автомагистралях. Дивизии, идущие к месту назначения, должны были поворачивать и вести оборонительные бои или гоняться за казаками по лесам Смоленщины. "Что это за метод войны? Что это за Доватор?.."

Белорусский колхозник Григорий Гончаров стоит перед гитлеровским генералом, жилистый, загорелый, придерживая рукой изорванную штанину. На ковре - темное пятно крови. Старик упорно отмалчивается.

Штрумф снял телефонную трубку, приказал отвести старика в гестапо. Потом вызвал командира танковой дивизии полковника Густава Штрумфа. Через две минуты ему доложили, что тот уже выехал к нему для внеочередного доклада чрезвычайной важности.

Когда увели Гончарова, генерал приказал подать кофе. И может быть, первый раз в жизни генерал Штрумф выпил коньяк не из маленькой рюмочки, а из стакана - большим жадным глотком.

ГЛАВА 11

- Ты говоришь: сто тысяч казаков?

- Да, отец.

- Поэтому-то ты и упустил Доватора?.. Сто тысяч - это большая цифра.

Генерал смотрит на сына сквозь сигарный дым, щуря свои выпуклые глаза и морщась, словно сигара была горькой, как хина. Полковник Густав Штрумф стоит перед отцом навытяжку. Он пунктуален в соблюдении субординации. Изящный, корректный, в золотом пенсне, надушенный французскими духами, худощавый, с продолговатым лицом, с прямым носом, полковник совсем не похож на отца.

- Оперировать конницей численностью в сто тысяч на территории, занятой противником, - это, Густав, невозможно. Ты

преувеличиваешь! говорит генерал, жестом приглашая сына сесть на диван.

В смежной комнате денщик Вилли прикладывает ухо к стенке. Он вынимает из-под подушки блокнот и торопливо начинает стенографировать разговор отца с сыном. Вилли очень любопытен...

- Небезызвестный вам майор Круфт утверждает, что он расшифровал радиограмму главной Ставки русских. Это будто бы официальный документ! Рукой в перчатке из тонкой коричневой кожи Густав трогает гладко выбритый подбородок. Он взволнован и нетерпеливо постукивает ногой.

Генерал Штрумф снял трубку и вызвал свой штаб. Новых сведений не было.

- Вот видишь, мой начальник штаба ведет разведку. Пока не подтверждается...

- Но батальон, который я направил прочесывать лес, почти полностью истреблен, - прервал Густав.

- Истреблен?! - восклицает Штрумф-старший, хмуря брови. - Почему ж ты послал один батальон?

- Пока я лишился одного батальона. Если б я послал два...

- Но я все-таки не верю этой цифре! - прерывает его генерал. - Если бы у нас в тылу очутилось сто тысяч казаков, нам оставалось бы только одно - бежать туда, где больше войск. Я знаю по той войне, что собой представляют казачьи соединения, когда их укрывает лес...

- Может быть, это и ошибка, - покорно склонив голову, говорит полковник, - но, во всяком случае, их не менее двадцати тысяч, а этого вполне достаточно, чтобы причинить нам крупные неприятности. Двадцать третьего августа в районе Устье, Подвязье, Крестовая уничтожено девять гарнизонов...

- Мне это известно, - снова прерывает его отец.

- Надо принимать меры, - нерешительно говорит сын. Ему не хочется раздражать отца, тем более что у него есть еще одна щекотливая новость, которая совершенно неуместна в этой деловой обстановке. Но так или иначе, ее придется сообщить отцу...

- Я поручаю это тебе, - говорит генерал Штрумф. - Ликвидировать Доватора необходимо в самом срочном порядке. Предупредить население, что за всякую помощь казакам - расстрел, за голову их атамана Доватора - сто тысяч марок. Еще что нужно для проведения этой операции?

- Войска. Я прошу пехоту из группы "Гамбург" и артиллерию из группы "Клоппенбург".

- При всем желании я не могу дать из группы "Гамбург" ни

одного солдата. Это отборный резерв, предназначенный для наступления на Москву.

- Но мои танки ведь тоже предназначены для этой цели. Я понимаю, мы не можем откладывать удар на Москву. Русский поход мы закончим до снега, африканский - к весне. Летом мы будем на островах Великобритании, хотя бы у нас в тылу действовало пять Доваторов. Через несколько дней казачий атаман будет в вашей штаб-квартире. У меня есть план.

Генерал искоса взглядывает на Густава. "Не таким хотел бы я видеть моего сына. Он, кажется, тоже намеревается топнуть ногой и сразу прикончить конницу Доватора", - опуская веки, думает генерал.

Вилли наблюдает в щелочку за лицом генерала.

Отец и сын молчат.

Вилли быстро рисует в блокноте сердитого военного с обвислыми щеками, потом пририсовывает длинные усы, как у того казака, который грозил ему из конопли автоматом.

- Если мы быстро не ликвидируем Доватора с его казаками, русские выиграют не один зимний месяц, а гораздо больше. Доватор тормозит наше продвижение на самом главном, на центральном участке фронта... Не пролог ли это контрнаступления? Его можно ожидать. В любой оборонительной войне оно неизбежно.

- Русское контрнаступление? - Густав снисходительно улыбается. - Я ценю и уважаю ваш опыт, папа, но не могу с вами согласиться. Русские армии разбиты на всех фронтах. Немецкие войска у стен Ленинграда. Еще один удар - и мы будем в Москве... Русская армия не возродится никогда!

- В стратегии существует правило: когда армии разбиты, это не значит, что они уничтожены, - строго говорит генерал Штрумф. - Покажи мне свой план уничтожения конницы Доватора.

Густав протягивает ему папку.

- Ты требуешь две дивизии? - просматривая бумаги, спрашивает Штрумф.

- Всего необходимо три дивизии плюс тяжелая артиллерия для обстрела лесного массива в зоне двадцати километров! Бомбардировщики и истребители.

- Хорошо. Я запрошу ставку. Необходимо уточнить данные разведки.

- К двадцати четырем часам вы получите точные сведения. Мы перехватили кое-какие радиограммы. Они интересны... У меня еще... - Но, видя, что отец углубился в бумаги и его не слушает, Густав умолкает.

- Мы сейчас будем обедать... - Штрумф смотрит на сына. - Ты еще что-то хочешь мне сказать, Густав?

- Да, папа. Я приехал не один. Со мной Хильда.

- Как очутилась здесь твоя жена?

- Ты прости, папа... Каприз влюбленной женщины. Случайным самолетом прилетела из Варшавского воеводства. Она осматривала наше имение.

- Влюбленная женщина прежде всего должна рожать детей, а не капризничать. - По лицу генерала пробежала слабая улыбка. - Ты разрешил ей приехать?

- Нет, она не могла предупредить меня...

- Разве в компетенцию Хильды входит осмотр имений?

Он не признавал вмешательства женщин в мужские дела. Находясь на фронте, Штрумф лично руководил своими громадными сельскохозяйственными имениями в Германии, Пруссии, Польше и Чехословакии. Ежемесячно на специальных самолетах к нему прилетали с отчетами доверенные лица, управляющие, агенты колбасных и консервных предприятий.

- Где ты ее оставил?

- Она в машине.

- Проси Хильду сюда...

Войдя в подземную резиденцию командующего, Хильда подошла к свекру, обняла его за шею, поцеловала в щеку. Это была крупная, откормленная женщина. Ее покатые плечи светились нежно-белой кожей сквозь платье синего шелка.

- Не сердитесь, папа! Мне очень захотелось увидеть Москву и... Хильда смущенно взглянула на мужа, опустила глаза.

- А Густав полагал, что ты приехала только ради него! - Вдыхая запах крепких духов, генерал Штрумф погладил светлые, как солома, завитые волосы невестки. Склонившись, он приложился губами к ее полной шее. - Как живет Берлин?

- Берлин празднует ваши победы и ожидает, когда вы будете в Москве.

- Мы там будем скоро, - вставил Густав.

- Положение дел в глазах современников рисуется не всегда ясно, загадочно сказал генерал Штрумф и колюче посмотрел на Густава.

- Что это значит, папа? - Сдернув с переносицы пенсне, Густав взглянул на отца. Глаза их встретились.

- Это значит, что гостью следует угостить обедом, а не кормить военно-стратегическими рассуждениями.

Обед был прерван телефонным звонком.

Начальник штаба генерал Кляйнман сообщал, что в ночь на 24 августа разбит и почти целиком истреблен казаками гарнизон,

расположенный в Демидове. Свыше десяти нападений одновременно совершено на большаках на армейский транспорт. Генерал Хоппер недоволен действиями генерала Штрумфа...

- Выскочка, жирный окорок! - негодовал Штрумф на своего начальника штаба. - Выбрал время, когда докладывать, как будто он не знает часы обеда...

- Что случилось? - спросил Густав, вопросительно посматривая на отца.

Хильда знала: если свекор раздражен, то он становится невыносимым. Она торопливо встала из-за стола.

- Вилли проводит Хильду туда, где жил генерал Лангер, - не отвечая на вопрос сына, сказал Штрумф. Исподлобья взглянув на Густава, сухо добавил: - Тебе придется немедленно выехать. Необходимое количество войск и мои распоряжения по проведению операции ты получишь.

ГЛАВА 12

Дом Авериных, если въезжать в село с запада, стоял третьим от края.

Легковой автомобиль мягко подкатил к зеленому крылечку.

Из машины вылез Вилли, громыхая сапогами, взбежал на крыльцо, громко крикнул: "Открывайт!"

Дверь открыла высокая седоволосая женщина с умным усталым лицом.

- Ви помещайт один мадам из Берлин, генеральский семья, - гнусавил Вилли. - Должен быть чиста, карош постель и полный спокойствий. Понимайт?

Женщина молча распахнула дверь и встала в глубине сеней. В комнате, куда Вилли внес чемоданы и ввел Хильду, за столом, против русской печи, сидели Оксана Гончарова и Катя Аверина. Увидев немку, девушки отодвинули от себя недопитые стаканы молока.

Хильда смотрела на Катю холодными, широко открытыми глазами, точно на русской девушке были какие-то необыкновенные узоры. Катя в замешательстве отвернулась. Она еще не совсем успокоилась после того, как побывала в немецкой комендатуре. Их задержали недалеко от села и несколько часов допрашивали.

Оксана оправилась первая. Наклонив горлач, она долила стаканы, отломила кусок хлеба и, поглядывая на немку, стала есть. Но Хильда не обратила на нее никакого внимания, она продолжала смотреть на Катю. Вилли, выпятив грудь, улыбался девушкам. Хильда заметила это, сдвинула брови и резко потребовала показать ей комнату. Проходя к двери, она приподняла широкие полы голубого плаща, точно боясь их

выпачкать.

Горница была светлая, веселая - с четырьмя окнами. Справа от входа стояла новая никелированная кровать с горой подушек под кружевной накидкой; точно такая же кровать стояла слева. На стенах висели два совершенно одинаковых зеркала, и перед каждым из них на столах стояли белые самовары. Все приготовила Марфа Власьевна для двух дочерей-невест. Обе девушки учились: Катя заканчивала перед войной педагогический техникум, Клавдия - агрономический.

Хильда, поблескивая золотом колец, осторожно, двумя пальцами, приподняла край белого пикейного одеяла и о чем-то спросила Вилли по-немецки.

- Мадам спрашивает: клёп есть? - перевел Вилли.

Марфа Власьевна, скрестив руки на груди, пожала плечами.

- Дочурка тут моя спала... Аккуратница была уж такая...

Марфа Власьевна подошла к столу, взяла фотографию двух миловидных девушек, поразительно похожих одна на другую. У Кати - задумчивый, мечтательный взгляд, Клавдия ласково положила голову на Катино плечо...

Хильда, брезгливо поджав губы, взглянула на карточку. Лицо ее дрогнуло.

- Как имя этой девушки? - спросила она Вилли.

- Кланя, Клавдия, - сказал Марфа Власьевна. - Ее взяли на работы... Не знаю куда...

Марфа Власьевна, глотая слезы, качала головой.

- Клавдия?.. - Немка закусила губы, нахмурилась, показала глазами на дверь, спросила: - Это ее родная сестра?

Тем временем в кухне мальчик Петя - тот самый, который пас на огороде теленка, - рассказывал девушкам:

- Убили телка, проклятущие... Дедушке-беженцу в ногу попали. Говорят - партизанов привел. Его на огороде схватили - и прямо к генералу. Я побежал к бабушке в баню - сказал, что деда увели. А она лежит и молчит... Я ей положил хлеба, огурчиков. В бане-то темно...

- Уходить надо, Ксана, - шепчет Катя. Ей кажется, что пистолет, запрятанный у нее под кофточкой, жжет грудь. "Что, если бы обыскали в комендатуре?" - мелькает у нее в голове. Сердце пронизывает страх, горло перехватывают спазмы... "Почему эта чернобровая белорусская девушка совсем не волнуется?.. В комендатуре она смеялась, строила глазки немецкому офицеру... Как она их ловко путала!.. "Моя подруга, - говорит, - перед войной приехала погостить и застряла". Документ показала. "Мы, - говорит, - за картошкой в поле ходили, а патруль задержал..." Хорошо, догадались накопать картошки.

Смелая. А вот я не умею ни врать, ни притворяться. Деда-беженца схватили - надо быстрей уходить! А она хочет зайти - старуху проведать..."

- Катя! - раздается из горницы голос Марфы Власьевны. - Катюша, иди сюда!

- Иди... - Оксана кивком головы показывает на дверь и шепотом добавляет: - Надо узнать, что это за птица.

В горнице Хильда показывает Кате карточку и спрашивает!

- Это ваша сестра?

Вилли переводит вопрос. Катя молча кивает головой.

Хильда сама видит: тот же непокорный, упрямый взгляд, тот же строгий изгиб бровей. "Русская дрянь!" - хочется крикнуть ей. Она смотрит на Катю с открытой враждебностью.

- Удивительное сходство! Зачем меня направили сюда? Вы что, не знали? Кто это хочет, чтобы мне здесь перерезали горло? Отравили? - Хильда раздраженно забрасывает Вилли вопросами.

- Я не понимаю... Здесь очень прилично... - лепечет Вилли.

- Не понимаете? Девушку, которую я отправила из Берлина на ферму, прислали вы. Очень похожа на эту... - Хильда кивнула на Катю. - Я не могу здесь оставаться!

- О-о! Это любопытно! - восклицает Вилли. - Русских девушек отправлял ваш брат, майор Круфт...

У Кати холодеют ноги, кровь ударяет в виски. Если бы эта немецкая барыня знала, что Катя отлично понимает ее язык!.. Опустив голову, она как можно спокойней спрашивает Вилли:

- Что не нравится этой даме?.. Она будет всем довольна.

- Что говорит эта русская? - спрашивает Хильда.

Вилли переводит.

- Я не могу здесь оставаться! - взволнованно повторяет Хильда.

- Но, сударыня, приказание генерала... - нерешительно говорит Вилли. - Мы не располагаем другим помещением. У вас будет часовой. Заставьте эту девчонку прислуживать...

Хильда, зная характер генерала, не может не согласиться с Вилли. Если Штрумфу-старшему объяснить все положение, он скажет: "Женские глупости!" "Надо скорей уехать из этой ужасной страны", - думает Хильда.

Перед отъездом Густав Штрумф зашел к жене ровно на две минуты проститься.

Выслушав Хильду, он развел руками.

- Удивительное совпадение!.. Но тебе не стоит волноваться. Ведь им ничего не известно. На этих днях мы продвинемся на восток. А сейчас требуй все, что тебе будет нужно. Хозяйка в этом доме - ты...

В сумерки Петя повел девушек между огуречными грядками, мимо колодезного журавля прямо к бане, стоявшей на берегу речушки.

В бане было тепло, сыро и темно.

Катя зажгла спичку. На снопах ржаной соломы, под пестрой дерюжкой вытянулась черноволосая мертвая женщина с заостренным носом и широко открытым ртом. В ногах у нее лежали зеленые огурцы и нетронутая краюха хлеба, принесенные Петей.

Оксана опустилась на колени. Глухим, сдавленным голосом вскрикнула:

- Мама!.. Мама!..

Спичка погасла.

Петя поймал в темноте руку Оксаны, прижался к ней щекой, тихонько заплакал...

ГЛАВА 13

В штаб кавгруппы Торба и Шаповаленко вернулись глубокой ночью. У костров, тихо переговариваясь, бодрствовал очередной наряд.

Кавалеристы спали мертвым сном. Только голодные кони, позванивая колечками трензелей, рвали колючие еловые ветки и с хрустом обгладывали древесную кору.

Ложась отдыхать, Лев Михайлович приказал дежурному немедленно его разбудить, как только вернутся разведчики. И вот теперь он сидел в шалашике, у ярко горевшего костра, подкидывал в огонь веточки и слушал доклад Торбы. Тут же, покручивая усы, надвинув на ухо шапку, сидел Шаповаленко.

- Зачем старик пошел по огородам? - выслушав обстоятельный доклад Торбы, спросил Доватор.

- Вин хотив с пацаном побалакать! - ответил Шаповаленко. - А тут выбежал немец и начал курей гонять, наскочил на деда, - щоб ему пусто! - а у меня автомат раз - и молчит...

- Чистить надо, Филипп Афанасьевич.

- Да по коноплям полз, товарищ полковник, семя насыпалось! После уж разгадал...

Принесенные разведчиками данные были очень ценными. Бойцы хорошо изучили подходы к селу, систему караулов, точно записали, сколько прошло в село и сколько ушло автомашин. Можно было догадаться, что в селе находится особо засекреченный штаб. Плохо было то, что немцы схватили старика, который имел связь с партизанами и не успел дать явку разведчикам. Не узнали разведчики и о том, что случилось с Катей Авериной и Оксаной. Это сильно беспокоило Доватора.

Выслушав донесения Торбы и Шаповаленко, Лев Михайлович

сказал:

- Неосмотрительно действовали!.. Где девушки? Старика отпустили, а он попался в руки немцев. Значит, выявили себя. Теперь немцы усилят бдительность.

Разведчики виновато молчали.

- Сейчас приказываю отдыхать. Завтра - обратно в Рибшево. Во что бы то ни стало надо проникнуть в самую деревню, узнать, что случилось с девушками и куда немцы девали старика.

Когда разведчики ушли, Лев Михайлович, разбудив Карпенкова, приступил к разработке плана по разгрому Рибшева.

К утру был готов боевой приказ.

План операции сводился к следующему.

Бойков со своим полком в пешем строю должен приблизиться к селу через огороды и ворваться с юга; майор Осипов захватывает ригу на западной окраине, зажигает ее - это должно послужить сигналом для общей атаки; Чалдонов со своим эскадроном в конном строю прикрывает из леса северную окраину села и обеспечивает уничтожение отступающих немцев; с восточной стороны, на большаке, устраивается засада с шестью станковыми пулеметами под командованием Карпенкова. Отход немцев предполагался на восток и на север.

Все было построено с таким расчетом, чтобы из деревни не ушла ни одна машина, ни одна живая вражья душа...

Раннее холодноватое утро. Ветерок навевает бодрящую свежесть, отгоняет усталость и сонливость...

Разведчики двигаются по узкой, убегающей в лес тропинке. Их трое: Торба, Шаповаленко и Павлюк. На конях они доедут до большака, а там Павлюк уведет лошадей в лагерь.

Филипп Афанасьевич едет на своем чалом длинноголовом дончаке. Чалый пытается воровски сорвать листочек с ближайшей осины или березки, но он знает, что каждую минуту его круп может ожечь плеть, да и крепко умеет держать поводья бородатый потомок запорожской вольницы.

Зажурился что-то сегодня Филипп Афанасьевич - покусывает ус, сдвинул густые брови. Молчит... Как выехали, не сказал еще ни одного слова. Только несколько раз за "воровские" ухватки жестоко наказал Чалого. Тот сделал резкий скачок и чуть не выбил из седла Павлюка.

- У тебя что, Афанасьич, сегодня вожжа под хвостом? - огрызнулся Павлюк.

- Зажурившись: Полину Марковну вспомнил, або горилки треба! насмешливо заметил Захар.

- Упаси бог! И думки нема о чертячьем пойле, - миролюбиво отвечал Филипп Афанасьевич. - О Марковне думал, верно, бо

тридцать рокив прожили с нею плечко к плечку... Две дочки замужем. Я уж дед, внуков имею. Хотя старости во мне ни якой нема!.. Мало що рокив пятьдесят потоптал бы землю, а там, мабудь, який профессор отольет пилюлю - проглоти ее, и еще десять рокив на солнышко поглядывай... Я, хлопцы, до жизни жадный и смерть зараз, як пес, облаю. Часом вы шуткуете на мене, що в тетрадь слова пишу, а я план колхозной жизни на пятьдесят лет составил. - Филипп Афанасьевич замолчал. Лицо его было задумчиво, спокойно. - Но тилько, хлопцы, я сегодня сон такой видел - будто меня пчелка в губу укусила...

Торба и Павлюк упали на передние луки и затряслись от приглушенного хохота.

- Ну и отлил пилюлю!..

- Чему же вы, дурни, смеетесь? - проговорил Филипп Афанасьевич с прежней серьезностью. - Я этот сон в третий раз вижу. Як пчелка цапнет за губу, тут оно и лихо. Первый раз было это, як Марковне мертвого сына родить. С тех пор пошли одни дивчата... Второй раз - верши ставил и провалился в прорубь. Два месяца потом валялся в жару, як кулебяка в печке... А вы шуткуете! Зараз мне будет лихо, це я за версту чую. Вы мою тетрадь в случае чего отошлите...

- Стой! - раздался из кустов властный голос. Впереди, из-за сваленного дерева, выглядывало дуло ручного пулемета. Придержав коня, Торба сообщил пропуск.

Из кустов вышел молоденький сержант в каске и сказал, что на конях дальше ходу нет, велел спешиться и без шума увести коней. Здесь, на большаке, эскадрон Чалдонова сидел в засаде, ожидая колонну немецких автомашин, двигающихся из деревни Слобода на Туки. Резервные части Штрумфа направлялись под Ельню, а "по пути" должны были провести операцию по уничтожению прорвавшихся в тыл казаков полковника Доватора.

Шаповаленко слез с седла и что-то очень долго возился около коня. Разнуздал его, отпустил подпруги, потом полез в переметные сумы... Торба хотел было его поторопить, но смолчал, увидев, как Филипп Афанасьевич совал в рот Чалому ржаной сухарь и кусочки сахару и, любовно расчесывая спутанную гриву, приговаривал:

- Як бы ты знав, якие у твоего хозяина поганые мысли!.. Кто тогда будет тебя баловать? Ешь, дурень, и не оглядывайся. Жизнь на войне копейка... А ты так зробляй, щоб она потянула на руб... Поняв, дурень? Ступай!

Филипп Афанасьевич, передавая повод Павлюку, хмуро заметил:

- Ты за конями смотри, як положено. Коноводам тилько бы

дрыхнуть. Лодыри, щоб вам пусто было!..

- Возьми оставайся, я с Захаром пойду. Чего ворчишь? Думаешь, боюсь? - обиженно заговорил Павлюк.

- Ладно, погоняй!.. Заобиделся, рыжий... Ты про тетрадь не забудь, что наказывал, она там, в переметке...

Торба, слушая речи своего друга, терпеливо помалкивал. Совсем необычным показался ему сегодня Филипп Афанасьевич.

Сели под разлапистую елку, наспех сжевали по сухарю, а потом пошли к Чалдонову: узнать обстановку.

Надо было пройти небольшую полянку. Под высокой и жесткой болотной травой хлюпала вода. Зеленые кочки, как горохом, были усыпаны недозревшей, белой клюквой. Кое-где каплями крови алела спелая брусника. Кругом торчали редкие, чахлые сосенки, маленькие умирающие ели, покрытые лишайником, точно рваным серым тряпьем. Ближе к большаку лесок становился здоровее и гуще. Вдруг из-за кочки поднялся Чалдонов. Взмахнул противотанковой гранатой, точно взвешивая ее в руке, сердито, вполушепот, сказал:

- Ложись!..

Когда прилегли, Торба заметил, что метрах в двадцати тянулся большак, извиваясь, как змея. Захар огляделся. Кругом, замаскировавшись, лежали казаки. Почти из-за каждой кочки торчали стволы автоматов, мушки карабинов выглядывали из предохранительных колец, как птичьи носы, рубчатые кожухи станковых пулеметов сливались с серо-зеленым мхом. А на первый взгляд, кроме низеньких кустиков, болотной морошки да княженики, ничего не было видно...

Только воину понятно захватывающее волнение перед боем, это инстинктивное напряжение всех чувств доходит у сильных, волевых людей до холодного спокойствия, когда человек весь превращается в зрение, в слух. Именно такое состояние охватило Шаповаленко. Он напряженно смотрел на крутой поворот большака, откуда доносился приближающийся гул мотора. Показались первые крытые брезентом машины.

Шаповаленко начал их считать: "...девять, десять... восемнадцать... двадцать три..." Всего в колонне было тридцать семь грузовых машин и одна легковая, шедшая впереди. Колонну прикрывали тринадцать мотоциклистов, вооруженных ручными пулеметами. Шаповаленко оттянул затвор автомата...

Слева, над самым ухом Филиппа Афанасьевича, раздался треск. Это Чалдонов выпустил из автомата сигнальную очередь по легковой машине. И тотчас раскатился кругом ошеломляющий грохот. Легковая машина встала поперек дороги. В кабине шофера мелькнул высокий околыш офицерской фуражки...

Шедший следом за легковой машиной трехтонный грузовик расплющил ее, как яйцо, и сполз в кювет. Вспыхнувший бензин жарким пламенем охватывал груды обломков. Пятнадцать пулеметов в упор расстреливали истошно вопивших под брезентом гитлеровцев. Солдаты выпрыгивали из машин; одни из них, скошенные пулями, другие, охваченные смертельным страхом, валились в кювет...

Мотоциклисты, ехавшие в хвосте, повернули было назад, но их встретил огонь эскадрона Биктяшева, сидевшего в засаде с противоположной стороны шоссе.

В этой операции было уничтожено около 400 гитлеровцев, 38 автомашин и 13 мотоциклов. 130 немецких солдат были взяты в плен. Захваченные трофеи удивляли казаков своим ассортиментом. Некоторые машины были похожи на универсальные магазины. В них можно было найти все: от дамской юбки до потрепанного ученического портфеля.

В одной из машин Шаповаленко отыскал поношенную рясу священника, сшитую из добротной коричневой материи. Тут же валялась мягкая фетровая шляпа.

Филипп Афанасьевич примерил ее, мельком взглянул, как в зеркало, в разбитое стекло машины. С густой своей широкой бородой, с усами лихого запорожца, он походил в шляпе на соборного протодьякона гоголевских времен.

- Кончай, хлопцы! - возбужденно кричал Чалдонов. Лицо его с заострившимися небритыми скулами выглядело постаревшим, а волосы, казалось, были чернее обыкновенного.

Казаки, окружив толпу пленных, гнали их к лесу. Остальные торопливо поджигали уцелевшие машины. На одной из них автоматически включилась сигнальная сирена и выла, выла, как взбесившееся чудовище...

Заваленный трупами большак дымился, над пылавшими машинами летали густые хлопья черной копоти. В огне сухими трескучими залпами рвались патроны.

Торбе хотелось скорей уйти от этого смрадного места.

В бою, так же как и Филипп Афанасьевич, он рванулся к горевшим машинам одним из первых, в каком-то исступлении нажал на спуск автомата и выпустил по брезенту почти весь диск. Фашисты выпрыгивали из машин и тут же падали. Торба продолжал стрелять. Когда патроны кончились, лихорадочно вставил новый диск, а старый бросил под ноги. Подобрал он его, когда уже все было закончено...

Сейчас Захар машинально шагал вслед за Шаповаленко, как в пьяном чаду.

"Сколько я перебил фашистов?" - возник в голове вопрос. Он

не мог ответить на него. Под брезентом гитлеровцев не было видно, а когда они прыгали из машин, то тут же падали, а рядом стреляли и другие... Захара охватывало гордое сознание, что именно от его длинной автоматной очереди эти горластые солдаты прыгали из машин с искаженными от ужаса лицами, падали на землю, которую пришли завоевывать.

...Вставало солнце. Голубое небо спрятало звезды, точно наглухо закрыло невидимые ставни, раздалось вширь и ушло высоко вверх. С тихим ропотом зашевелились листья деревьев.

Разведчики пробирались по краю леса. Под ногами шуршала густая трава, сапоги топтали вздрагивающие безыменные цветочки. Присели отдохнуть. Шаповаленко положил сверток в сторонку и достал из кармана банку трофейных консервов. Уничтожили консервы быстро, с настоящим армейским аппетитом. Закурили.

- Слушай, Захар, тебе страшно было сегодня или нет? - Филипп Афанасьевич неожиданно перешел на русскую речь.

- Ты это чего? - спросил Захар, смущенный прямым вопросом и необычным оборотом речи друга.

- А того, что надо взнуздывать себя покрепче! Не кидать пустые диски, не горячиться...

Торба покраснел. Наклонив голову, он счищал со шпоры грязь.

- Заспешил...

- Был один чудак на свете. Мать к обедне ушла, а он заспешил и, не дождавшись ее, кисель наполовину съел. Потом увидел в окошко - народ идет из церкви и начал молиться: "Святой Гурку, натягни на кисель шкурку, а то мамо иде..." Думаешь, помогло? Мать спустила ему портки и влепила по шкурке... Так и тебе следует: щоб не спешил да за товарищами следил, а то побежал и назад не оглядывается. А ежели лихо товарищу будет, кто должен его выручить?

Из-под мохнатых, клочкастых бровей глаза Филиппа Афанасьевича смотрели зло и недружелюбно. Торба еще ниже опустил голову. Уезжая на фронт, они клятвенно обещались ни при каких обстоятельствах не покидать друг друга. Филипп Афанасьевич всегда следил за ним, а он...

- Немецкий офицер мне в голову целил... Я заметил, да поздно - в диске ни одного патрона, а он бьет из кабины: раз - мимо, второй раз мимо... Добре, его старший лейтенант Чалдонов застрелил. Мог бы меня в третий раз в губу укусить. Як ты думаешь?

- Больше этого не будет, Филипп, - тихо ответил Захар. Глаза их встретились.

ГЛАВА 14

В доме Авериных всю ночь не спали. К утру Харитина Петровна была обмыта, одета в сарафан Марфы Власьевны - приготовлена в свой последний путь...

Оксана замкнулась в себе, ни с кем не разговаривала и только иногда, сгоняя с лица выражение тоски и скорби, благодарно взглядывала полными слез глазами на суетившуюся около покойницы Марфу Власьевну, закусывала губу и откидывала назад голову, точно желая стряхнуть с густых волос тяжелый, давящий обруч. Несколько раз переспрашивала Петю: при каких обстоятельствах ранили деда Рыгора и куда его увели? Петя рассказывал все, что знал, только не мог сказать, куда посадили старика.

- Добре! - коротко и твердо говорила Оксана, крепко, по-мужски терла ладонями колени и, уставившись в темноту ночи, думала о чем-то...

Почему "добре", Петя не мог понять. Что может быть "доброго", когда родная мать лежит в бане мертвая, а отца арестовали фашисты? У него у самого мать куда-то угнали на работы... И уж он-то знает, как плохо без родной матери!..

А Оксана думала, думала... Можно ли вытерпеть это горе, залить его женскими горячими слезами, покориться жестокой судьбе?.. Можно ли забыть двадцатичетырехлетней женщине веселую свадьбу, пеструю, цветистую толпу белорусских девушек, голубоглазого жениха в вышитой сиреневой рубахе, крепко обнимавшего твердой рукой невесту? Он погиб, этот голубоглазый парень, навсегда остался в снегах Финляндии... Можно ли забыть белорусские родные поля, зелень лесов, колхозные стада породистых коров, которых доила ее мать Харитина Петровна, теперь лежавшая в бане, высохшая и холодная?.. Можно ли забыть отца, который брал ее, маленькую, пятилетнюю, на руки, с хохотом бросал на стог сена, приносил ей из лесу птичек, живых зайчат? И в тот день, когда она получила страшную бумажку из Финляндии, он не утешал Оксану - он пошел в избу-читальню, принес книжку Горького "Мать" и вместе с ней прочитал. Ни один доктор не придумал бы такого мудрого лечения!..

- Я, дочка, твой отец и обязан тебе помочь в великом горе. Но плохой был бы я батька, если бы плакал вместе с тобой, - сказал Григорий Васильевич. - Только так я тебе должен помогать, как мать в этой книжке помогает своему сыну.

"Я должна помочь батьке и Доватору, - говорила себе Оксана. - Я ведь знаю, где немецкий штаб; надо немедленно сообщить, меня за этим и послали..." Но надо было и мать похоронить.

Подумав, Оксана позвала Катю. Та дремала в углу предбанника, рядом с Петей.

- Что ты, Оксана? - спросила Катя. Она быстро поднялась, села рядом с Оксаной и обняла ее.

- Катя, надо завтра узнать, где батько мой, - тихо проговорила Оксана. - Ты здешняя, тебе легче... А я должна сегодня ночью уйти к полковнику.

- А хоронить? - спросила Катя с дрожью в голосе. Жутко ей было оставаться одной.

- Это само собой, - отстраняясь от Кати, глухо проговорила Оксана.

- Как же мне узнать? Это трудно... Его, может, куда-нибудь увезли...

- Надо узнать, куда увезли! - решительно сказала Оксана. Ей казалось, что сейчас нет ничего невозможного.

- Но как я узнаю, как?

- Ты, Катька, тряпка! Боишься?

- Оксана!

- Ладно!.. Неси лопаты. Сейчас маму похороним. Я сама все сделаю...

- Значит, я тряпка? - Катя встала и бросилась к выходу. - Сейчас пойду - немку убью... Увидишь, какая я тряпка!

Оксана вскочила и поймала ее за руку.

- Никуда ты не пойдешь!

- Нет, пойду! - Катя свободной рукой достала из-за пазухи пистолет.

Оксана еще крепче сжала руку Кати.

- Пусти! - Катя пыталась оттолкнуть Оксану, но та была вдвое сильнее ее.

- Ну что вы кричите! - послышался из предбанника плаксивый голос Пети.

Девушки вздрогнули и притихли.

- Ничего, Петечка, спи, - ласково проговорила Оксана. Прикоснувшись к Катиной щеке губами, тихо добавила: - Прости меня, я тебя обидела... Уронила голову на грудь Кати и зарыдала.

Взошла луна, залила бледным светом полукружие ночного неба. С запада ползли облака. Над лесом и полями вспыхивали красные и зеленые полосы, рассекая мрак августовской ночи.

Девушки рыли могилу и тихо перешептывались.

Харитину Петровну похоронили на берегу речушки, недалеко от бани.

На рассвете, попрощавшись с Катей, Оксана ушла в расположение полков Доватора - в леса Духовщины.

Жена полковника Густава Штрумфа провела скверную ночь. Ей слышался в темноте таинственный шепот, чудились крадущиеся бородатые казаки в мохнатых шапках, с широкими кинжалами. Ее охватывал ужас. Она прислушивалась к каждому звуку, к каждому шороху. Она знала, что в доме никто не спит, все куда-то исчезли с вечера. Наконец не вытерпела позвала караульного солдата и велела ему находиться в комнате. Однако солдат вежливо объяснил, что ему приказано стоять на посту не в комнате, а на дворе. Так она и проворочалась на мягкой Клавдиной постели почти без сна всю ночь, проклиная своего брата майора Круфта, соблазнившего ее в письмах прелестями русского пейзажа и предстоящим триумфом - вступлением германских войск в Москву.

Утром Марфа Власьевна внесла в горницу кипящий, ярко начищенный самовар, тарелку вареных яиц и жареную курицу.

У Марфы Власьевны зародился нехитрый план: попросить генеральскую сродственницу за Клавдию. "Генерал должен знать, куда отправляют русских девушек, - размышляла Марфа Власьевна, - пусть хоть письмо разрешат послать... Она, немка-то, тоже женщина, может, и детей имеет. Должна понять материнское горе".

И Марфа Власьевна в простоте сердечной приступила к выполнению своего плана. Но пришел Вилли и помешал ей.

- Здравствуй, старенький бабушек! Как вы ухаживаль за фрау Хильда?

Немка, услышав голос Вилли, тотчас позвала его к себе. Денщик начал было любезное приветствие, но она оборвала его и, показав пальцем на курицу, резко сказала:

- Это я есть не буду! Они могут отравить!.. Они уходили ночью! Наверное, в лес к партизанам.

- О-о! - воскликнул Вилли.

- Вернулись только утром...

- О-о!

- Ваш часовой - болван!.. Принесите мне завтрак с кухни генерала! Хильда легла на кровать и устало закрыла глаза. Вилли на цыпочках вышел в переднюю комнату. Он строго спросил у Марфы Власьевны, куда они уходили ночью. Та ответила, что хоронили умершую старушку.

- А почему нельзя закапывать, когда день, а? - Вилли, склонив голову набок, следил за лицом Марфы Власьевны. - Хорошо! Вы мне покажет этот могиль! - раздельно проговорил Вилли и отправился к генералу.

После ухода Вилли Марфа Власьевна несколько раз подходила к двери, намереваясь зайти в горницу. За дверью было тихо, словно в могиле. Наконец "гостья" сама подала признаки жизни. Дверь открылась, и показалась жареная курица. Ее держали за крылышко пухленькие, с красными ноготками пальцы. Курица шлепнулась на пол. Затем ножка в изящной туфле выкатила табунок яиц... Рука исчезла. Дверь захлопнулась, звякнул крючок.

Когда пришла Катя, Марфа Власьевна сидела на лавке и беззвучно плакала.

- Что это, мама? - спросила Катя, указывая на валявшуюся на полу курицу и яйца.

Немного успокоившись, Марфа Власьевна рассказала Кате о провале своего плана.

- Ты хотела ее просить? - Лицо Кати покрылось красными пятнами, точно ее отхлестали по щекам. - Мама!.. Ты знаешь, мама, ведь Кланя-то наша у нее живет!..

- Бог с тобой, что ты говоришь! - Марфа Власьевна встала и вытерла передником помертвевшие губы.

- Правда, мама! Она при мне говорила по-немецки, что узнала Кланю, тебя и меня. Она боится, что мы ее зарежем или отравим... А Клавдию услали работать на ферму...

Марфа Власьевна стояла неподвижно. Слезы высохли на ее сморщенных щеках. Широко перекрестившись, она прошептала:

- Накажи, господи, лиходеев... Услышь мою молитву... Прости меня, грешную!.. Спалю, живьем спалю мерзавку проклятую!.. Помоги, господи!..

ГЛАВА 15

Луна показалась только за полночь. Она то и дело пряталась за редкими перистыми облачками. Выглянет на минуту, обольет

белым светом темный ольшаник, густо растущий по берегам речушки, и тогда станет видно мост над глубоким обрывом, немецкого часового в каске. От моста серой лентой вьется грунтовой шлях. Он подымается на пригорок и обрывается у высокого белого здания школы, на краю смоленской деревни Рибшево.

Августовская ночь окутала деревню сном и умиротворяющей тишиной. Только и слышны негромкие шаги часового по деревянному настилу да лепет говорливого ручейка, омывающего под мостом серые могучие валуны...

Неподалеку от моста, в кустах, лежит Доватор. Больше получаса он наблюдает, покусывая губы, за деревней и за поведением часового. Около него прилегли разведчики Торба и Буслов, затихли.

- Блиндаж, товарищ полковник, як раз недалеко от школы - щоб на случай шоссейку и мост прикрыть, - шепчет Торба. - На том конце пулеметы стоят. Пушки есть, но не на позиции. Тут зараз скопилось около ста машин. У нас все записано...

Доватор одобрительно кивает головой, стаскивает с затылка кубанку и кладет рядом. По лицу его, освещенному луной, тенью пробегает тревожная дума. Он уже в сотый раз перебрал в мыслях план предстоящей операции.

- Вот это да! - в тихом изумлении шепчет Буслов, поглаживая шелковистые завитки на кубанке Доватора.

- Что такое? - повернув голову, встревоженно спрашивает Лев Михайлович.

- Кубанка у вас, товарищ полковник, очень хорошая! - отвечает Буслов.

- А-а!.. - Доватор взял кубанку, повертел ее в руках, потом снял с головы Буслова каску и вместо нее нахлобучил свою кубанку. Усмехнулся, видя растерянность казака.

Торба ревниво покосился на эту сцену, гордо тряхнул головой.

- Хлопцы, надо часового снять! - Доватор выжидающе посмотрел на Буслова и Торбу. - Надо перейти речушку, подползти - и снять. Но только без шума!

Он понимал: если часового вспугнуть, может сорваться вся операция. Мост нельзя было оставлять целым: часть немецких машин успеет уйти по нему. Льва Михайловича охватил горячий задор: "Самому подползти - и..."

- Кто пойдет? - спросил он тихим голосом.

- Могу я, товарищ полковник, - отзывается Торба.

- Можно попробовать... - лаконично вставляет Буслов и, повернувшись на бок, лицом к Доватору, простодушно говорит: -

Только так, как вы говорите, не выйдет.

- Почему? - спрашивает Доватор.

- Место чистое - заметит и убьет... Тревогу подымет, - отвечает Буслов. - Надо иначе.

- Как же иначе? - спрашивает Доватор.

- Я еще сам не знаю, товарищ полковник! - отвечает Буслов. - Раз нужно, пусть, скажем, меня убьют!

- Тогда не нужно! - решительно заявляет Доватор.

- Да нет, товарищ полковник, за здорово живешь я ведь не дам себя убить. Мы вот спустимся к речке, попьем водички - там и план народится... У меня есть один, да с изъянцем... Может, другой клюнет. Вы только меня не спрашивайте, товарищ полковник, пока я не начал действовать... Разрешите выполнять?..

С минуту Доватор колебался. Потом сказал коротко:

- Выполняйте...

Разведчики ушли.

Лев Михайлович взглянул на часы и вспомнил, что в эту минуту полк Бойкова должен громить Демидово, где расположен крупный немецкий гарнизон. "Успешно или с большими потерями?.." Он болезненно переживал смерть каждого казака. Сейчас он обдумывал новое, очень важное задание. Штаб фронта передал по радио шифровку. Намечается десантная операция для оказания помощи войсковой части, окруженной в лесах Белоруссии. Десант будет сброшен в лесах Духовщины. Приказано прикрыть высадку десанта и обеспечить продвижение к месту назначения. "Наметил продвинуться глубже в тыл - не разрешили... Хочется погулять с конницей в лесах родной Белоруссии и наших людей выручить из окружения..."

Вскочил, по-кавалерийски ловкий, бесшумно и быстро добрался до командного пункта, где Карпенков с двумя эскадронами сидел в засаде. Приказал Гордиенкову и Воробьеву взять ручной пулемет и следовать за ним.

Вернулись на старое место. Когда Яша Воробьев установил ручной пулемет, Доватор одобрительно кивнул непокрытой головой.

- А где кубанка, товарищ полковник? - спросил Гордиенков.

- Какая кубанка? Помалкивай, Алешка. Смотри вперед!..

Простое дело - снять часового, а сколько тревог, волнений... Разведчики ушли - и как в воду канули. Минуты кажутся долгими, томительными часами.

Вдруг где-то раздался короткий свист.

Часовой настороженно поворачивает голову и направляется к школе. Неожиданно с противоположной стороны моста появилась фигура человека. Громко стуча сапогами, он шел вслед за

часовым смело и решительно.

Доватор узнает свою кубанку, узнает сутулую фигуру закутанного в плащ-палатку Буслова. Рука Льва Михайловича невольно тянется к пистолету.

- Кто это, товарищ полковник? - шепотом спрашивает Гордиенков.

Доватор напряженно сжимает рукоятку пистолета. Молчит...

Часовой, услышав шаги, оборачивается. Увидев приближающегося человека, вскидывает винтовку, громко, пронзительно кричит:

- Хальт! Хенде хох!..

Буслов покорно подымает руки. Часовой торопливо шарит на груди свисток, но в ту же минуту слышит, что сзади кто-то так же бесцеремонно шагает по мосту. Он невольно поворачивает голову. С той стороны подходит Торба...

Буслов взмахнул рукой - послышался тупой удар, короткий, тихий стон. Торба подхватил падающее тело часового и потащил его к перилам моста. Слышно было, как подборы кованых немецких сапог дробно стучали по мостовому настилу, а потом... Переброшенное через перила тело гитлеровца мягко ударилось о серые, обмытые водой валуны...

Доватор вытер платком лицо от лба и до самого подбородка, точно он без передышки бежал несколько километров.

- Ну и план!.. Ах, черти! - только и мог выговорить Лев Михайлович, дергая Алексея за рукав. Тот, ошеломленный дерзостью разведчиков, замер в неподвижности.

- Чисто сработали! - Гордиенков медленно качает головой, у него от волнения дрожат губы.

- У нас на Оби так с пароходов балласт скидывают, - замечает Яша Воробьев, - бултыхнул - и каюк...

По круче взбирались разведчики. Слышен был треск сучьев, шум скатывавшихся из-под ног камней.

Буслов вынырнул из кустов первым, тяжело дыша опустился перед Доватором на одно колено и поставил штыком вверх взятую у часового винтовку. Стащил с головы кубанку и с неизменным простодушием, но не без волнения сказал:

- Извините, товарищ полковник, забыл совсем - и кубанку вашу унес...

- Нет уж, носи! - твердо проговорил Лев Михайлович. - Слушай, Буслов... - Доватор немного помолчал, подыскивая слова, а потом, встряхнув головой, продолжал: - Все-таки вы не имели права так рисковать из-за какой-то козявки! - Лев Михайлович махнул рукой.

- Опаска была, слов нет. Но ведь без этого не бывает, -

возразил Буслов. - Мы простую механику придумали: после свиста я должен смело идти первым на часового. В одного он стрелять ни за что не станет, а окликнет. Так и вышло... Раз он со мной занялся - значит, второй обязан подходить. Часовой должен оглянуться неминуючи. Оглянулся - значит, пропал...

- Но ведь ты руки поднял! Он мог дать выстрел - и гроб тебе! - горячо возразил Доватор.

- А это бабушка надвое сказала, товарищ полковник. У меня в каждой ладошке по лимонке было зажато, гранатой я его по виску и стукнул.

Лев Михайлович хлопнул Буслова по колену, другой рукой обнял Торбу за шею. С жаркой силой проговорил:

- Вы - молодцы, товарищи мои! Я вас никогда не забуду... Ты, Буслов, носи мою кубанку! Носи просто на память, а ордена будете носить во славу и честь нашей Родины... Жизнь короткая, а слава долгая! - закончил Доватор любимой своей поговоркой.

- Служим Советскому Союзу, товарищ полковник! - Тихо, как клятва, вполушепот прозвучали эти гордые слова среди густого прибрежного ольшаника, стройных молодых березок, под серебристой луной, обливающей белым светом звенящие от ночного ветерка листья.

В деревне неожиданно зафыркал мотор. Слышно было, как тревожно взревел гудок. Сверкая фарами, от школы к мосту катился броневик. Следом за ним шла легковая машина.

ГЛАВА 16

В полночь начальник штаба Кляйнман поднял с постели генерала Штрумфа и сообщил ему немало неприятных сведений.

В районе Демидово появились казачьи отряды Доватора, час назад внезапно напали на районный центр, разгромили гарнизон в самом Демидове и прилегающих к нему селах, на железнодорожной магистрали Витебск - Смоленск спущено под откос два эшелона. В селах Касплянского района перебита вся полиция... Кляйнман докладывал раздражающе-визгливым голосом.

- Генерал Хоппер недоволен системой наших распоряжений. Он требует личных объяснений. Мы с вами должны немедленно ехать.

Последнее сообщение Кляйнмана усилило мрачное настроение генерала. "Тащиться ночью по этим лесным дорогам..."

Он с наслаждением съездил бы кулаком по хитрой физиономии сытенького, коротконогого начальника штаба. Но он не смеет. Кляйнман ставленник самого Гиммлера.

Овладев собой, тихим, хрипловатым голосом генерал зовет

Вилли.

За окном просигналил броневик. Штрумф потребовал плащ и фуражку. Вилли помог ему одеться. Грузно ступая толстыми ногами, пересиливая одышку, генерал направился к выходу. Теперь он думал только о том, как будет докладывать генералу Хопперу о действиях своего сына, который, получив две дивизии, направил их в район Пречистая, а Доватор очутился под Демидовом.

Когда машина подъезжала к мосту, Штрумф, задыхаясь от едкого перегара бензина, поднял воротник плаща. О часовом на мосту он даже не вспомнил и не проследил, как обычно, приветствовал тот его или нет.

Увидев броневик, Гордиенков вскочил на колени, выхватил противотанковую гранату и торопливо щелкнул предохранителем. Машины въезжали на мост. В кабине легковой машины были отчетливо видны офицерские фуражки.

- С офицерами, товарищ полковник, надо их... - прошептал Алексей, рванувшись вперед, но Доватор остановил его:

- Ложись!

Гордиенков, сжимая гранату и порывисто дыша, лег. Машины проехали мост и, увеличивая скорость, пронеслись мимо.

- Черт с ними! - вырвалось у Доватора. - А вы, ваше степенство, имейте выдержку. Видел, как хлопцы действовали, вот и поучись!..

После, когда Лев Михайлович узнал, кого он выпустил из рук, долго не мог простить себе этого.

Едва успели саперы заминировать мост, как на другом конце деревни взвились две немецкие ракеты и осветили крыши домов. Хлестко затараторили автоматы. Началась частая, беспорядочная стрельба. Ярким пламенем вспыхнула какая-то постройка. В чем дело? До начала операции оставалось еще больше часа!..

- Почему подожгли раньше времени? - Доватор бросал на Карпенкова гневные взгляды.

- Не знаю! - Карпенков встревоженно смотрел на пылающую избу.

- Вы - начальник штаба, должны знать! Выяснить и доложить мне! Голос Доватора потонул в оглушительном треске выстрелов многочисленных пулеметов и автоматов.

С наблюдательного пункта было видно, как по освещенной заревом пожара деревне метались темные фигурки немецких солдат. Ветер доносил шум заведенных машин. На западной окраине деревни возник второй очаг пожара еще более яркий и мощный. Деревня, стоявшая на возвышенности, теперь была видна как на ладони.

Освещенное отблесками пожара лицо Доватора было напряженным и мрачным. Волосы упали на лоб и почти закрыли крупные, сведенные гармошкой морщины.

Крыши домов пересекались крестообразными стежками разноцветных трассирующих пуль. Пули долетали до наблюдательного пункта, посвистывая, срывали с деревьев листья.

Доватор видел: на улицу выезжали грузовики, быстро заполнялись немцами. К школе подкатило несколько машин. Солдаты орали и торопливо грузили на них какие-то ящики. С южной стороны, из-за огородов, доносилось приглушенное "ура". Среди белеющих кочанов капусты и темных полос картофеля, около одинокой баньки появились густые группы атакующих.

- Карпенков! - крикнул Доватор. - Один эскадрон из резерва быстро переправляй на западный берег речки, севернее моста. Туда должны побежать немцы. Встретить! Засада, к бою!..

Лев Михайлович чутьем угадывал сложившуюся обстановку. Зажатый со всех сторон, противник будет бешено кидаться в разные стороны, чтобы вырваться. Немцы не знали, что мост заминирован. Как всегда, Доватор отдавал приказания с поразительной ясностью.

Второго крика "ура" на западной окраине в грохоте боя Доватор не слышал. Огонь все нарастал, становился плотнее и ожесточеннее. Доватор видел, как машины одна за другой покатились к мосту, давая продолжительные гудки. Первая же машина вместе с мостом, как огненный смерч, взвилась на воздух. Вторая исчезла в черном дыме, а остальные тормозили и, налетая друг на друга, останавливались. Немцы что-то кричали, выпрыгивая из кузовов, давили друг друга...

- Огонь! - звонко скомандовал Карпенков.

Он руководил засадой. Как всегда деятельный, настойчивый и неутомимый, он перебегал от одного пулемета к другому, требуя усиления огня. Станковые пулеметы и "дегтяри" ударили из засады. На расстоянии семидесяти метров их огонь был страшным и губительным. Яркий свет, падавший от горящей риги, давал возможность бить прицельно. Немцы кинулись было вдоль речки, на юг, но пулеметный огонь заставил их повернуть обратно. Густыми беспорядочными толпами они побежали по восточной окраине села к ближайшему лесу.

Доватор приказал дать сигнал конной атаки.

И вот конная группа, неумолимо поблескивая клинками, с раскатистым "ура" помчалась навстречу немцам.

- Карпенков, огонь убрать! - приказал Доватор.

Пулеметы прекратили стрельбу.

- Хорошо! Хорошо идут!.. - Лев Михайлович возбужденно ерошил волосы.

Зрелище конной атаки увлекало его, и он нетерпеливо хлестал стеком по голенищу. Впереди группы атакующих конников на сером черногривом коне скакал Чалдонов. Конь нес его сильными ровными бросками, круто выгибая передние ноги. Чалдонов врубился первым. Делая клинком молниеносные взмахи, он выгибал корпус то в одну сторону, то в другую с ловкостью степного кочевника. Конь покорно подчинялся движениям его тела, взвивался на задние ноги, делал крутые повороты и снова шел броском в нужном направлении, стремительно и ровно.

Атака на полный аллюр, с близкого расстояния, стремительная и кровавая, решила исход операции в пять - десять минут.

Конную атаку возглавил майор Осипов.

Доватор, обходя со своим штабом еще работающие на полном ходу машины, распорядился уничтожить все военное имущество, которое невозможно увезти, продукты питания раздать населению.

Вокруг еще щелкали отдельные выстрелы. Резервный эскадрон прочищал лесок, раскинувшийся вдоль речушки, вылавливал немцев. То же самое происходило и в деревне. Но где-то уже раздавались веселые звуки "наурской".

Начинало светать. В сером небе разгорался тусклый холодный свет. Над крышами домов, подымаясь от пожарищ, темными полосами расстилался дым. В воздухе стоял смрад от сгоревшей резины, тряпок, бензина. Коноводы рысью подводили эскадронам, дравшимся в пешем строю, лошадей. Сквозь шум и сутолоку раздавались командные выкрики:

- Первый взвод, по коням! Равняйсь!

Слышался цокот подков, скрип седел.

- Это - первый? Где комэска первого? Товарищи, никто не видал комэска один? - раздался голос Криворотько.

- Наверное, в голове колонны! Погоняй... Тут четвертый, - отвечали ему.

Криворотько стегнул коня и поскакал дальше. Около школы он увидел Доватора верхом на коне, окруженного колхозниками. Женщины, зябко кутаясь в шали, наперебой рассказывали о бесчинствах гитлеровских мародеров. Тут же был и Петя. Он с затаенным восторгом смотрел на командира в широченной бурке. Пете очень хотелось поговорить с командиром и попросить его кое о чем, но он не решался.

- Что же нам делать? Как быть? Научите, товарищ командир,

спрашивали женщины.

- Надо помогать партизанам бить фашистов, - говорил Лев Михайлович. Война всенародная. Не давайте врагу ни куска хлеба. Что нельзя спрятать уничтожайте, уходите в лес. Мы придем, освободим вас. Надо бороться с гитлеровцами, не щадя жизни. Мы хозяева своей земли. Нельзя падать духом!

Слова Доватора глубоко западали в душу Пети. Он расхрабрился и хотел было вступить в разговор с командиром, но в это время подъехала большая группа кавалеристов. Зрелище было поразительное: все в одинаковых черных бурках, а у одного командира тонконогая лошадка выкидывала такие кренделя, что Петя и рот раскрыл. "Самый главный, наверное", - подумал он. Об этом свидетельствовал и кончик золотой шашки, торчавшей из-под бурки, и шпоры на тоненькой серебряной цепочке. Однако Петя тотчас же убедился, что мнение его ошибочно. Командир, разговаривавший с женщинами, начал сердито расспрашивать подъехавших и даже покрикивать.

- Почему раньше времени начали действовать? Почему зажгли дом, когда было приказано осветить ригой? - спрашивал Лев Михайлович.

- Не знаю, товарищ полковник! - Осипов недоуменно посмотрел на Доватора. Он сам был удивлен, когда загорелся третий от края дом и началась преждевременная стрельба.

- Сгорела усадьба Авериных, - сказала одна из женщин.

- Надо выяснить, - приказал Доватор.

- А я знаю, кто запалил! - звонко выкрикнул Петя.

- Откуда ты знаешь? - Осипов нагнулся с седла. Он смотрел на Петю добрыми прищуренными глазами. Его тяжкое горе сегодня как-то притупилось оно растворилось в опьяняющем, горячем чувстве мести, в заботе о делах, в чувстве воинского долга.

- Аверина, тетка Марфа, сама запалила, а я ей солому подтаскивал! Дяденька, товарищ командир! - Петя умоляюще смотрел то на Доватора, то на Осипова. - Возьмите меня в армию!.. Мы с теткой Марфой фашиста вилами запороли!..

Осипова передернуло от слов мальчика. Он взглянул на Доватора, потом на Петю.

- Антон Петрович, проверь-ка сам, что там случилось, - встретившись с ним взглядом, приказал Доватор.

Он уже догадывался, что случилось. Катя ему рассказала, что ее мать поклялась спалить дом вместе с немкой, но он тогда не придал этому значения. Лев Михайлович, склонившись с седла, спросил:

- Как тебя зовут, сынок?

- Петр Иванович Кочетков, - охотно ответил Петя. - Мне уже девять аль десять! - добавил он, поблескивая глазами.

- Расскажи, Петр Иванович, как фашиста запороли, - сказал Доватор.

- Мы солому натаскали и дверь в горницу дрючком подперли, а немец зашел и кричать начал. Тетка Марфа вилами солому хотела брать и еще хотела принести из риги, а он увидел... - Но досказать Петя не успел.

На полном галопе в группу всадников врезался Криворотько. Подъехал к Осипову и шепнул ему что-то на ухо. Антон Петрович оглянулся, точно ужаленный, рванул поводья, круто повернул кобылицу. К школе, громыхая колесами, подъехали две брички. На передней лежал капитан Почибут. Он был бледен, дышал тяжело. Голова была обмотана окровавленной марлевой повязкой. На второй бричке, которую в Подвязье пулеметчики приспособили вместо тачанки, вытянув руки по швам, точно отдавая глядевшим на него командирам последнюю воинскую честь, лежал старший лейтенант Дмитрий Чалдонов. Растрепанный чуб его был влажен от крови и поник на левый висок, прикрывая то место, куда ударила вражья пуля.

Черногривая кобылица Чалдонова, разгоряченная боем, металась из стороны в сторону, забегала вперед, высоко поднимала голову, раздувая ноздри. Шла назад, к бричке, но, подойдя ближе, шарахалась в сторону, останавливаясь, дрожа всем телом, косилась на бричку, словно спрашивала: "Что же это случилось с моим хозяином?" - и никого к себе не подпускала.

Осипов склонил голову, сжал переносицу, как будто у него ручьем текла из носа кровь. Доватор медленно стаскивал с головы кубанку. Лицо его сразу сделалось сумрачным. Женщины откровенно плакали. Петя не плакал: он жмурился, точно от досады, морщил нос...

А солнце вставало, разбрызгивало над темным лесом яркие утренние лучи. По извилистым, уходящим к лесу дорогам растянулись длинные черные ленты кавалерийских эскадронов. Следом катились повозки, наполненные трофеями. На одной из них сидел дед Рыгор, суровый, величественный. Рядом шла Оксана. А позади всех на маленькой лошадке трусил одинокий всадник. Он не отставал от эскадронов и не нагонял их - ехал на почтительном расстоянии...

ГЛАВА 17

На привале в лесу разведчики решили первым долгом разложить костер и наварить картошки.

- Красота посидеть около огонька, картошек испекти! Ну, а барабуля тут, браты мои, не хуже кубанской. - Торба развязал

мешок и вытряхнул на землю крупную картошку. - Ты погляди, Павлюк! Такую взять горяченькую, разломить пополам - она парок пускает. Трошки соли, корочка поджаристая, на зубах хрустит, да ще цибулю - объеденье, браты!

- Варить надо поскорее, - перебивает его Павлюк, бросая на землю охапку хвороста. - Нечего над картошкой колдовать: кишки подвело, ремень уж на последнюю дырку подтянул - и все слабо.

- Не гуди, прикумский гарбузник! - огрызается Торба.

- Во-первых, не гарбузник, а винодел, это большая разница, товарищ Торбачевский! У нас в Прикумщине...

- Ты що к моей фамилии кончик приставляешь? - Торба с угрожающим видом берет хворостину.

- Чуток прибавлено - и уже звучит!.. А то - Торба, что это такое? Посудина, из которой кони пищу принимают!..

- Геть, гарбузник! - Торба замахивается хворостиной. Павлюк кидается в кусты и чуть не сбивает с ног Яшу Воробьева, идущего с охапкой хвороста.

- Вот люди, чисто младенцы! - ворчит Яша Воробьев, ломая о колено ветки для костра. Он чем-то встревожен и явно не в духе. Подняв голову, Яша прислушивается к голосу Шаповаленко, который сидит вместе с дедом Рыгором и с увлечением читает ему что-то из своей тетрадки. Теперь, после освобождения деда Рыгора, Филипп Афанасьевич с ним неразлучен.

- "А яки колгоспы на реках стоять, - читает Филипп Афанасьевич, печки переделать на каменный уголь. Доставлять его на баржах по реке Кубани, а лес на дрова не переводить, бо от этого государству великий убыток, да и скучно жить без лесочка..."

- Это верно, - кивает дед Рыгор. - Люди рубят где попало... Надо сады разводить, пчел, плотины строить.

- Написано, - подтверждает Филипп Афанасьевич, - послухай пункт сто восемьдесят пятый: "Сады надо выращивать по-мичурински, щоб их не брал ниякий мороз..."

- Эй, борода, опять читаешь? - отшвырнул ногой хворост, накидывается Яша на Шаповаленко. - А кто будет костер разжигать? Писатель нашелся, Лев Толстой! Я лейтенанта должен кормить? Можешь ты это понимать аль нет?

- А ты скажи моей дочке, она и состряпает, а кричать, сынок, негоже!.. Человек план колхозной жизни на пятьдесят лет составил, говорит дед Рыгор.

- Ксана Григорьевна опять в разведку ушла, - тихо говорит Яша. Дайте хоть спички.

- Серники у Буслова. Позови его, он и поможет, а от меня видчепись, я за конями слежу, - отмахивается Шаповаленко.

- Буслов, Буслов, - ворчит Яша, - вот он сидит на пеньке и горюет. У него слова не добьешься, нахмурился, как туча в буран. Я ему консервы носил, шнапсу предлагал хлебнуть - даже головы не поворачивает... Каменный человек!

- А что с ним? - спрашивает дед Рыгор.

- Прежнего командира убили, - отвечает Филипп Афанасьевич. - До этого он в пулеметном эскадроне был, а потом его полковник в разведчики перевел. Парень он храбрейший, добрый, теперь зажурився: жалко старшего лейтенанта Чалдонова. "Меня, - говорит, - там не было, потому и убили". Сильно горюет хлопец. Пуля - дура! - вздохнув, заканчивает Шаповаленко.

- Вот Харитина Петровна... - Умное, серьезное лицо деда Рыгора становится задумчивым и строгим. Может быть, он вспомнил в эту минуту пройденный вместе с Харитиной Петровной долгий путь сорокалетней жизни со всеми его радостями и горестями. Может быть, воскресил в памяти родные, дорогие сердцу черты, безвозвратно ушедшую юность, веселую черноокую Харитину в вышитой кофточке, бойко плясавшую "лявониху". Дед Рыгор прислонился к сосне, и она, казалось, дрогнула, заскрипела под его спиной.

- Ты Буслова не замай, - говорит Шаповаленко Яше. - Зараз чоловику лихо - он перекипит и остудится, на войни слеза шквидко сохне, чуешь?..

Буслов сидел на пеньке, то и дело вынимал из кармана кисет, набивал трубку, сильно затягивался.

Яша, собирая хворост, все время на него поглядывал из кустов.

"Смотри, как перевернуло парня, хоть бы поел чего-нибудь", огорченно думал Яша.

Буслов, словно чувствуя, что за ним кто-то наблюдает, встал с пенька и углубился в лес. Шел он медленно, тяжело, не замечая окружавших его березок, лапчатых елей, высоких мачтовых сосен и прыгающих с ветки на ветку белок. Не верилось ему, что его командира, товарища и друга сегодня зароют в холодную землю и уже не споет он больше задушевную песню про широкую русскую степь...

Впереди, в молодом ельнике, беспокойно застрекотала сорока. Буслов поднял голову. Птица кружилась над верхушками деревьев, садилась на ветки, снова взлетала. Буслов остановился и посмотрел вперед. Над молодым ельником вился едва заметный дымок. Буслов осторожно раздвинул кусты. Под елкой, у ярко горевшего костра, сидел мальчик лет десяти, в каске, в телогрейке с подвернутыми рукавами, и что-то варил в

консервной банке. В сторонке была привязана маленькая вислопузая кобыленка с репьями в хвосте. На спине у нее вместо седла было прикреплено веревкой какое-то пестрое рядно. У дерева стоял дробовик с надтреснутой ложей и с заплатками на стволе. У костра лежали горбушка ржаного хлеба, картофель, несколько головок лука. Увидев Буслова, мальчик молча взял в руки ружье, положил его поперек колен, потом подбросил в костер несколько сухих ореховых веточек и, наклонившись, начал старательно дуть на костер. Буслов, подойдя к костру, спросил:

- Ты что тут делаешь?

- В лагере я, - буркнул мальчик.

- В каком лагере?

- В партизанском - не знаешь, в каком?

- А где же твои партизаны?

- Я сам.

- Са-ам? - протянул Буслов, пряча добродушную улыбку. - А где же командир отряда и кто он?

- Петр Иванович Кочетков, вот кто.

- Что это за Петр Иванович? Как бы его увидеть?

- Я - Петр Иванович Кочетков.

- Ага! - Буслов подсел к костру, взял головешку и, раскуривая трубочку, спросил: - Войско-то у вас большое, Петр Иванович? Или это военная тайна?

- Пока я один! - Петя вытер кончик носа ладонью и оставил на щеке заметный след золы и сажи. Потом он уверенно добавил: - Наберем! В армию просился, да кавалерийский полковник в партизаны поступить велел и подюжей немцев бить. "Ты, - говорит, - Петр Иванович, все тут знаешь, ты человек партийный, и с немцами тебе жить нельзя".

- А вы, Петр Иванович, партийный? - спросил Буслов.

- Пионер, - гордо ответил Петя и вытащил из кармана кумачовый галстук. - А вы из кавалеристов, да? - Петя заблестевшими глазами смотрел на Буслова и, главное, на его наган, висевший у пояса.

- Ружье как? - кивая на берданку, спросил Буслов.

- Отцовское ружье. Тетеревушек бьет с одного раза, - ответил Петя, не спуская глаз с бусловского нагана.

- Патронов много к ружью-то?

- Три штуки есть!

- Маловато. - Буслов покачал головой. - А где отец у тебя?

- В Красной Армии. Первый ушел! - Петя тоненькой палочкой попробовал варившуюся в банке картошку, проткнул кожуру и вытащил одну картофелину. Убедившись, что она поспела, обжигая пальцы, разломил ее на две части и большую протянул

Буслову: - Поешь, дядя.

Буслов взял картофелину и стал молча чистить ее...

Торба вместе с охапкой дров принес в лагерь два гриба.

- Это ж боровики, цари грибные! Фунт таких грибов заменяет полфунта мяса! - обрадовался Яша.

- Павлюк, дерни его за ухо, щоб не брехав, - проговорил Торба.

- Это я брешу? - воскликнул Яша. - Да из них можно такое варево состряпать - котелок наизнанку вывернешь!

- Верно, - поддержал его Павлюк. - Ну, ладно, хлопчики! Сейчас такой обед закатим: печеная картошка - раз, вареная - два, тушеная с концентратами - три! Жрать так хочется, прямо хоть коню ухо грызи!

Он не видел, как сзади подошли Доватор и Карпенков.

- Вы что, товарищи, костер готовитесь разжигать? - спросил Доватор.

- Так точно, товарищ полковник! - вытянувшись, ответил Торба. Картошки хотим сварить и подсушиться малость.

- Ведь запрещено жечь костры, вы разве не знаете?

- Да это ж ночью, товарищ полковник, а мы зараз...

- И сейчас опасно разжигать костры, - ответил Доватор и, заметив в ельнике дымок, сердито спросил: - А там кто? Бомбежки хочет?

Приказав еще раз строго предупредить людей, что костры жечь запрещается, Лев Михайлович прошел в ельник, где лениво курился синеватый дымок.

Буслов и Петя давно уже покончили с картошкой и теперь, сидя рядышком, занимались сборкой нагана.

- Это спусковой крючок называется, это барабан, - учил Буслов Петю.

Кобыленка мотала головой и рвала ветки. Увлеченный наганом, Петя с досадой покрикивал на свою лошадь:

- У, отчаянная! Не можешь смирно постоять!..

- Ее попасти надо или травы нарвать. Коня беречь надо, Кочеток, ласково говорил Буслов.

Доватор минуты две наблюдал за ними, наконец, не выдержав, шутливо сказал:

- Мы с партизанами связь не можем установить, а они, оказывается, под боком... Вот только костер надо потушить, а то немецкие разведчики летают.

Буслов смутился. Козырнув, он начал затаптывать костер.

- А вы откуда взялись, молодой человек? - спросил Доватор, поглядывая на Петю.

- Командир партизанского отряда Петр Иванович Кочетков, -

добродушно улыбаясь, ответил Буслов.

- Петр Иванович? Да ведь мы с ним знакомы! - проговорил Лев Михайлович. - Как вы здесь очутились, Петр Иванович?

Буслов коротко рассказал Доватору историю Пети. Оказалось, что совет полковника идти в партизаны Петя принял как боевой приказ. Поймал каким-то чудом уцелевшую в деревне лошадку, захватил необходимое "снаряжение" и отправился вслед за ушедшей конницей. Километров сорок он ехал позади всех, из боязни, что его вернут обратно. Так он и прибыл благополучно в леса Духовщины, расположился лагерем по соседству с кавалеристами с твердым намерением следовать за ними или разыскать какой-нибудь партизанский отряд. Буслов попросил у Доватора разрешения оставить Петю в эскадроне.

- Как же не взять командира бесстрашных партизан! - улыбаясь, сказал Лев Михайлович. - Вот только конь у него уж очень пузатый... Да и хвост надо от репьев очистить. Ты, Буслов, седло подбери и в общем возьми его на свое попечение. А ружье, Петя, ты не бросай, береги - мы его после войны в музей сдадим...

Оксана Гончарова была направлена в разведку для связи с партизанским отрядом.

...Лунная осенняя ночь. Под ногами шуршали опавшие листья, потрескивали в тишине сухие ветки. В лесу - полное безмолвие, если не считать постоянной ночной трескотни немецких пулеметов и отдаленного грохота пушек.

Лес кончился. Перед Оксаной лежала широкая, освещенная луной поляна. Оксана вышла из кустов. Неожиданно все осветилось ярким зеленоватым светом. Ракеты, шипя, взлетали в воздух и лопались с треском прямо над головой. "Хальт, рус!" Немцы набросились на Оксану, схватили ее. На опушке леса была устроена засада. При обыске у Оксаны нашли компас, а этого было больше чем достаточно, чтобы расстрелять девушку. Через час она была доставлена в немецкий штаб.

После двухчасового допроса Густав Штрумф устал, обессилел от злобы, но ничего не добился от девушки.

- Когда моя жена приехала занимать квартиру, вы сидели с Екатериной Авериной и пили молоко. Так?

- Не помню, - коротко отвечала Оксана и упрямо смотрела себе под ноги.

- Но я знаю! - в бешенстве кричал полковник.

Даже часовой у двери вздрагивал от этого крика.

- Кто зажигал дом, говори?

- Не знаю.

- Ты куда шла?

- Домой.

- А где твой дом?

- Везде.

- Хорошо. Скажи мне одно слово, - с каким-то жутким спокойствием продолжал полковник, - и я отпущу тебя. Дом зажгла Екатерина Аверина, чтоб уничтожить мою жену. Так? Да или нет? Скажи - да. Забирай пропуск и уходи. - Полковник впился в Оксану острым взглядом, ждал ответа.

Оксана отрицательно покачала головой.

Полковник вскочил, замычал, поднял над головой кулаки...

Спустя час, выходя из подвала, он встретился с отцом. Генерал Штрумф оглядел сына с ног до головы, словно видел его в первый раз. Взглянул на руки Густава и поморщился: они были в крови.

- Какие новости? - сухо спросил он, отворачиваясь.

- Перехвачена шифровка русских, - ответил Густав. - В районе Демидово должен высадиться авиадесант, там же будет сброшен груз с боеприпасами для Доватора. Я захвачу его и уничтожу десант вместе с конницей Доватора! Полковник говорил возбужденно, нервно подергивая плечами.

- Но пока Доватор уничтожает нас, - иронически заметил генерал. - Мы потеряли топографический штаб армейского значения - и только из-за твоей излишней самоуверенности! Доватор тактически уничтожил тебя...

- В мою компетенцию не входили обязанности по охране штаба.

- У тебя ослаблены волевые центры. Ты утомлен! - резко прервал его Штрумф-старший. - Ты все потерял!

- Даже чуть не потерял собственную жену! Она чудом спаслась! визгливо выкрикнул полковник.

- А я потерял свою репутацию, - тяжело дыша в лицо сыну, проговорил Штрумф. Сняв фуражку, он вытер платком безволосую голову.

В штабе Хоппера, откуда он только что приехал, ему пришлось пережить неприятные минуты. В зоне расположения резервных частей, находящихся под командованием генерала Штрумфа, Доватор разгромил несколько гарнизонов, на большаках было уничтожено свыше двухсот машин.

Генерал Штрумф вместе с чувствительной трепкой получил последний и категорический приказ: во что бы то ни стало немедленно ликвидировать Доватора, не считаясь ни с какими потерями. Он поставил сына в известность, что сам лично будет контролировать весь ход операции по ликвидации действующих в тылу кавалерийских частей, и приказал немедленно вместе с перехваченными шифровками Доватора прислать к нему майора

Круфта.

- Когда перехватили эту шифровку? - спросил Штрумф майора, когда тот появился.

Майор ответил.

- Так... значит, Доватор получил приказ прикрыть высадку авиадесанта в районе Демидово и там же пополниться боеприпасами?.. - Штрумф углубляется в карту, иногда поворачивает голову и перечитывает шифровку. Но они могут в последнюю минуту изменить координаты? - Штрумф презрительно смотрит на Куфта, как бы давая ему понять, что майор болван, если считает русских глупее себя.

- Они уже меняли координаты три раза, - подтверждает Круфт.

- Поэтому ваши шифровки пока ничего не стоят, - раздраженно прерывает его Штрумф. - Где же все-таки будет высажен десант? В каком лесу?

Круфт едва заметно пожимает плечами. Он обижен на генерала. "Старая пивная бочка, я еще тебе самого главного не сказал", - думает про себя майор.

- В последней радиограмме при расшифровке времени и даты выпадает цифра два... Это значит: фактические координаты указаны в радиограмме номер два! - Майор Круфт абсолютно в этом уверен.

- Так почему же вы до сих пор молчали? - недоверчиво спросил Штрумф.

- Я не успел доложить вам.

- Отлично! Мы изменим координаты в четвертый раз. - Штрумф тут же продиктовал радиограмму: "Сменил расположение. Высадка десанта старым координатам невозможна. Жду координат тридцать четыре девяносто шесть. Раннее утро. Доватор". Зашифруйте так, чтобы этим подтвердить высадку десанта цифрой два, как хочет русское командование, и передавайте до тех пор, пока не получите квитанцию...

- Господин генерал, это ход, достойный Капабланки! - льстиво сказал майор.

Когда майор вышел, генерал фон Штрумф весело рассмеялся.

"Ход Капабланки! Ты, майор, глуп, как сто баранов".

Он вызвал сына и приказал все участки предполагаемой высадки десанта непрерывно контролировать авиацией, засады усилить. Доватора запереть в лесах Духовщины, морить его людей и лошадей голодом. Начать методическое наступление, не жалея бомб и снарядов.

ГЛАВА 18

29 августа кавалерийские полки, укрываясь от наседавшей

авиации, сосредоточились в районе Боярщины.

Подтвердив шифровкой место высадки десанта, Доватор с нетерпением ожидал от штаба армии дальнейших распоряжений. Однако уже более суток связи не было. Большая земля передавала из Москвы сводки Информбюро, концерты, сообщения по Советскому Союзу и из-за границы, но штаб армии молчал.

Лев Михайлович сидел под высокой елкой на куче зеленых лапок, кутаясь в свою широкую бурку, и читал неутешительные донесения из частей и подразделений. Группы, высланные для хозяйственных операций, вынуждены были вернуться ни с чем. Немцы начали методически обстреливать лес, бомбить и блокировать. С другими частями уже два дня связь поддерживалась только по рации.

Рядом с Доватором усталый радист монотонно твердил в аппарат:

- Один, два, три, четыре. Четыре, три, два... "Енисей"! "Енисей"! Ты меня слышишь? Жду настройки, жду настройки! Я "Амур"! "Енисей", ты меня слышишь?..

Под другими елками спали офицеры связи и посыльные. Карпенков, прикрыв рукой воспаленные от бессонницы глаза, диктовал приказ о подготовке рубежей для круговой обороны.

Из разведки вернулся Алексей Гордиенков; опустив грязные, подвернутые полы шинели, присел рядом с Доватором и начал докладывать:

- Всюду ведут окопные работы. Ночью заняли все прилегающие к лесу деревни. Жителей куда-то угоняют. Окружение почти полное. Я едва проскользнул. Разведчиков посадил в сарае, на той поляне. Они будут сигналить самолетам кострами и ракетами, но обратно им вернуться будет трудно. Все закрыто.

- Ладно, ты пока помалкивай! - Лев Михайлович позвал Карпенкова, развернул карту и показал ему обстановку. Она неожиданно изменилась в течение последних суток. С запада немцы закрыли выход танками, непрерывно патрулировали по большаку с юга и с севера, одна пехотная и одна моторизованная дивизии вели окопные работы и подтягивали артиллерию. С востока на десятки километров тянулось непроходимое болото. Замысел немцев был ясен Доватору. Они решили блокировать лес со всех сторон, прижать конницу к болоту и уничтожить ее.

Можно было бы еще пробиться и сейчас, но маневр затруднялся наличием тяжелораненых и отсутствием достаточного количества боеприпасов.

- Они нам тут дадут жизни, - заметил Карпенков.

- А это мы еще посмотрим, - сказал Доватор, протягивая руку

к потухающему костру. - Как ты думаешь, в чем наша ошибка?

- Черт ее знает!.. Может быть, не следовало так углубляться?

- Наоборот, надо было уйти еще дальше! Ты пойми: все-таки мы находимся в зоне прифронтовой полосы. Здесь фактически район сосредоточения армейских резервов. Надо быть дураком, чтобы не уничтожить нас. Конечно, нам следовало уходить глубже в тыл, в леса Белоруссии. Оттуда мы могли бы совершить любой маневр... Но... - Доватор задорно усмехнулся и умолк.

- Я полагаю, что нам надо прорываться, пока не поздно, - нерешительно заявил Карпенков.

- А я решил пока подождать...

- Ждать, пока совсем окружат?

- Волков бояться - в лес не ходить.

- Так-то оно так... - нерешительно начал было Карпенков, но Доватор договорить ему не дал.

- Именно так. Мы еще задачу не выполнили!..

- Есть связь! - крикнул радист, торопливо записывая радиограмму.

Доватор и Карпенков кинулись к аппарату. Радировал штаб Западного фронта, непрерывно следивший за действиями конницы. Было приказано операции прекратить и выходить обратно.

Но выходить фактически было некуда...

- Немножко поздновато, - проговорил Карпенков. - Ну, да ничего, попробуем!

Доватор промолчал.

Алексей только сейчас понял всю сложность обстановки.

За последнее время его не покидало чувство беспокойства за Нину. С момента ухода в рейд они виделись редко. Он почти все время находился в разведке, а она целиком была поглощена уходом за ранеными, которых с каждым днем становилось все больше и больше. Сейчас Алексея потянуло к ней. Через несколько минут он очутился около госпитальных палаток. Нина заботливо укрывала буркой раненого. Тот горячо что-то ей говорил, выпрастывая из-под бурки руки, бил себя кулаком в грудь. Подойдя ближе, Алексей узнал Ремизова. Трибунал осудил его: Ремизов получил три года условно. Доватор решил оставить его в части и перевел в комендантский эскадрон. Там Ремизов нес службу, как слышал Алексей, исправно, а в последнем бою отличился, но был тяжело ранен.

Увидев Алексея, Ремизов укрылся с головой и затих. Нина встала и пошла Алексею навстречу. Она была сильно утомлена, взволнована. Алексей сразу заметил это и спросил:

- Ты, Нинуха, что такая... туманная? Опять умирает кто-

нибудь?

- Нет, Алеша, никто не умирает... только вот Ремизов... - Нина смущенно умолкла. Виновато взглянув на Алексея, сказала: - Он хочет умереть.

- Да что он, с ума спятил?

- Он говорит, что мы не выйдем из окружения. Гитлеровцы все равно перебьют раненых... А он боится, что фашисты его захватят и будут мучить... Он очень тяжело ранен...

- Полковник никогда раненых не бросит! А в общем, псих твой Ремизов, - решительно заявил Алексей.

- Он такой же мой, как и твой, - вспыхнув, заметила Нина.

- Я шучу, чего ж сердиться? - Алексей ласково взял Нину за руку.

- Я не сержусь, Алеша, - тихо ответила Нина. - Я тебе должна сказать, что... - Нина смотрела на Алексея ясными, открытыми глазами, - что я знаю Ремизова давно. Еще до войны... И ты его тоже видел.

- Вот этого я уж не помню, - пожимая плечами, проговорил Алексей.

- Помнишь Гагры? Ох, какая я тогда была глупая!

- Нет, ты тогда была хорошая, - проговорил Алексей.

...После финской войны Алексей получил путевку в дом отдыха. Жестокие морозы на Карельском перешейке, "кукушки" на деревьях, окутанных инеем, все это осталось позади. Алексей вскакивал утром с постели раньше других, быстро одевался и бежал на берег моря. С радостью смотрел он, как плещутся, облизывая пляж, шумные волны. Позавтракав, он брал полотенце и с книжкой в руках валялся на песке. Самые жаркие часы проводил в прохладном сумраке бильярдной. Перед ужином азартно играл в волейбол, а вечером любил сидеть в аллее парка и наблюдать за пестрой толпой гуляющей публики. Однажды Алексей с томиком стихов Маяковского сидел на скамейке в тени старой магнолии. Услышав хрустение гравия, он поднял голову и увидел девушку. Она была чем-то встревожена, беспокойно оглядывалась по сторонам. Мельком взглянув на Алексея, она оправила платье, цветом похожее на полевую герань, и села на другой конец скамьи. Она то открывала, то закрывала какую-то книжку в зеленом переплете, а потом, увидев в глубине аллеи молодого человека в сиреневой майке, отложила книгу в сторону... У нее было красивое, совсем юное личико. Молодой человек в сиреневой майке, не дойдя до скамьи, сердито взглянул на Алексея, круто повернулся и пошел обратно. Алексей хотел было расхохотаться, но, взглянув на соседку, увидел: уткнувшись в книгу, она плакала.

- Почему вы плачете? - смутившись, спросил Алексей.

- Стыдно, вот и плачу! - Девушка, скомкав платочек, решительно вытерла слезы и взглянула на Алексея: - Вы меня извините, смешно, конечно...

Ее глаза смотрели доверчиво и смело.

Она захлопнула лежавшую на коленях книгу. Это был Чернышевский - "Что делать?". Встала.

- Вам нравится эта книга? - спросил Алексей. Ему не хотелось, чтобы она ушла.

- А кому она не нравилась? Разве одному русскому царю! - ответила она.

После этого они встречались каждый день, вместе читали, спорили о прочитанном. Рассказали друг другу о своей жизни, но Нина так и не объяснила, почему она плакала в тот день в аллее, а Алексей не спрашивал.

Расстались они друзьями, поддерживали переписку.

Алексей уговорил Нину выбрать район для работы недалеко от расположения его части. Это дало им возможность встречаться, а потом вместе поехать на фронт...

И только теперь, под грохот орудий, в этот тревожный час, она рассказала Алексею, что плакала тогда от стыда и боли, которые ей причинил Ремизов...

В первые, самые счастливые дни пребывания в санатории Нину приметил молодой человек из соседнего дома отдыха. Ему было лет двадцать шесть двадцать семь. Шелковая майка, серые коверкотовые брюки, бронзовый загар закаленного тела, небрежный зачес вьющихся рыжих волос, изысканность и предупредительность - все это было выставлено напоказ восхищенной девушке. Жорж Ремизов отрекомендовался с простецким молодечеством спортсменом, лектором, руководителем массовых мероприятий, актером-любителем, экскурсоводом и т. д. - бог знает какими только талантами не обладал этот очаровательный молодой человек. Днем Жорж ознакомил Нину с достопримечательностями курорта и назначил свидание на вечер.

В отдаленной аллее парка, куда Жорж привел Нину, они сели на скамейку. В том состоянии душевного восторга, в котором она находилась, он мог бы, пожалуй, увести ее и на вершину Эльбруса. Однако Жорж, как видно, не чувствовал всей прелести вечерней прохлады, приглушенного шума морских волн. Его горячая, влажная рука обняла Нину за талию, он прерывисто задышал... До того неожиданным было его поведение, что Нина посмотрела на него с недоумением. Студенческий коллектив, в котором она жила и воспитывалась последние годы, уважал и

ценил дружбу.

- А ну, прочь! - звонко выкрикнула Нина. Она выскользнула из его объятий и что есть силы пустилась бежать...

- Кажется, я ударила его... Не помню... А вот теперь он просит яду... И мне его жаль, Алеша! У него началась газовая гангрена. Плачет все время. Тебе его не жаль?

- Не знаю, как тебе сказать, - задумчиво ответил Алексей. - Если пусто жил, пусть хоть умрет спокойно... А я и не знал, что ты, что он...

Алексей не договорил, порывисто встал и, не простившись с Ниной, крупными шагами пошел на командный пункт Доватора. Нина в холодном оцепенении осталась сидеть под елкой.

"Не поверил!" Эта мысль ножом полоснула по сердцу.

ГЛАВА 19

Это была последняя относительно спокойная ночь. Днем немцы безуспешно пробовали атаковать в разных направлениях конные полки. К ночи выстрелы стихли. В елочных шалашиках, прячась от беспрерывно и нудно гудевшего "костыля", тускло горели огни. Высокие сосны покачивались от ветра, скрипели, перешептывались, как добрые великаны, охраняющие покой тысяч утомленных людей.

В шалашик Алексея сквозь еловые ветки заглядывала яркая звездочка, похожая на одинокого светлячка.

"Вот и докатился до ревности", - размышлял Алексей. И это жестокое, унизительное чувство оскорбляло его. Он не позволял себе в отношении Нины ни одной дурной мысли. Он искренне любил ее и терпеливо ждал, когда их отношения станут более близкими.

Он лежал на спине, закинув руки за голову, и морщился, как от боли.

С жестокой обидой в душе Алексей чувствовал, что не может верить ей. Ложь, притворство всегда вызывали у него гадливое чувство. Алексей укрылся буркой с головой и решил заснуть, но сна не было. Кто-то, шурша плащ-палаткой, прошел мимо шалаша, а потом, раздвигая ветки, заглянул в отверстие.

- Кто это? - спросил Алексей, поднимая голову, и тут же по специфическому лекарственному запаху узнал Нину.

Она сидела у входа в шалаш не шевелясь. Алексей в темноте не видел, как изменилось ее лицо. Ему почему-то казалось, что она перестала дышать.

- А может быть, все это истерика? - спросил он.

- Какая истерика?

- А вот я перед твоим приходом закатил истерику...

- Кому?

- Сам себе... Вот сейчас лежу и над собой смеюсь. Видно, в человеке много всякой дряни... Дикие мысли в голову лезут, а после самому противно...

Нина, положив голову ему на колени, как это делают дети, тихо смеялась. Она чувствовала, как по ее телу разливалась мягкая, успокаивающая теплота. Это чувство передавалось и Алексею. Ему стало удивительно спокойно и хорошо.

Утром Гордиенков пришел на командный пункт выбритый, подтянутый, в безукоризненно чистом подворотничке.

- Ваше степенство именинником выглядит, - шутливо заметил Доватор, любуясь его выправкой. - На вечеринку, что ли, собрался?

- На свадьбу, товарищ полковник, - с таинственным видом ответил Алексей.

Лев Михайлович кивнул головой. Все операции в тылу у врага было принято называть "свадьбами".

- Да, у нас теперь "свадьба"! - весело и спокойно проговорил Доватор.

Он сидел на пеньке и как ни в чем не бывало насвистывал, хотя кругом и начинал нарастать неумолкающий шум боя. По лесу раскатывались орудийные выстрелы, трещала хлесткая дробь пулемета. Немцы напирали со всех сторон.

Над круговой обороной с самого утра нахально кружился вражеский разведчик, едва не задевая верхушек деревьев. Можно было ожидать бомбежки. В полках же не было ни одной зенитной пушки и запас винтовочных патронов был ограничен. К месту высадки десанта, где наши самолеты должны были сбросить боеприпасы, не представлялось возможным пробиться. Но ни критическое положение, в которое попала конница, ни превосходство сил врага, вооруженного всеми видами техники, казалось, не смущали Доватора. Он, по обыкновению, был оживлен, весел и беззаботно насвистывал. Даже Карпенкова начала раздражать эта непонятная "беспечность". Стараясь не показать своего раздражения, он сказал:

- Сквернейшие дела, Лев Михайлович!

- Сквернейшие, - согласился Доватор. - Он нам флажки готовит, как волкам... Хорошо бы вышло, если бы он на нас еще дивизию бросил. Очень было бы хорошо!

- Надо все-таки искать выход, - как бы вскользь заметил Карпенков, не обращая внимания на последние слова Доватора.

А выход был один: пробиваться болотом, но тогда пришлось бы бросить около четырех тысяч коней.

- Вот ты и поищи... - Доватор усмехнулся. И тут же неожиданно распорядился: - Слушай, Андрей, прикажи Атланову:

пусть он полк майора Осипова отведет от высотки, которую тот обороняет, метров на семьсот восемьсот в лес.

- Отдать высотку?! - Карпенков с трудом перевел дух. - Это же...

- Отдать! Пусть берут, - спокойно сказал Доватор.

- Да гитлеровцы уже два дня пытаются овладеть ею! Они тогда полезут в просеку и будут просачиваться по краю болота. Нельзя допустить этого!..

- Ну и что же? Иди, Андрей, выполняй немедленно приказ! Еще раз повторяю: полк Осипова переходит на второй рубеж обороны.

Карпенков сорвался с места и побежал к офицерам связи.

- Майора Осипова и комиссара Абашкина ко мне! - крикнул ему вслед Доватор.

Он хотел было объяснить Карпенкову тактический смысл этого приказания, но тот не стал дожидаться и ушел. Льву Михайловичу было досадно, что умный и восприимчивый начальник штаба не понял сразу его замысла. "Утомлен", - подумал Доватор. Карпенков действительно не спал уже несколько ночей, и сам командир кавгруппы не помнил, когда он нормально отдыхал. Поджидая Осипова и Абашкина, Лев Михайлович завернулся в бурку и прилег под дерево и вдруг, вспомнив что-то, засмеялся. Сегодня, под утро, накинув на плечи плащ-палатку, он отправился на линию обороны с целью проверить бдительность караула. В первую очередь он решил побывать на сторожевой заставе, выставленной полком Осипова. Бесшумно пробираясь по кустам, Доватор наткнулся в темноте на часового с подчаском.

Казаки сидели в густых елочках и тихо переговаривались.

- Наш командир всех бы фрицев порубил, - слышался голос из кустов, да ему полковник нахлобучку дал и приказ отменил. "В плен, - говорит, бери". Ну и набрали полторы сотни. Они сигарки курят да над нами похохатывают... Командир полка мимо проходит, аж зубами скрипит...

Доватор неловко повернулся и зашумел плащом.

- Стой! Пропуск! - раздался грозный окрик.

Доватор назвал. Однако часовой щелкнул затвором и приказал ложиться. Лев Михайлович повторил пропуск.

- Ложись! - требовательно крикнул часовой и поднял приклад карабина к плечу. Доватору ничего не оставалось, как покорно лечь на грязную, болотистую тропку.

- Хлопцы, я полковник... - начал он было, но это привело только к тому, что казак пригрозил пристрелить его, если он будет разговаривать. Подчасок побежал за начальником заставы.

Пришлось лежать без движения в грязи и ждать, когда явится начальник заставы. Оказалось, что установленный с вечера пароль был скомпрометирован и заменен другим. Доватор в это время отдыхал, и Карпенков не стал его тревожить. Когда Лев Михайлович разобрался в этом деле, он посмеялся от души и объявил казаку благодарность.

О каком приказе толковали казаки, Доватор не знал. Мельком он слышал от Карпенкова, что Осипов "сочинил" какое-то нелепое распоряжение, но в жизнь его не провел: помешал комиссар Абашкин. Лев Михайлович решил выяснить, что это был за приказ, и вызвал Осипова и Абашкина.

Получив распоряжение отступить от высоты в лес, Осипов взволновался. Накануне его полк отбил пять немецких атак. Эскадроны, занимавшие на этой высоте оборону, несколько раз ходили в контратаку. Люди защищались настойчиво и упорно, и вдруг приказ: отдать высоту. Антон Петрович вскочил на коня и карьером помчался в штаб дивизии.

- Не понимаю! Объясните, что это такое! - накинулся он на начальника штаба Коврова. Тот улыбался, сверкая золотыми зубами. Худощавая фигура капитана показалась Осипову еще суше, невзрачнее. Серые глазки поблескивали хитро и вызывающе.

- Если разобраться, не горячась, так и любой ефрейтор поймет, в чем дело! - Капитан достал из сумки приказание Доватора и показал его Осипову. - Мне, например, все понятно! Поезжайте к командиру группы, объяснитесь. Кстати, он вас вместе с комиссаром вызывает.

Осипов вместе с Абашкиным поскакал к Доватору.

- Высотку по вашему повеленью отдал! - здороваясь с Карпенковым, запальчиво проговорил он, не слезая с коня.

- Тише! Полковник отдохнуть прилег - он уже третью ночь не спит... А насчет высотки сейчас поговорим, я и сам думаю, что зря отошли.

Доватор не спал, он слышал весь разговор. Сдернув с головы бурку, приподнялся на локте, спросил:

- А завалы на просеке сделал?

- Еще вчера, товарищ полковник! - отвечал Осипов.

- Добре! Слезайте с коней.

Осипов и Абашкин спешились, передали коней коноводам.

- Значит, вы, Антон Петрович, решили засучив рукава драться до последнего? Это похвально... Но какая от этого польза? - Доватор вопросительно посмотрел на Осипова, потом на Карпенкова.

- Мы занимали выгодную в позиционном отношении высоту.

Она прикрывала выход к лесу, держала под обстрелом три дороги и просеку, - ответил Карпенков.

- Мало того, нам уже нет выхода из лесу! - подхватил Осипов. - Я выполнил приказание - отошел. Теперь у меня справа болото, слева бурелом. Просеку я завалил, ну и заколотили себя, как крышкой в гробу... Недаром вчера немцы пять раз бросались в атаку.

- Надо было еще вчера отойти. Моя ошибка, - задумчиво проговорил Доватор.

- В чем же ошибка, Лев Михайлович? - спросил Абашкин.

- В том ошибка, что не следует делать того, что хочет противник. Он хочет уничтожить нас, а для этого добивается, чтобы мы остались без патронов. Он знает, что в лесу мы будем бить его прицельно, из-за каждого дерева. Поэтому-то он и навязал нам бой за эту высотку. Она ему не нужна. Рано или поздно она досталась бы ему и так. Посмотрим, как он будет наступать в глубине леса... Ты, Антон Петрович, сколько вчера патрончиков израсходовал?

- Порядочно, - нехотя ответил Осипов.

- А сколько перебил немцев?

- Не подсчитывал. Отступил... И вообще я не понимаю, что мы сейчас делаем... - Антон Петрович замолчал.

Усталое лицо Доватора, казалось, совершенно некстати озарилось улыбкой. Косые лучи сентябрьского солнца падали на его небритую щеку.

- Так ты не понимаешь, что мы сейчас делаем? - повернувшись к Осипову, спросил Доватор.

- Не понимаю... - неуверенно ответил Антон Петрович.

- Сражение выигрываем! - Резким движением плеч Лев Михайлович натянул бурку до самого подбородка. Улыбка исчезла с его лица. - Да! Выигрываем битву, - повторил он отрывисто и нахмурился. Обычно последовательного в своих мыслях и поступках, сейчас его никто не понимал. Все чувствовали смущение и неловкость.

За лесом хлестнул многоголосый залп немецкой артиллерии. Неподалеку трещали винтовочные выстрелы, заглушая тоскливое ржание измученных, голодных коней.

Карпенков, встряхнув головой, настороженно прислушался. Осипов, сорвав еловую шишку, вертел ее в руках, остро поглядывая на своего комиссара. На большаке слышался отчетливый гул танковых моторов. Прислонившись к елке, Доватор чувствовал, что она вздрагивает, словно живая.

- Танки идут, - спокойно сказал Абашкин.

- Это непохоже на выигрыш битвы... - процедил сквозь зубы

Осипов.

- Нет, похоже! - возразил Доватор. - Это, черт возьми, победа! Отбросив полы бурки, Лев Михайлович порывисто вскочил и, весело постукивая шпорой о шпору, продолжал: - Это просто замечательно! Пехотой он нас не прогнал, танки пустил, теперь пусть бросит несколько эскадрилий авиации будет совсем хорошо!

- Да чего же тут хорошего? - раздраженный неуместно шутливым тоном Доватора и всеми событиями дня, спросил Осипов.

- А почему же плохо? - быстро спросил Лев Михайлович. - Мы разбили одиннадцать гарнизонов, сожгли сотни машин, десятки мотоциклов, одиннадцать танков, перебили сотни фашистов. Это хорошо или плохо?

- Хорошо, - подтвердил Осипов. - А вот теперь нас...

- Вот теперь-то мы как раз выиграли самое главное, - перебил Доватор. - Две тысячи пятьсот убитых солдат не играют той роли, какую могут играть пять дивизий, которые гонятся за нами несколько дней. Мы их сковали значит, облегчили положение на фронте, значит, затормозили наступление на Москву!.. Немецкое командование передает по радио, что прорвались в тыл сто тысяч казаков. Пусть бросают на нас столько же. Будем маневрировать, тащить немцев в лес, в болото. Мы зашли в глубину тыла на сто километров и прошли бы еще дальше!.. Так вот, друзья мои, куда проще бить его в самом лесу! И людей сохраним и патроны сбережем!..

- А ведь подкузьмил! - шепнул Абашкин Осипову.

Майор, закусив губу, смотрел в сторону и помалкивал. Ему хотелось ударить себя по лбу рукояткой нагайки: как это он раньше не мог понять такой простой вещи!

- Теперь вот что мне разъясните: с каких это пор командир полка решил отменять приказания вышестоящего командира? - спросил Доватор, поглядывая на Осипова.

- Приказание мы выполнили, - сказал Осипов.

- Вы пленных кормите? - спросил Лев Михайлович.

- Кормлю шашлыком из конского мяса и сам его ем...

- А почему майор Осипов в день прорыва отдал какой-то невероятный приказ? Это как называется? - продолжал Доватор.

- Это называется: кровь за кровь, - твердо выговорил Осипов.

- А воинская честь?! - крикнул Доватор.

- Это кровь моей родины... кровь моих детей, - отвечал Антон Петрович. Трясущимися пальцами он отстегнул пряжку полевой сумки, достал письма. Подавая Доватору, глухо сказал: - Вот прочитайте, что тут написано!

Доватор взял письма. Одно было от сестры Осипова, второе - от жены. Вот что писала сестра Антона Петровича:

"Милый Антон, не знаю, с чего начать. Я получила от Вали последнее письмо в августе и посылаю его тебе. Оно - последнее, и больше не будет. Короче говоря, будь мужествен и перенеси свое горе, как настоящий командир. Скрывать я не могу, да и сил у меня нет. В том госпитале, где я работаю, находится твоя дочурка Варя. Ее привезли вместе с другими ранеными детьми неделю тому назад. Она мне рассказала, что они выехали из Н-ска в июле. По дороге на их поезд налетели фашистские самолеты, сбросили бомбы, а потом спустились парашютисты, захватили эшелон и начали всех выгонять из вагонов и грабить. В чемодане Вали они нашли фотокарточки, где ты снят в форме майора с нею и с детьми. Тогда Валентину в числе других отвели в сторону и тут же расстреляли. У нее на руках был Виктор. Убили и его тоже. А Варюшка была ранена бомбой и лежала в сторонке. Потом пришел наш военный эшелон с бойцами, они гитлеровцев прогнали, подобрали раненых, в том числе и Варю. Сейчас она лежит на койке, и одной ножки у нее нет, оторвало бомбой. Она меня все заставляет писать тебе. Я писала, но письма отправить сразу не могла, как-то страшно было...

Милый Антоша, прости меня за такое письмо, я больше молчать и обманывать не могу. Отомсти за жену и за своих детей. Крепко целуем тебя вместе с Варей!.."

Читая письмо, Доватор плотно сжал губы. Крутой, нависший над переносицей лоб как будто увеличился, резче обозначились на нем морщины. Дочитав письмо, он молча передал его Карпенкову и вынул из конверта второе.

Оно было написано раньше первого, женой Осипова:

"Дорогой папочка, мы сидим за столом и пишем тебе письмо - Витька, Варя, бабушка и я. Все диктуют, подсказывают, совсем закружили меня и запутали. Не знаю, что и писать. Но все это оттого, что мы очень по тебе скучаем и хотим тебя видеть. Витька диктует: "Папка, если ты не можешь к нам приехать, то мы приедем к тебе всей командой, и ты обязательно должен покатать меня на своей лошадке". "Витька будет держаться за хвост", вставляет Варя. Ты ведь знаешь, она всегда что-нибудь придумает! За последнее время стала изображать из себя взрослую барышню. С Витькой живут они очень дружно, заберутся в угол и шепчутся - все мечтают, когда ты приедешь и как они будут тебя встречать. Хорошие ребята: все понимают. Ты не подумай, что я восторгаюсь ими как мать. Свои дети, как говорят, всегда лучше. Нет, мне с ними так хорошо, что я забываю все тяготы жизни в военное время. Когда я прихожу с работы, они,

как могут, стараются мне помочь. Собираемся сейчас в путь-дорогу. Видимо, придется остаться под Москвой, у Ольги на даче. Я думаю, что туда фашистов вы не пустите. Так много хотелось написать, а одну страничку написала и не знаю, что еще сказать. Говорить о том, как мы тебя любим, - ты это сам давно знаешь. По этому адресу писем больше не посылай, пиши на Ольгу..."

- Мерзавцы! - негромко сказал Карпенков.

Осипов, перебирая пальцами пуговицы на воротнике гимнастерки, глубоко и трудно вздохнул.

Доватор поднял голову и взглянул на Карпенкова.

- Суд народа над этим зверьем будет беспощаден. И мы этим докажем силу советских людей. Бей до тех пор, пока враг не сложит оружия, но стрелять в безоружного человека... - Лев Михайлович не договорил и покачал головой.

- Правильно, - тихо проговорил Осипов и провел ладонью по лбу. Бывают, Лев Михайлович, такие думы - отцу родному но выскажешь...

- Не надо было молчать, Антон Петрович, - мягко сказал Доватор, думая о том, что сам он никому не сказал о своих стариках, оставшихся в Белоруссии.

ГЛАВА 20

Утром 2 сентября из операции возвратился подполковник Плотвин. Лев Михайлович говорил с ним с глазу на глаз.

Подполковник пробрался сквозь кольцо окружения каким-то чудом и привел с собой батальон бойцов и командиров, попавших с первых дней войны в окружение. С ним же пришел и партизанский отряд, организованный из местного населения.

- Значит, болото непроходимо? - водя карандашом по карте, спросил Доватор.

- Сплошная трясина - едва не утонули. Шли по пояс в воде, - отозвался Плотвин. - В пешем строю еще можно попробовать...

- Вы, полковник, читали "Холстомер"?

- Слыхал... знаю, Толстой написал, но читать не читал, - смутился Плотвин.

- А "Изумруд" Куприна читали? Когда печатался роман "Гарденины"*, читатели присылали в редакцию журнала телеграммы с оплаченным ответом: "Как здоровье Кролика?" А вы мне предлагаете бросить четыре тысячи коней! Гитлеровцам я их не оставлю... Может, перестреляем? В болоте утопим?..

_____

* Речь идет о романе А. И. Эртеля "Гарденины, их дворня, приверженцы и враги".

Плотвин нервно поморщился и отвернулся.

- Вы и теперь, конечно, убеждены, что весь наш поход

авантюра... Помните наш с вами разговор?

Мимо них с водопоя по тропинке тянулись завьюченные казачьи кони с впалыми боками. Бойцы несли в руках брезентовые ведра, а под мышкой снопики пожелтевшего осота. Вытягивая шеи, кони поворачивали головы и жадно хватали осот отвислыми губами.

- Вы ошибаетесь, Лев Михайлович! - Плотвин покачал седеющей головой и взглянул прямо в лицо Доватору. - Рейд по тылам немцев я считаю блестящей операцией и уверен теперь, что бить гитлеровцев можно где угодно. Поэтому должен вас поблагодарить... Вы многому научили меня!

Доватор развернул карту и указал на замкнутое кольцо окружения.

- А это?

- Это? - Плотвин пожал плечами. - При действиях в тылу у противника вполне естественное и легко объяснимое положение. Выбираться надо, Лев Михайлович.

- Спасибо! Я рад, что не ошибся в тебе! - Доватор крепко пожал Плотвину руку. - Будем выбираться!

Два дня радисты бились над аппаратом, стараясь передать сообщение Доватора, но штаб фронта передач не принимал. Рации капризничали: на прием работали, а передача не получалась. К Доватору прибежал бледный, с трясущимися губами радист и подал шифровку:

- Товарищ полковник! Только что принял: немецкая, от вашего имени!..

Доватор прочитал радиограмму, лицо его исказилось.

Гитлеровцам стало известно место высадки десанта. Оно находилось за непроходимым болотом, в Демидовских лесах. Туда была отправлена только небольшая группа разведчиков под командованием Захара Торбы, которая должна была сигналить самолетам и прикрыть высадку. Разведчиков было всего девять человек с одним ручным пулеметом.

- Положение, товарищи, сложное, - сказал Доватор, собрав командиров на совещание. - Фашистам известно, что должна высадиться десантная группа. Они, разумеется, расстреляют парашютистов в воздухе и захватят груз, имеющий специальное назначение, а также боеприпасы, предназначенные для нас и для окруженной части, находящейся в лесах Белоруссии. Операция должна состояться завтра, в восемь часов утра. Нет никакого сомнения в том, что немцы придут, чтобы встретить наши самолеты. Мы не в состоянии этому помешать, у нас потеряна радиосвязь, и все же... - кулак Льва Михайловича мелькнул в воздухе, - и все же мы обязаны выручить десантников!

Взглянув на Плотвина, Доватор спросил:

- Как вы думаете, подполковник?

- Обязаны выручить, - отозвался Плотвин.

Осипов тер ладонью небритую щеку, хмуро молчал. Ничего не могли ответить и другие. Обстановка была ясной и, по существу, безвыходной, но Доватор напряженно ждал ответа. Он был сильно возбужден, на губах мелькнула усмешка.

- В пределах обычных норм, военных правил и представлений, - сказал он, - задача неразрешимая, и гитлеровцы с полным основанием могут торжествовать. Но нет такого положения, из которого не было бы выхода. Гитлеровцы прежде всего догматики и педанты. Они рассуждают так: "Мы окружили группы кавалеристов, отрезали их друг от друга и ликвидировали опасность соединения с десантной группой. Дело выиграно, беспокоиться не о чем. Конницу мы уничтожим методически, десант ликвидируем завтра". Прибудут они к месту высадки десанта точно к сроку, минут за пятнадцать двадцать до восьми... Готов держать пари, что это будет именно так!

Карпенков посмотрел на Доватора с недоумением.

- Пусть немцы прибудут даже в девять, в десять, они все равно не опоздают.

- Может быть, может быть... - согласился Доватор и тут же добавил: Распорядись, начальник штаба, чтоб во всех полках и эскадронах зажгли небольшие костры!

Командиры, переглядываясь, невольно поднимали головы к небу: над лесом беспрерывно гудел "костыль".

- Вы это всерьез, Лев Михайлович? - шепотом спросил Карпенков.

- А мы всегда всерьез приказываем!.. Зажечь костры и варить обед, накормить людей и приготовиться к маршу. По местам, товарищи командиры, будем палить костры!..

Над верхушками деревьев повисла густая, смешанная с дымом пелена тумана. Стрельба утихла. В тихом шелесте леса и треске сучьев внятно слышался сдержанный людской говор, звон котелков, лошадиное всхрапывание.

Сидя у костра, Доватор сквозь редкие кусты видел, как разведчики свежевали конскую тушу. "Значит, поджариваем шашлычки..." Из накопившихся за день впечатлений перед ним теперь начал вырисовываться неясный, тревоживший душу вывод: как он сумеет выйти из создавшегося положения? Что думают обитатели этого чутко настороженного леса, готовящиеся жарить конское мясо, когда кругом затаились враги? Жуткой и враждебной казалась эта зловещая тишина. Доватор понимал, что, когда костры разгорятся, немцы обнаружат их и накроют

артиллерийским налетом. Надо было во избежание излишних жертв немедленно уходить. Но люди были истомлены, голодны, а предстоял тяжкий, требующий нечеловеческих усилий путь через болото... На душе у Льва Михайловича было угнетающе тяжело, однако подошедших к костру Алексея, Нину и Катю он встретил приветливо.

- Присаживайтесь, девушки!.. И ты, Алеша, садись... Как это в песне поется: "Сядь-ка рядом, что-то мне не спится, письмо я другу нынче написал, письмо в Москву, в далекую столицу..." - Последние слова Лев Михайлович произнес серьезно, задушевно.

Помолчали. Неожиданно Доватор порывисто поднялся. Взглянув на часы, круто повернулся и зашагал в темноту.

От костров летели вверх искры, потрескивая, взвивались до самых макушек елей, мерцали и гасли, точно крошечные звезды.

Немцы сделали в разных направлениях несколько артналетов и неожиданно затихли.

- Дай, немец, хоть махану зварить! - ворчал Шаповаленко.

Засучив рукава, он потрошил убитую снарядом лошадь. Ему помогали Яша Воробьев и Буслов. Салазкин и дед Рыгор разжигали костер. Петя, весь выпачкавшись в винтовочном масле, потел в сторонке над сборкой автомата.

Измученные непрерывным обстрелом, бомбежкой и голодом, казаки радостно приняли разрешение палить костры. У костров собирались люди, прилаживали котелки, жарили на шомполах шашлыки. Ночной костер в лесу всегда располагает к благодушию.

- А зараз стал бы ты исты борщок? - спрашивал Филипп Афанасьевич Яшу. - Ну, такий украинский борщок: с петрушечкой, с баклажанчиком, с укропчиком, огурчиком, лучком, перчиком?..

- Нет, - ответил Яша. - Пельмешки сибирские, вот это да!

- А ежели уточку, испеченную в золе, на охоте? - вставил Буслов.

- Тилько в борщок я покладу не свининку, а кусочек от цего сивого меринка, - продолжал Шаповаленко. - Добрый был конек, помяни господь его душу!

- Пока ты колдуешь над костром, они тебе покажут. Смотри, опять!.. Салазкин не договорил. Неподалеку с грохотом разорвался снаряд.

- Тушите костры! Что, в самом деле? - крикнул Салазкин.

Казаки притихли. Некоторые нерешительно подбрасывали в огонь мелкие веточки. Буслов подошел к Салазкину, тихо, но внятно проговорил:

- Костер велел разложить полковник и тушить не приказывал.

Он тоже жгет - и бумагу пишет, умирать не собирается.

Отойдя в сторону, он взял охапку хвороста и бросил на костер. Огонь, подхватывая сухие ветки, буйно взмыл кверху. Послышался довольный смех. Распахнув полы бурки, положив руки на плечи деду Рыгору, у костра стоял Доватор.

- Хорошо у огонька! - оглядывая вскочивших было казаков, проговорил Лев Михайлович. - Ничего, хлопцы, сидайте!

- Ты, Лявон Михайлович, в этой одежине на медведя похож. Напугаешь! Дед Рыгор потрогал бурку и, повернув к Доватору голову, тихо спросил: Скоро?

- Скоро, - сказал Лев Михайлович. Наклонившись к деду, он стал его о чем-то тихонько расспрашивать.

- Нет... Не собьюсь, но путь поганый. Топь, мочаги - трудно будет, отрывисто отвечал дед Рыгор.

Казаки прислушивались.

- Сначала будет гарь, а потом тропка... Стало быть, проведу, раз надо! Про дочку слухов нет?

- Она выполняет важное задание, папаша! - Доватор встряхнул головой. Обращаясь к казакам, сказал: - Споем, хлопцы, песню!

- А фашисты услышат - и бомбить будут, - раздался звонкий голосок Пети.

Казаки засмеялись. Доватор оглянулся. Петя, поджав под себя ноги, сидел под елкой и прилаживал за спиной автомат.

- Ты что ж, Петр Иванович, робеешь? - спросил Доватор.

- Нет, не робею. Маскировка - вот что! - ответил мальчик.

Лев Михайлович встал, посмотрел на часы, потом на Петю...

- Выходит, Петр Иванович, нам петь некогда!.. Приедем на Большую землю - споем! - Взмахнув полой бурки, как черным крылом, Лев Михайлович закрыл Петю с головы до ног, коротко бросил: - По коням! - Кивнув на костер, добавил: - Хворосту накидать больше - пусть ярче горит!

...Вот они, смоленские мочаги!.. На десятки километров разлилась гнилая, покрытая мхом, зеленоватая жижа. Кое-где на кочках чахлый кустарник да редкие хилые сосенки, покрытые серым лишайником. Люди ведут коней в поводу. Передовой отряд идет не цепью, а, скорее, плывет беспорядочной массой. Кони с трудом вырывают ноги из топи, храпят, вытягивают головы, отфыркивая горячими ноздрями вонючую болотную воду, и тяжело дышат. Люди, увязая по пояс в болоте, несут на носилках раненых. Некоторые из раненых лежат неподвижно, с головой укрывшись плащами, словно мертвые, другие, бледные, с истомленными лицами, тревожно посматривают на серую болотную муть. Для казака, раненного в ногу, приспособили

особый вид транспорта: из срубленных клинками елочек санитары сделали волокушу, и на ней, завернутый в плащ-палатку, лежит раненый. Он привязан веревками. Волокуша то и дело попадает на кочки, валится то на один бок, то на другой. Какое же надо иметь терпение человеку с перебитой ногой, чтобы даже не застонать при таком способе передвижения! Тишина должна быть мертвая. Что стоит немцам повесить над болотом ракеты на парашютах и сыпать на голову конникам фугаски, расстреливать их из пулеметов?..

Судорожно бьется провалившийся в топь красавец дончак и грузнет по маклаки. Яша Воробьев ходит вокруг него, сам мокрый до пояса, и уговаривает:

- Ну, милый, еще маленечко, родной! Там посуше будет! - Но конь только устало вытягивает голову и не шевелится. - Говорят, Сибирь страна плохая... Эх, милай!..

Подходят Буслов, Шаповаленко и другие. Пытаются общими усилиями вытащить коня, но он все глубже и глубже уходит в болото. Яша дергает коня за повод, потом швыряет конец повода в грязь и устало опускается на кочку.

- Хана, ребята! - говорит он, с ожесточением вытирая вспотевшее лицо.

- Погано, что и говорить! - подтверждает Буслов. - Это не поход, а горе!

- Ой, горе, мое горе, у меня був муж Егорий, а у ней муж Иван, не дай боже его вам!

Филипп Афанасьевич и тут не может не балагурить. Его Чалый чутьем выбирает какой-то свой, особенный путь. Если и ошибется и провалится, то сейчас же напрягается весь и выбирается из трясины.

- Молодец, Чалый! Ты у меня плаваешь, як гусь на воде! - Чалый подхватывает с кочки клок серого мха и аппетитно жует.

Доватор стоит неподалеку по колено в воде, с расстегнутым воротом. Он все видит, слышит разговоры. К нему подходят Осипов и Гордиенков. Подполковник Карпенков и дед Рыгор присели под чахлой сосенкой. Доватор оглядывает едва заметную, с прогнившим настилом тропу, всматривается в зловещую болотную даль. Сзади лес полыхает заревом костров, небо освещается зелеными вспышками немецких ракет. Вверху кружатся и пронзительно ревут "юнкерсы".

- Ну как, Антон? - спрашивает Доватор у Осипова.

- По-честному, Лев Михайлович?

- Только по-честному!

- Дело совсем дрянь...

- Не пройдем?

- Невозможно, - решительно отвечает Осипов. - Колонна растянулась. Если нас застанет утро... - Антон Петрович машет рукой.

- А ты как думаешь, Андрей Карпенков? - Доватор, хлюпая сапогами, идет к нему.

- Тяжело, Лев Михайлович! Эх вы, кони, мои кони!..

Карпенков снимает сапог и выливает из него воду.

- Какое же вы посоветуете принять решение, товарищи командиры? порывисто спрашивает Доватор. - Бросить живых коней в болоте? Оставить немцам?

Командиры молчат.

- По праву, принадлежащему мне, я должен приказать, - говорит Доватор сурово, - рубить коням головы. Первым будет пробовать свою шашку майор Осипов. Ну, простись с Легендой, Антон Петрович... Ну?

- Дальше что, Лев Михайлович? - тихо спрашивает Осипов.

- Дальше? - Доватор зло усмехается. - Мы все равно можем не успеть. Фашисты перебьют десант, захватят груз. Ведь после болота нам необходимо совершить марш в двадцать километров. Это можно сделать только на конях, а если будем идти в пешем строю, то люди, как только выйдем на твердую землю, попадают от усталости... Я думаю, где человек прошел, там и конь должен пройти. Вот так, друг мой!..

Рядом, словно из-под земли, вырастает дед Рыгор, высокий, величавый, со спустившимися на лоб седыми космами.

- Ну что ж, хлопцы, вперед, отдохнули! Ничего, пройдем, бывало хуже! - Опираясь на палку, старик пошел вперед.

- Шагом марш! - хрипло скомандовал Доватор. Он схватил за повод ближайшего коня. - А ну-ка, родной!

Конь со стоном вырвал ноги из топи и, рассекая вонючую жижу, пошел вперед. И снова зашевелились, захлюпали мочаги. Люди и кони шли вперед, вперед, пропадая в сером тумане.

ГЛАВА 21

На опушке леса майор Круфт вместе с другими офицерами вылез из легковой машины и стал обозревать местность. Здесь его батальон должен был устроить засаду и ждать появления русских парашютистов.

Когда майор, расшифровав радиограмму, нарисовал на карте кружочек, где должен был высадиться десант, этот кружочек выглядел очень красиво. Полянка, обозначенная на карте, была величиною с пфенниг, кругом нее обвивалась веселенькая зелень леса. И майору казалось: расстреливать в этом приятном месте болтающихся в воздухе беспомощных людей - одно удовольствие. Поэтому Круфт настойчиво упрашивал своего родственника,

полковника Густава Штрумфа, назначить его главным лицом по проведению операции.

Он знал: крест ему будет наверняка обеспечен, а также и должность коменданта в одном из районов Москвы.

Однако, когда он прибыл на место, настроение его изменилось. Поляна выглядела совсем не так, как на карте: она показалась майору суровой и мрачной, затерянной в лесной глуши. Посредине стоял заросший бурьяном сарай. Со всех сторон подступал дремучий лес, и поляна казалась майору похожей на гигантскую косматую русскую шапку, положенную верхом вниз.

Сырое, туманное утро. Над высокими могучими елями и стройным, как желтые восковые свечи, мачтовым сосняком низко плыли рваные облака. Майор поежился, точно эти облака вползали к нему под резиновый плащ и леденили спину.

"Если русские не дураки, - подумал майор, - то они, разумеется, не полетят в такую погоду..." Ему сейчас куда больше улыбалось сидеть в теплой крестьянской избе, чем торчать в каком-то диком лесу. Четыреста солдат, отданных в его распоряжение, казались здесь ничтожной силой, и Железный крест не имел уже той привлекательности, что вчера.

Круфт отдал распоряжение младшему офицеру прочесать опушку леса, а к сараю протянуть связь. В нем он решил сделать командный пункт.

Однако он не знал, что в сарае сидели разведчики и чистили к завтраку картошку. Они находились здесь уже вторые сутки и с присущей фронтовикам быстротой обжили это неуютное местечко. Вдоль стены устроили из сена и еловых веток постели; на каждой лежала скатанная шинель и плащ-палатка. Все было под рукой - сегодня ожидался десант. В углу сарая была устроена сигнализация: на конце красного немецкого телефонного провода висела порожняя консервная банка, а провод тянулся к посту. В сарае находились Торба, Павлюк и еще три казака. Остальные несли караульную службу.

- Варить пойдете в лес - место выбирайте, где погуще кусты, и щоб ни якого дыму. Понятно? - приказывал Торба.

- Как же можно варить без дыму, извините за выражение? - спросил Павлюк, искоса поглядывая на Торбу.

- Очень просто: наломать сухого орешнику.

- А орешник что тебе - бездымный порох?

- Сказано: без дыму, и все! - отрезал Захар. - А не хочешь - сиди без горячего и жуй сырой концентрат.

- Нет, милый, как варить без дыму, я не знаю.

- А Суворов "незнаек" заставлял звезды считать... Да разве

прикумские это могут понять?

- Что - прикумские? У нас в Прикумщине... - горячился Павлюк.

- Знаем - известные пьяницы! Кислое вино хлещут и сушеной дыней закусывают, а она твердая, як сыромятный ремень...

Вдруг консервная банка взлетела вверх и со звоном ударилась о стенку сарая.

- К бою! - крикнул Торба, сорвал с плеча автомат и бросился к выходу. За ним выскочили и другие.

По опушке леса, с трех сторон, в серо-зеленых френчах, поблескивая штыками, цепью шли немцы, катили станковые пулеметы, тащили на плечах минометы. Одна группа шла от опушки леса в направлении сарая и тянула провод. Заметив разведчиков, немцы остановились.

- Павлюк! Посты снимать, и всем в лес! - Вскинув автомат к плечу, Захар дал несколько очередей. Немцы попадали.

Разведчики, пригибаясь, отходили к лесу. Им надо было пробежать двести метров. Торба понял, что, если не прикрыть товарищей, они все полягут на открытом месте.

Немцы начали бить по сараю из автоматов. Пули ударялись в стены, откалывая мелкие щепки. Захар, спрятавшись за дверь, продолжал отстреливаться. Что-то со звоном ударило по каске, словно тяжелой дубиной; у него потемнело в глазах. Захар на мгновение потерял сознание. Когда он открыл глаза, первое, что услышал, - это крики немцев. Захар снял с головы каску. Шею заливала кровь, но боли он не чувствовал. Схватив автомат, он заполз в сарай и прилег в дверях. Он видел, немцы приближаются. Думая, что в сарае никого нет, они шли во весь рост. Торба дал длинную очередь. Несколько человек упало, а остальные повернули назад. Пробежав несколько шагов, фашисты, крича и ругаясь, залегли.

- Ага, бежите, гады! - Захар снова нажал спусковой крючок. Последовала короткая очередь, и автомат умолк. Вытащив пустой диск, он сунул его в пристегнутый к поясу колпак. В эту минуту он вспомнил своего друга Филиппа Афанасьевича. "Нет, теперь Филипп Афанасьевич на меня не обиделся бы!" Он был уверен, что будет жить. Он еще увидит своего друга и родную Кубань, земляков и товарищей. Голова работала с необычайной отчетливостью. Ему вдруг представилось, что он стоит на трибуне: кругом флаги, народ, а он говорит какие-то горячие слова, от которых жжет в груди. Впереди всех стоит Анютка.

Тут он увидел перебегающих гитлеровцев. Он снова нажимает спусковой крючок и начинает бить короткими очередями. "Патроны беречь надо, мелькает у него в голове. - Ага, бегут!" Его

охватывает бурная радость. Пронзительный вой мины, страшный треск - и Захар проваливается во мрак и тишину...

Майор Круфт стоял между офицерами, жевал сигару и беспокойно поглядывал на груду обломков, оставшихся от сарая. Победа досталась дорого. Шесть солдат были убиты и одиннадцать ранены, а русских оказался всего один!..

- Где же остальные? - спрашивал Круфт офицеров.

Те уклончиво пожимали плечами. Майор достал блокнот для срочных донесений и записал: "Группа "Клоппенбург" 26/59 8.00.3.9.41. В районе отметки 93,5 неожиданно встретил засаду противника в составе одной казачьей роты..." Вспомнив, что он уже отправил одно донесение, гораздо скромнее, а также послал "подарок", о каком полковник Штрумф не мог и мечтать, майор захлопнул блокнот, но положить его в карман не успел...

Дремавшие деревья вдруг обрушили на головы немцев свинцовый ливень. Невидимые пулеметы били со всех сторон с упорным ожесточением, а от опушки леса бежала засада немцев. За ней мчались всадники, каких майору никогда еще не приходилось видеть. По ветру развевались широкие черные плащи, словно крылья могучих птиц. Один всадник мчался впереди всех на горбоносом коне необыкновенной масти. Круп и шея коня были белые, а ноги черные. Всадник молниеносно взмахивал кривой шашкой то вправо, то влево. У всадника была густая, всклокоченная борода, длинные усы, а на голове круглая, как колесо, мохнатая шапка.

"Доватор!" - мелькнуло у майора в голове. Майор был не очень-то религиозным, но в эту минуту мысленно помолился богу и быстро спрятался под обломки сарая...

Почти сейчас же Круфт, немного понимавший русский и украинский языки, услышал грозные выкрики:

- Ну, где вин був? Тут або за вами побиг?

- Здесь. Банка консервная засигналила и... - отвечал Павлюк, стараясь держаться подальше от рассвирепевшего Филиппа Афанасьевича.

- Яка банка? Яка?.. Ты мне кажи, злыдень, где Захара кинув? - Филипп Афанасьевич яростно топал ногами и грозил плеткой. - В трибунал! Под суд! До командира дойду! - Он лазил по бурьяну, заглядывая под каждый куст, кричал, волновался, но трупа Захара нигде не было. Казаки раскидали бревна, выволокли спрятавшегося майора. Тела Торбы не оказалось и под обломками сарая.

- Це птица, видно, с большими крыльями... Обыскать!

Шаповаленко стоял перед майором, покручивая усы. После ночного похода он был в грязи до пояса.

Во главе с Доватором подходили группы командиров. В их числе были майор Осипов, Карпенков, дед Рыгор и низкорослый, плечистый, в морской фуражке командир партизанского отряда.

- Ты, дядя Филипп, поговорил бы с немцем-то, - предложил Буслов, подавая Филиппу Афанасьевичу записную книжку майора.

- А пишов вин к чертям! Зараз прикрыл бы я его фотографию конским потником! - Шаповаленко отвернулся и с досадой сплюнул. Он стоял, широко расставив ноги, кубанку лихо сбил на затылок и небрежно, по казачьей привычке, играл кисточкой темляка.

- Косподин Товатор! - Круфт подобострастно приложил руку к груди и склонил голову. - Я офицер, я фаш пленник. Я майор...

- Добро, шо ты, майор, не попався мне, когда я на коне верхом сидел. Зараз було бы два майора.

Буслов заметил подходившего Доватора, пошел навстречу и что-то сказал ему. Лев Михайлович кивнул головой и устало улыбнулся. Его одежда, как и у других, почернела от болотной грязи.

Гитлеровский майор смотрел на живописную группу русских офицеров и партизан широко раскрытыми глазами. Впереди с кавалерийской развалочкой шел Антон Петрович. Полевые ремни, глубоко врезавшиеся в плечи, колечки шпор, голубые кантики синих брюк, сапоги - все было забрызгано, грязно, и только его знаменитая шашка поблескивала золотом. Берлинский юрист молча, растерянно смотрел на рослые фигуры Карпенкова, Буслова, Гордиенкова, на седую голову деда Рыгора, на красавца партизана с морским крабом на фуражке. Во всех этих людях было какое-то мужественное величие. По лицу фашиста пробежала тень обреченности.

Доватор, бегло взглянув на Круфта и повернувшись к Шаповаленко, спросил:

- Не нашли? - Он узнал от Павлюка, что сержант Торба, прикрывая своих товарищей, остался у сарая. Лев Михайлович нахмурился и приказал разыскать труп Захара и похоронить.

- Нема, товарищ полковник, - ответил Шаповаленко и протянул Доватору бумажку. - Вот фашисты, товарищ полковник, вашу голову покупают за сто тысяч. Зараз предложите цьому офицерику: мабудь, его голову тоже кто возьмет...

- Сто тысяч марок! - усмехаясь, воскликнул Доватор. - Какая дешевка!

- Косподин Товатор, - обращаясь к Шаповаленко, лепетал майор, - я хочу говорить. Мой упеждений...

Лев Михайлович перелистал записную книжку, с внезапной

строгостью проговорил:

- Ваши убеждения мне известны, майор. Извольте дать показания в штабе, только правильно отвечайте, а я с вами поговорю отдельно.

- Ви Товатор? Или... - Круфт нерешительно показал пальцем в сторону Шаповаленко.

- Мы все Доваторы! - Лев Михайлович широким жестом руки показал на присутствующих.

В воздухе гудели моторы транспортных самолетов. Их прилетело пять. Над поляной белыми пышными тюльпанами раскрывались парашюты и плавно опускались к земле. Через полчаса седоватый майор в форме войск НКВД, выпутавшись из парашютных строп, представился Доватору. Потом он шагнул вперед, обнял Льва Михайловича и поцеловал в обе щеки.

- Вашей помощи, товарищ полковник, мы никогда не забудем! - сказал майор.

Груз был распакован, распределен. Партизаны и десантники с новенькими автоматами цепочками втягивались в лесную тропу, уходя на запад. Кавалеристы застегивали подпруги, осматривали вьюки, из рук подкармливали коней перезревшей травой.

Прощание было сердечное и короткое. Лев Михайлович сказал:

- Передайте, товарищи, привет белорусскому народу, а мы отвезем привет от него Родине. Мы вернемся!

В последнюю минуту Доватор отвел в сторону деда Рыгора.

- Отец... - Лев Михайлович смотрел деду в глаза. Седые брови старика дрогнули.

- Не надо, сынок, не говори: я все знаю. Командир отряда сказал мне: фашисты забили Оксану... Сегодня ночью пойдем тело брать. Молчи. Слова пустое, а хороши дела. Трудно, всех потерял. Да вот вчера в болоте - ой как трудно было, а зато наверняка вышло! Так вот и будем доживать свой век наверняка. Я ведь не один живу на свете!

Простившись с дедом, Доватор направился к штабу. Там с приказом в руках ожидал его Карпенков. Полки уже были готовы к движению. Доватор взял из рук Карпенкова вдвое сложенный лист и, не читая, разорвал его.

Почему - Карпенков понять не мог.

- Порядок движения остается прежний. Идем старым маршрутом. - Голос Доватора слегка дрожал, под нависшими бровями ярко поблескивали глаза.

- Старым маршрутом? Через болото? - Карпенков не верил своим ушам.

- Да, - подтвердил Доватор. Ему подвели коня. Лев

Михайлович ласково погладил его от морды до перевитой мускулами груди, счистил комочки присохшей грязи, с медлительным спокойствием поймал ногой перевернувшееся стремя и, уже сидя на коне, деловито и просто добавил: - Немцы сейчас усиленно передвигают части - будут стараться прижать нас, да еще покрепче, чем прежде. Обман они обнаружили наверняка, а мы еще раз обманем их. Если вчера прошли через это адское место, значит, пройдем и сегодня. Будем торопиться, чтоб наверняка быть завтра на Большой земле. В жизни, Андрюша, все надо делать наверняка! Шагом марш!

Карпенков понял. Он вскинул на Доватора повеселевшие глаза.

- А ведь верно: ни одному черту не придет в голову искать нас на этом пути.

Лев Михайлович только крякнул, надвинул на лоб кубанку, разобрал поводья и без суеты и лишних слов поехал вперед.

Если бы вчера сказали Карпенкову, что завтра ему снова придется плыть по тому же самому вонючему, страшному болоту, то он не поверил бы, а сегодня он смотрел на это, как на рядовой факт в истории всего беспримерного похода.

ГЛАВА 22

На совещании в штабе генерала Штрумфа за столом сидели офицеры всех рангов.

Жирный подбородок генерала Кляйнмана упирался в воротник френча, а его зоркие глазки колюче блестели под пенсне, задерживались на полковнике Густаве Штрумфе и нагловато улыбались: его радовала смертельная бледность полковника.

Густав сидел, выпрямив спину, и, держа руки под столом, машинально рвал кожаные перчатки. Ему казалось, что он присутствует не на совещании под председательством родного отца, а на тайном судилище инквизиторов. Все были корректны, вежливы, но сухи и холодны. Генерал не обвинял, но и не оправдывал сына. Он обстоятельно анализировал обстановку. Все присутствующие понимали, что несколько дивизий, предназначенных для наступательных операций, вынуждены были совершать нелепые марши и гоняться за Доватором по лесам Смоленщины. Они несли потери, тратили боеприпасы, жгли горючее, окружали и блокировали лес, вели окопные работы - и все напрасно. Бомбардировщики целую ночь сбрасывали фугасы на костры, около которых никого не было, пехота "атаковала" лес - и к утру нашла в болоте несколько дохлых лошадей... А ведь казалось, все было рассчитано до мелочей: в какие часы и даже минуты должно было покончить с конницей, - и все пошло

прахом! Доватор наутро очутился на сорок пять километров юго-западнее места окружения, истребил батальон Круфта, соединился с авиадесантом, получил боеприпасы и ушел в неизвестном направлении. Теперь надо было вновь перегруппировывать потрепанные дивизии, заводить всю машину сначала.

Генерал Штрумф постарался обрисовать положение таким образом, что никто не мог сказать, будто в неудачах виноват его сын. Все провалы были отнесены за счет русского леса и маневренности казачьего соединения. Густав понимал, что отец выгораживал сам себя.

На совещании было решено резервами армейской группы "Гамбург" блокировать все выходы из демидовских лесов. Танковая и пехотная дивизии под командованием генерала Эллерта должны уничтожить конницу в момент ее окружения где бы то ни было. А в том, что она будет окружена, никто не сомневался. Для проведения этой операции было выделено три армейских корпуса. Им же было вменено в обязанность очистить от партизан леса Смоленщины.

В Боярщину, где стояли тылы дивизии, которой полковник Штрумф командовал до появления Доватора, и где находилась его личная штаб-квартира, он приехал под вечер.

Вылезая из машины, полковник приказал адъютанту сообщить жене о его приезде, сам же направился в штаб, куда велел привести пленного казака.

Когда солдат ввел связанного Торбу в комнату, полковник, заложив руки за спину, ходил из угла в угол. Голова Захара была обмотана нательной рубашкой. Она пропиталась кровью, присохла к волосам и щеке. Захар был ранен в голову, контужен тяжелой миной и ушиблен бревнами. Немцы вытащили его из-под обломков сарая в бессознательном состоянии и сейчас же отправили в штаб полковника Штрумфа. Живой казак был ценной добычей. Очнулся Захар в каком-то сарае, после того как ему вылили на голову несколько ведер воды. Немцы хлопотливо куда-то бегали, кричали друг на друга и явно торопились привести его в чувство, но о том, чтобы перевязать раненого, никто и не подумал. Это сделал Захар сам. Никогда не предполагал он очутиться в таком страшном положении. Все что угодно: ранение, смерть, но не живым в руки гитлеровцев! Как это получилось, он и сам не помнил. Первое, что пришло ему в голову, - вырвать у конвойного солдата винтовку, и тогда... "Убьют, - мелькало в голове. - Пусть убьют! Ведь живым все равно не выпустят..."

Теперь же, стоя перед полковником, Торба привел свои мысли в полный порядок. Захар видел, что его охранял один

немецкий солдат, который дожидался в передней комнате. Захар был с полковником с глазу на глаз. Убить полковника Торбе казалось пустяком, а солдата тем более - солдат был низкорослый, плюгавый, в широких брюках с потертыми коленками. Стоило выбежать из сеней, а там - огороды... Дальше - речка, кустарник и родной лес. Только бы развязали руки!..

Штрумф снял безрукавный, сизого цвета макинтош и вместе с фуражкой повесил на гвоздь. Присев за стол, он не спеша закурил сигару и, пуская колечки дыма, спросил:

- Ваше звание, господин потомок кубанских атаманов?

- Прикажите развязать мне руки, я ранен... Иначе говорить не буду.

- Хор-ро-шо! - Полковник встал, подошел к двери, что-то крикнул по-немецки.

Вошел плечистый, в кителе, худой, длиннолицый офицер, такой же прилизанный и надушенный, как и полковник. На рукаве у него была нашивка с изображением мертвой головы. Откуда он взялся, Захар не знал. Когда он развязывал на руках Торбы кавказский наборный ремешок, у Захара стучало сердце: план рушился... Офицер ушел.

- Я вас слушаю, - сухо произнес полковник.

На остром лице полковника промелькнуло что-то гадкое, похожее на ехидную улыбку. Он расстегнул ворот кителя и обнажил тонкую белую шею.

Захар не спускал с него глаз. Подскочить бы, схватить эту шею грабастыми пальцами, давануть... Но полковник в это время достал из кобуры парабеллум и положил его на край стола.

- У вас дурной характер. Вы женаты? - склонив набок голову, спросил полковник.

- Я вам ничего не скажу, - хрипло проговорил Торба.

- Хорошо! - Полковник снова что-то крикнул в дверь.

Послышалась возня, потом шумно распахнулась дверь. Захар, прикусив побледневшие губы, вздрогнул. Длиннолицый офицер и солдат втолкнули в комнату Оксану Гончарову. Она была в изодранной в клочья сорочке, с распущенными волосами. На голых плечах и груди лиловели кровоподтеки. Лицо опухло до неузнаваемости, под черными дугами бровей ярко вспыхивали большие глаза.

- Кто это? - полковник кивком головы указал Оксане на Торбу. Та, стыдливо дернув сорочку, отвернулась в сторону.

- И вы ее не знаете, кубанец? - спросил полковник.

- Я знаю, что ты... - Захар рванулся было вперед.

- Ну! - звонко крикнул полковник. Закинув руки за спину, порывистым кошачьим движением подскочил к Торбе, вытянул

шею, приблизил бескровное лицо, вкрадчиво шептал: - Коммунист? О-о! Коммунист! Я тебя буду... Полковник не договорил. Захар обеими руками схватил его за горло. Горло хрустнуло, точно яичная скорлупа. Полковник конвульсивно мотнул головой вверх, всхлипнул и вяло опустился Захару под ноги.

Торба, отшвырнув обмякшее тело полковника, подскочил к столу. Левой рукой схватил стопку своих документов и сунул в карман, а правой сжал рукоятку парабеллума. Потом торопливо снял со стены полковничью фуражку, примерил, но она не налезала на голову - мешала повязка. Торба сорвал повязку и швырнул в угол. Надев фуражку, накинул на плечи плащ. Он не замечал, как щеки заливает кровь, не чувствовал, как дрожит рука Оксаны, которую он крепко сжал. Быстро распахнул дверь и шагнул в переднюю комнату.

Адъютант полковника сидел к нему спиной за столом и что-то писал. Когда дверь открылась, он повернул голову. Захар выстрелил ему прямо в лицо. Солдат был убит вторым выстрелом. В сенях Захара и Оксану никто не задержал, но, когда они выбежали во двор, их оглушил грохот пулеметной и винтовочной стрельбы. Крыши домов были освещены полыхающим заревом пожара. Со всех концов села доносились заглушаемые выстрелами крики немцев. Не обращая внимания на свист пуль и не пригибаясь, Захар побежал через картофельное поле к речке. Следом за ним бежала Оксана. Сухая, твердая ботва царапала до крови ноги, но Оксана не чувствовала боли. Она видела перед собой речушку, кустарник. Вот и сарай, где недавно сидел Торба, как пойманный в клетку зверь. Вдруг со стены сарая навстречу бегущим метнулись какие-то тени, набросились на Торбу и повалили его на землю.

- Стой, фашистская душа! - Кто-то тяжело дышал.

- Удирать, стерва? Только пикни! - Люди навалились на голову... Но Захар и не думал сопротивляться, он выпустил револьвер и растянулся на картофельной ботве.

- Да свои же мы! - крикнула Оксана.

- Постой, а ты откуда, девка? - спросил паренек с автоматом.

- Да ты, пташка, совсем голая!

Захар поднялся. Скинул полковничий плащ и укрыл им Оксану, потом стащил с головы фуражку и далеко забросил в кусты.

Выстрелы стихли. В деревне полыхал пожар, разбрасывая над крышами домов искры.

- Откуда вы, браты? - судорожно переводя дыхание, спросил Захар.

- С неба, а ты кто такой?

- Разведчик Доватора. Сегодня утром поджидал десант...

- Да это мы самые!

- Как вы? Значит, с отметки 93,5?

- Точно!

- Но там же немцы...

- Ого! Им казачки чох сделали! Все в порядке. Там утром какого-то разведчика все искали. Один усатый казак...

- Филипп! - крикнул Захар. - Браты! Хлопчики! Родные мои!

- Ты, милок, погоди... А девушка чья?

- Дочь Григория Гончарова. Эх, хлопцы!..

- А нас ее похоронить просили!

- Нет, товарищи, мы будем жить долго! - задыхаясь от радости, крикнул Захар.

Спустя несколько минут в бывшей квартире полковника Густава Штрумфа седой майор-десантник и командир партизанского отряда с морским крабом на фуражке сортировали по папкам штабные документы. На лавке сидел дед Рыгор, задумчивый и строгий. Жесткой ладонью он гладил лежавшую у него на коленях голову Оксаны.

В углу в ярко-голубом плаще сидела Хильда и оглядывала присутствующих холодными, цвета речного льда, глазами. Она мечтала увидеть Москву. Может быть, и увидит...

ГЛАВА 23

В штабе армии Гордей Захарович в расстегнутом кителе, из-под которого виднелась белая пикейная сорочка, со стаканом чаю в руках стоял над радистом и ворчал:

- Ты меньше музыку слушай, душа моя, а ищи Доватора!

- Ищу, товарищ генерал! Куда ни крутнешь - то стукач, то музыка. Содом творится в эфире. - Молодой паренек, склонившись над аппаратом, слушал непрерывно.

- "Ищу, ищу"... Ты сколько раз его терял? То найдешь, то опять потеряешь...

- Он на месте не сидит, все время передвигается, - оправдывался радист.

- А разве мы его за тем послали, чтоб он под деревом сидел? Ты с ним не шути!.. Он теперь генерал. Как вернется, я все на тебя свалю...

Радист смущенно улыбался и, склонив голову, прижимал наушники к плечу.

- Новый приемник "РБ" лучше... - Радист пытался перевести разговор на профессиональную тему.

- Ладно, о радио потом поговорим. Узнай на аэродроме - вылетел самолет за семьей Доватора или нет?

Родители Льва Михайловича отыскались: они находились в одном из партизанских отрядов Белоруссии, за ними направляли самолет.

Радист еще ниже склонился над аппаратом. Какая-то станция добивалась с ним связи. Он быстро настроился и принял радиограмму. Самолет-разведчик сообщал: "Конницы не обнаружил". Радист передал текст генералу. Тот кивнул головой и приказал не терять с разведчиком связи. Вошел командарм. Он ездил осматривать укрепления на запасных рубежах обороны.

- От Доватора что-нибудь есть?

- Пока ничего.

Радист принял от самолета еще одно сообщение. В направлении Гуляево, по западному берегу реки Межа, разведчик обнаружил массовое передвижение пехоты и танков противника.

- Что это значит? - Командарм взглянул на начальника штаба. Глаза их встретились. Они тревожно смотрели друг на друга.

- Весь вечер думал: именно этого следовало бояться.

Гордей Захарович склонился над картой.

- Можно предположить, что они разгадали маневр Доватора.

- Уверен в этом, - отозвался Гордей Захарович, пощипывая усы.

- Помешать надо, - проговорил командарм.

- Разумеется! - И снова начштаба армии дернул себя за усы.

Он сердился на себя за то, что не мог придумать, чем помочь выходящей из тыла врага коннице. Нужно было сильное средство - вроде контрудара с этой стороны, с хорошей артподготовкой. Однако Гордей Захарович высказать свои мысли не успел.

Командарм приказал позвонить комкору Черепанову, пусть немедленно подтянет в район переправы побольше пушек. Умнее этого решения нельзя было придумать. Наштарм взял телефонную трубку.

- "Волга", к аппарату четыре! Здравствуй, душа моя. В районе 24/46 сегодня встречаем нашего заграничного жениха. После свадьбы он возвращается обратно. Из Гуляева на железных колясках к тебе едут гости, они хотят отбить у жениха невесту. Подвози-ка побольше хмельного, надо гостей торжественно встретить, да и помешать хулиганской выходке. Да, да. Не можешь? Надо это сделать. На-до сделать! - повторил Гордей Захарович тихо и повелительно. - Старший сват будет на свадьбе.

Он вскинул глаза на командарма - тот одобрительно кивнул головой.

...Над болотом поднимался туман. Так же, как и накануне, люди проваливались по пояс в грязную жижу, так же храпели измученные кони, стонали раненые.

Нина при тусклом свете луны, почти на ощупь, собирала обильно растущую клюкву, давила ее в кружке и подносила к воспаленным губам изнемогающих от жажды людей.

- Сестричка-а-а, о-о, еще глоточек. Спасибо, родная!..

- Тише, милый, - шептала Нина.

- А? Да я ничего, сестричка. Ни-че-го! У-ух! За такое мучение мы должны в рай попасть...

Тихо шумят леса Духовщины, окутанные туманом. Качаются высокие сосны, скрипят, точно стонут от боли.

На твердой почве кони повеселели. Помахивая головами, они косятся на листья деревьев, торопливо шлепая губами, срывают их, кропят мокрыми хвостами усталых казаков, и те туже подтягивают подпруги, прилаживают подсумки, счищают прилипшую грязь - на Большую землю надо прибыть в полном порядке.

...А где-то по Смоленской дороге прет армада танков - с желтыми крестами, с танцующими на башнях ведьмами. Генерал Кляйнман спешит...

По лесной просеке конница быстро идет на полной рыси. От разгоряченных конских крупов валит пар. Скрипят кавалерийские седла, звенит добрый цокот подков. Раннее утро отгоняет дрему, тает сырой, холодный туман - ожидается яркий солнечный день.

Доватор придержал коня и остановил колонну. Тронув рукой за плечо Карпенкова, коротко приказал:

- Шаповаленко ко мне!

Кони весело пофыркивают, помахивая головами, играют колечками недоуздков: предчувствуют близкий отдых.

- Филипп Афанасьевич! - Доватор склонился к передней луке и, поглядывая на подъехавшего Шаповаленко, тихо спросил: - Казачий способ разведки знаешь?

- Знаю, товарищ полковник, - это помаячить?

Доватор кивнул головой.

- Впереди, метров пятьсот, переправа, - продолжал Лев Михайлович. Возьми пять хлопцев, выезжай, помаячь - и обратно. Понял?

- Понял, товарищ полковник. Разрешите выполнять?

- Добре. Рысью, марш! Только осторожненько, чуешь?

Доватор вздохнул, еще ниже склонился к передней луке, выправил челку и нежно погладил коню шею.

- Начальник штаба, проверь еще раз готовность заслонов! - приказал он Карпенкову.

Сбоку, понукая коня, подъезжал всадник. Доватор узнал комиссара полка Абашкина.

- А ну, скажи, Абашкин, как твое сердце вещует?

- Дремал на последнем привале, товарищ полковник, и видел во сне домового. Будто он моему коню гриву спутал, а это, говорят, к счастью.

- Чудак! - тихо засмеялся Лев Михайлович. - В каком же духе он тебе представился?

- Да так, старикан с белой бородой, приятный такой старичок.

Всадники выехали на опушку леса и остановились. Резкий прохладный воздух говорил о близости реки. Над лесом нависла голубая просинь, и восток в полнеба горел утренней зорькой.

Шаповаленко остановил коня. Ничего подозрительного не было. Филипп Афанасьевич поехал медленным, спокойным шажком прямо к переправе, за ним следовали пять казаков.

Гитлеровцы давно уже заметили всадников - они ожидали их целую ночь. Казаки подъезжали все ближе, но вдруг остановились, настороженно посмотрели вперед и, круто повернув коней, на полном галопе помчались к лесу. Немцы не выдержали и открыли беспорядочную стрельбу, подняли галдеж, повылезли из окопов. Выдвинутый вперед по пути движения колонны заслон только того и ждал. Два эскадрона, усиленные станковыми пулеметами, в пешем строю, скрытно подошли почти к самой переправе. После сильного огневого удара заслон коротким броском ворвался в траншею и оттеснил немецкую засаду на юг.

Конница начала переправу одновременно тремя колоннами. Доватор стоял на берегу и подстегивал коней плеткой.

- Шире шаг! - раздавался его требовательный нетерпеливый голос.

Лев Михайлович все время тревожно посматривал на юг, откуда все явственней и явственней доносился густой клекот танковых моторов. Над переправой с визгом пролетели первые немецкие снаряды.

- Не задерживай! Вперед! - вразнобой звенели голоса командиров.

Однако измученные тяжелым переходом кони, вытягивая шеи, рвали из рук поводья и жадно бросались пить. Казаки хлестали их плетками, но оторвать от воды непоеных коней было трудно. Задние напирали, передние задерживали...

Пехота противника оправилась и при поддержке танков стремилась прорваться к броду, теснила заслон. Доватор понимал, что положение становится все опасней. Угодивший по переправе снаряд покалечил нескольких лошадей. В эту минуту около Доватора, кроме Гордиенкова, никого не оказалось. Командный состав наводил порядок на переправе.

- Гордиенков, станковые пулеметы на огневые позиции! - приказал Доватор. - Быстро, Алеша! - Сам остановил проходивших вьючных лошадей и помог снять пулеметы.

Криворотько вместе с Алексеем покатил "максимки" к оборонявшемуся заслону. Заслон уже находился от брода в трехстах метрах и, огрызаясь автоматными очередями, отходил.

Лев Михайлович выхватил из кобуры пистолет и побежал навстречу заслону. Следуя за ним, устремился и комиссар Абашкин, подоспевший к этому времени.

- Вперед! За мной! - крикнул Доватор.

Пули вспарывали под ногами землю. Абашкин что-то кричал Доватору, но тот, казалось, не замечал свиста пуль, не слышал голоса. В эту опасную минуту им овладел тот горячий порыв, когда собственная жизнь отодвигается на задний план. Лев Михайлович думал об одном: о тысячах переправлявшихся людей и коней. Казаки повернули и, обгоняя Доватора, побежали вперед на сближение с идущими в рост немецкими автоматчиками. Пулеметы Гордиенкова и Криворотько пришили немцев к земле. Они попадали, но продолжали стрелять.

Доватор прилег в боевых порядках около Абашкина. Положение было временно восстановлено, но Лев Михайлович видел, что главная опасность еще впереди. От опушки леса немецкие танки, посылая снаряд за снарядом, разворачивались для атаки. Остановить танки было нечем, если не считать нескольких связок гранат.

- Приготовить гранаты! - крикнул Абашкин. Повернувшись к Доватору, сказал: - Вам, Лев Михайлович, на переправу надо.

Доватор промолчал, только крепче надвинул на лоб кубанку. По выражению его лица легко было попять, что не может он уйти в эту минуту и оставить здесь людей. Не может!

- Назад ни шагу! Пулю тому!.. - сказал он Абашкину.

- Уходите, товарищ полковник! - крикнул Гордиенков. Он приподнялся на колени, вставляя в приемник пулеметные ленты. Немецкий автоматчик выпустил очередь. Алексей нырнул за щит, пустил в ответ несколько десятков пуль и снова крикнул Доватору, чтоб тот уходил.

Лев Михайлович, не слушая его, склонив голову набок, что-то приказывал Абашкину. Сзади кто-то звал его визгливым голосом, потом сильно дернул за шпору. Доватор оглянулся. Перед ним лежал Петя. Щеки мальчика горели.

- Приехал генерал и вас ищет!

- Какой генерал? Зачем ты сюда пришел?..

- Самый главный генерал... Вас ищут. Я им говорил, что вы тут... Они со мной разговаривать не хотят... Там лошадей побили

- жуть! Я взял да и побег.

- Держись, Абашкин! Понимаешь, в чем дело, если мы их допустим к переправе...

- Понимаю, товарищ полковник. Уходите.

- Идем, "делегат связи"! - крикнул Доватор Пете и побежал к переправе. Следом за ним, подобрав волочившиеся по земле грязные полы шинели, смешно и неуклюже прыгал Кочетков.

Конница продолжала переправляться, но на той стороне речки было еще не больше одного полка. Немцы наседали. Двинулись танки. Казачий заслон уже растаял наполовину. Гордиенков со связкой гранат, прячась за кочки, полз навстречу головному танку. За ним, широко раскинув ноги, полз Буслов.

Абашкин, сжимая ручки станкового пулемета, бил по перебегающим группам немецкой пехоты, не переставая в то же время наблюдать за Гордиенковым и Бусловым. Ему было видно, как Алексей, приподнявшись на одно колено, швырнул гранаты под танковые гусеницы, как потом все заволоклось черным дымом.

Доватор остановился. Он следил за тем, как кавалеристы на полном галопе скакали беспорядочной массой. Кругом взлетали черные смерчи разрывов. Налети авиация - и все будет кончено. С северо-запада немцы тоже усиливали напор. Там их сдерживал полк Бойкова. Доватор стоял, закусив губы. К ногам его жался Петя, которого он несколько раз отсылал на ту сторону реки.

Вдруг страшный грохот заставил мальчика упасть на колени. Даже Лев Михайлович вздрогнул и наклонил голову. Грохот не затихал, все нарастая с ужасающей силой. Лев Михайлович посмотрел туда, где отбивался заслон под командованием Абашкина. Поле, по которому шли немецкие танки, потонуло в черной туче дыма. Огонь по переправе прекратился.

Лев Михайлович взял первого попавшегося коня, сел верхом, посадил впереди себя Петю и, склонившись к нему, сказал:

- Слушай, Кочеток, как бьют наши пушки!

Петя молчал, испуганно тараща глаза. Доватор приказал Карпенкову снимать заслоны. Понукая шпорами коня, заехал в воду и дал коню спокойно напиться...

...Командарм сошел с наблюдательного пункта. Отдавая черноусому артиллерийскому капитану бинокль, сказал:

- Отлично, товарищ капитан! Дайте еще и еще. "Свадьбу" надо всегда праздновать торжественно.

Снятый по приказу Доватора заслон подходил к переправе последним. Взошло солнце. Над лесом светились его яркие лучи, скрещивались за редкими темно-серыми облаками, играли на каплях росы.

Буслов нес на своих богатырских руках, словно маленького ребенка, лейтенанта Гордиенкова. Голова Алексея откинулась назад, кудрявые волосы рассыпались. Смуглое лицо его было бледным, едва шевелились запекшиеся губы. По ним, точно капли вишневого сока, текла кровь. Сзади шел Яша Воробьев; сморкаясь, он все время отворачивался в сторону. Абашкин, идя с ним рядом, молчал. Последним шел Криворотько. Он нес на плече продырявленный пулями кожух станкового пулемета. На переправе он отошел в сторонку, присел на кочку, засучив рукав, посмотрел на бледно-розовую кость, выпирающую из предплечья, сморщился и опустил рукав. К нему подошел Абашкин. Вынув санитарный пакет, он разорвал его зубами и перевязал Криворотько руку.

- Быстрей давай! - нетерпеливо кричали с той стороны. Но люди уже переправлялись не торопясь...

В лесу, около госпитальной палатки, греясь на солнышке, сидели казаки. Здесь были и Шаповаленко, и Яша Воробьев, и Павлюк, и Салазкин. Под деревом стояли привязанные кони. Казаки тихо переговаривались.

- Получил я, хлопчики мои, до разу двадцать писем. Шесть от спидниц це дочки мои, три от Полины Марковны, семь от колхоза, два от парткома, одно от сельсовета. Штуки четыре, мабудь пять, от дружков. - Филипп Афанасьевич извлек из кармана целую пачку конвертов.

- Получил двадцать, а насчитал двадцать восемь, - заметил Салазкин.

- Да тут, товарищ дорогой, бухгалтера треба. Ты вот письменный человек, помоги мне разобраться со всей этой почтой, а то я совсем запутался... Да еще пять штук имеется для Захара. Що мне с ними робить? Как отписывать? Научите, хлопчики. Кабы вы знали, други мои, как тяжко на душе! Дружок-то мой, будь он не лихом помянут, сына оставил, а сам его николи не бачив. Вот он зараз лежить на пузе, цей пацан, и ножками дрыгаеть. - Филипп Афанасьевич вынул из конверта фотографию и показал товарищам: голенький, с пухленькими ручонками, глазастый, улыбающийся ребенок.

- Очи-то, побачь, Захаровы! - Шаповаленко закусил ус и смахнул непрошеную слезу.

- Да ведь он, кажись, неженатый был, - проговорил Яша, разглядывая карточку.

- Як же неженатый! Ты это мне брось! - сердито заворчал Филипп Афанасьевич. - Ты почитай письма, як разлюбезно ему Анюта пишет. Такие мне писала в ту войну Полина Марковна. Понял? А жена у Захара Торбы зараз директор нашей МТС,

чуешь? А ты говоришь - неженатый.

- Раз есть сын, значит, женатый, резонно заметил Павлюк и, опустив голову, добавил: - Больно жалко Захара Тимофеевича...

- Зараз куда ни вкусишь, везде больно! - Шаповаленко закрыл рукой орден Красного Знамени, точно хотел согреть его теплотой своей руки. Сердце колотилось и болело. Друга потерял, а любимый командир лежал в госпитальной палатке, боролся со смертью.

Дробный конский топот прервал его мысли и заставил оглянуться. Из-за палатки на горбоносом взмыленном коне вывернулся всадник и на ходу спрыгнул на землю.

- Хлопцы, здорово! - Скуластое лицо Захара Торбы улыбалось. Он осунулся, похудел. Растопырив руки, смотрел на товарищей блестевшими глазами, хотел что-то сказать, да слова застревали в горле.

- Ты... откуда взялся? - крикнули все в один голос.

Захар облапил друзей своими грабастыми руками, целовал кого в губы, кого в нос...

- Как лейтенант? Вот что вы мне скажите, браты! Я зараз с аэродрома, чуть коня не загнал... У меня из партизанского отряда для полковника есть письма от его батьки.

- Генерал здесь, - ответил Шаповаленко, кивком головы показывая на госпитальную палатку. - А у меня, Захарушка, и для тебя имеется... Филипп Афанасьевич передал ему письма. Схватив их, Захар убежал за палатку.

Брезентовый полог дрогнул, раздвинулся. Лев Михайлович вышел, постоял немножко, повертел в руках папаху, надел ее и снова вошел в палатку. Казаки притихли.

- Что можно сделать? - послышался его голос.

- Несколько ран, товарищ генерал, навылет, а одна пуля застряла около самого сердца. И извлечь ее нельзя, - ответил ему другой голос.

На койке метался Алексей. Чернокудрая голова перекатывалась по подушке. Побледневшее лицо его было красивым, жар уже не румянил щек, только глаза беспокойно блуждали по сторонам и чего-то искали.

- Нина, почему так тихо?

Нина вздрогнула. Голос был не Алексея, а какой-то чужой. Камфарная ампула дрожала в ее руках. Нина оголила перевитую связками мускулов руку Алексея, хотела место укола протереть ваткой, но он вялым движением отстранил ее, посмотрел невыносимо жгучим взглядом, снова спросил:

- Почему так тихо?.. Доватор жив? Почему ты плачешь? Лев Михайлович жив?

Казаки услышали громкий выкрик, точно кому-то сердце прокололи, и на этом живом звуке оборвалась жизнь Алексея...

Стоявший под деревом горбоносый конь с белыми губами высоко поднял голову, повел огненными глазами по сторонам. Яростно ударяя копытом, призывно заржал.

С папахой в руках из палатки вышел Доватор. Казаки склонили обнаженные головы. Лев Михайлович с размаху ударил себя по лицу папахой и, не отрывая ее от глаз, пошел в лес.

Завидев приближающегося генерала, Сергей рысью подвел коня. Накинув на плечи висевшую поперек седла бурку, Лев Михайлович сел на коня, разобрал поводья, выпрямился. Поправив на голове папаху, взял с места широкой, хлесткой рысью, а в поле пустил галопом.

Выехав на поляну, резко осадил коня, остановился. Золотую осыпь листьев крутил порывистый ветер, разрывая блестевшую между ветвями паутину, вместе с листьями гнал ее под крутой берег реки. Достав из кармана платок, Лев Михайлович, не стыдясь Сергея, вытер катившиеся по щекам слезы. Смерть выхватит из жизни не одного Алексея, а многих. Война еще только начиналась.

По дорогам Смоленщины к фронту шли советские солдаты. Следом катились пушки, повозки, машины. А навстречу по обочинам дороги двигалась бесконечная вереница стариков, подростков, женщин с ребятишками на загорбках. Все вокруг кипело в котле войны.

С суровой, четкой восприимчивостью видел ясный и умный взор Доватора боевую, грозную судьбу Родины. Не ради лихой кавалерийской удали водил он боевые полки по глубоким тылам врага, а во имя любви к Родине, во имя справедливого возмездия, которого ждет советский народ, ждут народы всего мира. Осиротевшие дети, матери, потерявшие детей, идут по дорогам войны. Полными невыплаканных слез глазами смотрят они, оглядываясь на запад. Они никогда не забудут обугленных сел и городов, обезображенных садов и полей. Кровавой, протоптанной фашистскими танками дорогой тянутся эти страшные места через Болгарию, Чехословакию, Польшу, Белоруссию, Смоленщину к сердцу советской земли - великой Москве.

Льву Михайловичу надо быть в штабе. Но он не торопится, он хочет обдумать речь, с которой обратится к бойцам.

"Тяжело, товарищи, - скажет он, - и будет еще тяжелее. Но недалеко то время, когда советские люди пойдут за пламенеющим стягом Отчизны непоколебимой поступью вперед и вперед. И ляжет навечно, через малые и большие страны, широкий, как море, просторный, как степь, великий шлях

свободы. Под громоподобный салют орудий и звуки могучей песни взмутят краснозвездные танки, кавалерийские кони широкие воды Днепра и голубого Дуная, рассекут дрожащие неприветливые волны Одера и Шпрее. И снова, как сто восемьдесят лет назад, зацокают копыта белоногих дончаков по каменным мостовым германской столицы. Порукой тому - прозорливая мудрость великой партии, поднявшей народы Страны Советов на священный бой..."

Вот оно, необозримое людское море, многоголосо плещется под красными знаменами в ожидании митинга, поблескивает оружием. Чубатые, в касках, со скобками прокуренных усов, со степенно зрелой, крутоплечей выправкой опытные, трудолюбивые воины, ровесники первой русской революции, и молодежь - бодрое комсомольское племя.

Буйно разливается нетерпеливая удаль в суровой песне "Вставай, страна огромная..."

Мощные звуки песни отзывались в сердце полководца.

"Москве вечно стоять и быть навечно русской..."

Доватор, туго натянув поводья, собрал коня и ровным, неторопливым шагом поехал навстречу песне, к яркому пламени знамен.